

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

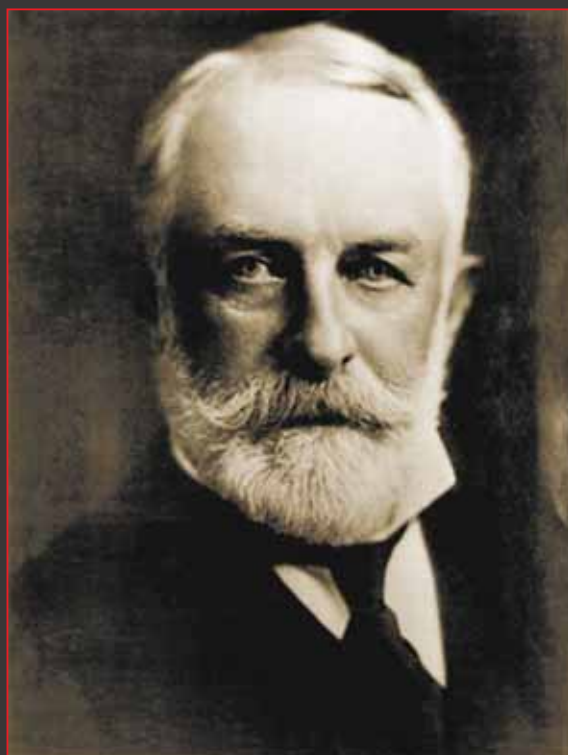
СМЕНА

№5 МАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2017

О Генри Фрике и его коллекции
читайте на странице 66.

Замечательные современники

<i>Светлана Савицкая</i>	Михаил Ножкин: «Я продолжаю служить России» 4
<i>Елена Воробьева</i>	Ксения Теплова: «Хочу получить драматически сложную роль, где все на одном дыхании...» 78

Это интересно

<i>Дмитрий Зелов</i>	Невероятные приключения памятника Александру III 14
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Мир, труд, май 25
<i>Валерия Быкова</i>	Тайны Агаты Кристи 42

Рассказ

<i>Татьяна Нилова</i>	Поилка для птиц 34
-----------------------	---------------------------------

История шедевров

<i>Ирина Опимах</i>	Генри Фрик и его коллекция 66
---------------------	--

Минувшее

<i>Денис Логинов</i>	Прекрасная испанка 83
----------------------	------------------------------------

Литературные страницы МСПС

<i>Иван Переверзин</i>	Постижение любви 98
------------------------	----------------------------------

Поэзия

<i>Юлия Буранова</i>	Стихи 126
----------------------	------------------------

Посмеемся вместе

<i>Ольга Торощина</i>	О спорт, ты — мир!!! 128
-----------------------	---------------------------------------

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	Опасный сочинитель 134
--------------------	-------------------------------------

Так было

<i>Анри Рачков</i>	Юленька 146
--------------------	--------------------------

Остросюжетный роман

<i>Виктор Добросоцкий</i>	Белый лебедь 154
---------------------------	-------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

«Бессмертный полк».
Фото Светланы Савицкой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: sales@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8600

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.04.2017

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Его знала вся Москва: писатели и журналисты, артисты и художники, полицейские и воры с Хитровки, миллионеры и нищие попрошайки — так называемое «дно» города и так называемый «свет». Владимир Алексеевич Гиляровский был необычен во всем — в своей биографии, внешности, в своей разносторонней бурной талантливости. Силач, способный завязать узлом железную кочергу и свернуть в штопор серебряную ложку, он обладал тонким умом, огромными знаниями во всех областях жизни и сильным, отточенным пером, привлекавшим к его репортажам и книгам внимание читателей. Именно таким он и был — любимый многими «дядя Гиляй».

Алла **Зубкова** «Певец Москвы»

«В историческом сознании Крымская война ассоциируется с одноименным полуостровом, и это вполне логично. Но не все знают, что боевые действия велись и в других уголках Российской империи — от Балтики до Тихого океана. И уж тем более мало известен эпизод тех времен, произошедший у Соловецкой обители, когда мужество, стойкость духа и верность Отчизне совершили поистине невозможное: противник, многократно превосходящий в численности и вооружении, счел за лучшее отплыть от древних стен монастыря, признав тем самым свое поражение.

Дмитрий **Зелов** «Соловецкий эпизод»

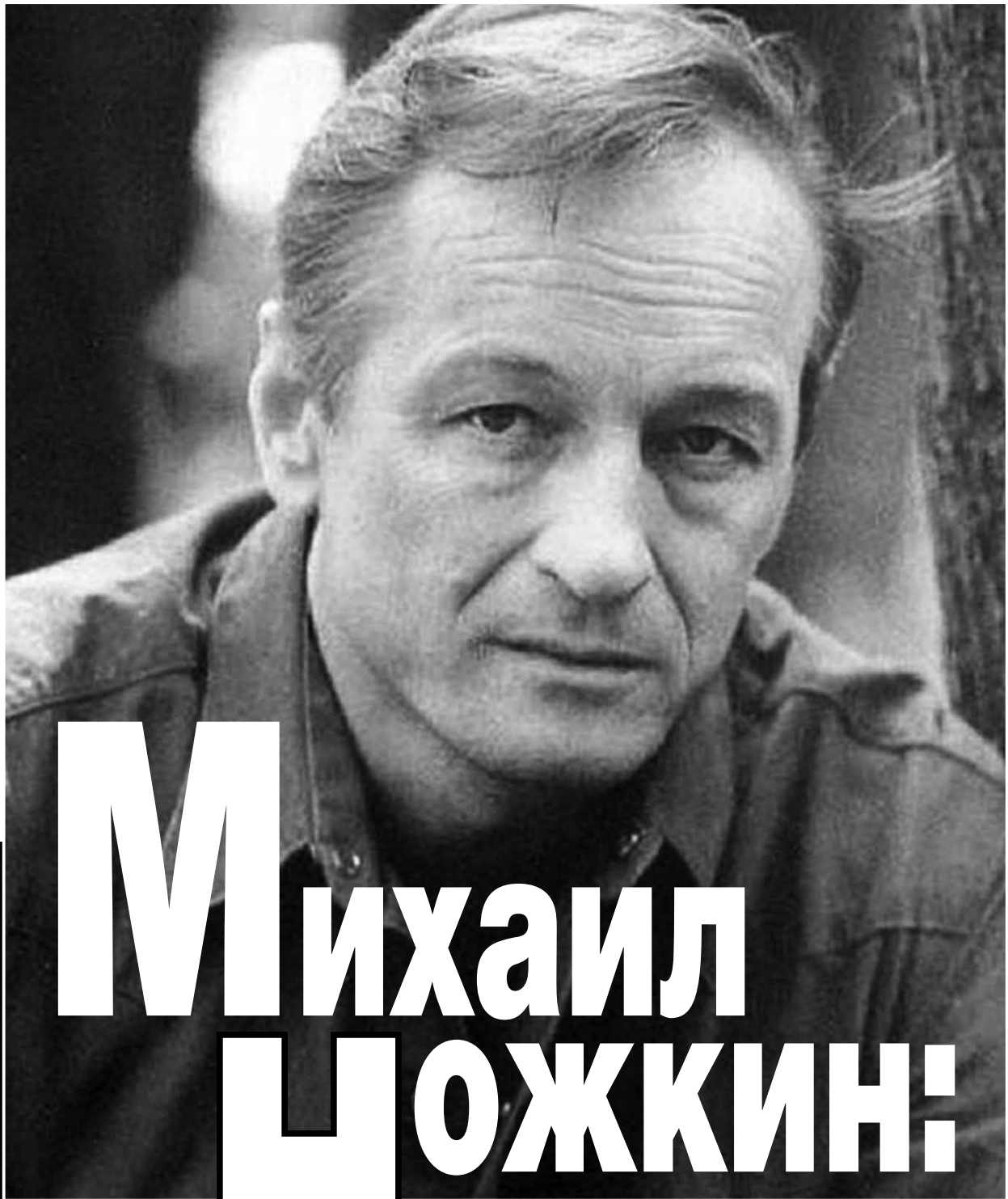
«В середине XVIII века дела в Великобритании шли не очень хорошо. Голод и высокие налоги вызывали недовольство народа. На этом фоне важнейшим событием стали выборы в парламент. И тут началось!.. В ход пошли и подкуп избирателей, и торговля парламентскими креслами, и участие в выборах больных и убогих, естественно, за деньги. Впечатленный разгоревшейся борьбой за власть английский художник Уильям Хогарт создал целую серию картин, которая так и называется — «Выборы в парламент». Казалось бы, все это происходило в далекие времена, и ушло в прошлое, но...

Ирина **Опимах** «"Выборы в парламент" Уильяма Хогарта»

«С марта по июнь этого года в музеях Московского Кремля проходит выставка, призванная познакомить российскую публику с величайшими достижениями французской средневековой культуры. Среди редких экспонатов в ней представлены и сохранившие раритеты, принадлежавшие королю Людовику XI. Кто он, за какие заслуги его нарекли Святым, и почему даже сегодня французы считают его одним из самых мудрых и справедливых правителей, мы и попробуем разобраться.

Светлана **Бестужева-Лада** «Мудрый правитель»

«Детектив Андрея **Быстрова** «Легкокрылый ангел смерти»

Михаил НОЖКИН:

Михаил Ножкин — уникальное явление современной эпохи. Не многие знают, что все барды пошли от Ножкина — и Высоцкий, и Окуджава, и многие другие. Именно Михаил

отворил путь философии песенной. И авторская песня полна смысла, лирики, мастерства. Она безупречна. Таких песен много, больше, чем мы бы могли себе представить. Мои любимые — песня про электричку, про тетю Нюшу, про шею, про кладбище, песня-реквием про Ржев, песня-молитва «Помоги им Боже!»...

Звание «народный артист» не совсем ему подходит. Этого слишком мало для нашего понимания Ножкина. Что такое артист? Сценарист написал слова. Режиссер вложил смысл. Оператор снял в выгодном ракурсе. Вот и все. Я знаю многих народных артистов, которые на экране говорят одно, а в жизни они совершенно другие. Бывает, торгуются со мною, как за пучок редиски, о цене выступления на нашей сцене. Бог им судья.

**«Я продолжаю
служить
России»**

А он не торгуется. Он приходит. И в буквальном смысле слова «пашет», хотя уже и ноги не так резвы, и дыхание сбито, и голос теряет серебряный звон. Но звучит «Развед-

ка ГРУ, разведка боем...», «Мы так давно не отдыхали...», «Я люблю тебя, Россия» на встречах с ветеранами и в молодежных центрах, на малой сцене из десятка зрителей и в шеститысячном Кремлевском дворце съездов, с оплатой и без, но всегда под бурю аплодисментов. И зал слушает стоя. Это песни-гимны. Песни-молитвы. Песни-хоругви. Они похожи на энергетические столбы от земли к небу. От настоящего — в прошлое и будущее.

Станиславский говорил о сверхзадаче. Сверхзадача Ножкина, как ни странно, в любви. Его герои любят друг друга, любят города, страну, планету. Любят всем естественным, а значит, их предназначение — все это защищать. Отсюда песня: «Добро должно быть с кулаками».

Родоначальником «Голубого огонька», куда приходили интересные люди, был именно Михаил Ножкин. Все формы разговорного жанра освоены им блестяще! Фельетоны, монологи, куплеты, частушки, новеллы, пародии... Озвучены стихами и музыкой сотни песен. Тоже блестяще!

Михаил Ножкин — Творец! В его «золотое перо» вложен небесный дар. Он, как мечом, владеет СЛОВОМ! Это не только величайший дар, но и невероятно большая ответственность. Вот показывают с экрана сериал за сериалом. Воины. Афганцы... Да, молоды. Да, красивы. Да, искренни. Но все это лишь эстафета. Лишь второй шаг. А первый —

*К/ф
«Юность
Петра»,
в роли
Бориса
Голицына*

Справа:
*К/ф
«Освобождение. Битва
за Берлин»,
в роли
лейтенанта
Ярцева*

там, в киноленте «Освобождение» Ножкин кричит: «Пушку в метро!» Его герой майор Шатохин воюет в морской пехоте, в штыковую атаку идет подполковник Рощин, разведчик «Бекас» сражается борцом «невидимого фронта» в фильме «Ошибка резидента»...

Нежны и надежны и его лирические герои. «Каждый вечер в 11» слушает проникновенный голос героиня актрисы Володиной, ждет, ждет и еще раз ждет и «ходит по мукам» героиня Пенкиной своего Рощина. А дома...

45 лет душа в душу были прожиты с любимой женой Ларисой. Именно ей посвящен новый двухтомник избранных произведений «Точка опоры» и «Будь человеком».

Почему зритель верит? Да потому, что скелет мироздания внутрен-

него благородства актера совпадает со сценарными строчками. Потому что многие ленты оживлены лучезарным светом авторской песни. А в них — душа. Его душа, но самое невероятное, твоя душа и моя душа, а, значит, общий стержень нации...

Мы познакомились в 1997 году, когда мой давний друг скульптор Видуков собрал друзей в зале гостиницы Измайловская на свой 80-летний юбилей. Ножкин читал стихи. А я пела. И первый его жест в отношении незнакомой «певуны» поразил заботой и простотой. Он подскочил к микрофону и помог его поправить, чтобы удобнее было петь. Я сразу подумала: «Надо же! Он не просто знаменитый актер, он — человек! Добрый человек!»

С этого чуткого жеста помощи началась наша дружба. Мы обме-

нялись телефонами. С тех пор я отношусь к Михаилу Ивановичу, как наши предки относились к волхвам. И мне не важно, любит он меня или не любит, ценит или не ценит, знает о моем творчестве или нет.

Михаила Ивановича награждали многими орденами и медалями. Он — лауреат Государственных премий, почетный гражданин многих городов, обладатель Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси». А еще — обладатель знака «Лучший автор нового тысячелетия».

Нашим оргкомитетом утвержден «Диплом Ножкина», за который ежегодно борются тысячи поэтов.

Михаил Иванович считает, что первой точкой отсчета к возвращению Великой России стал Крым.

Вторая — Бессмертный полк.

Горячо поддерживая эту народную волну, он написал Марш Бессмертного полка. Почему марш? Да потому, что Бессмертный полк — символ статичный, а марш — это вечная динамика жизни.

Все мы были свидетелями, когда народ единым строем прошел по центру Москвы 9 мая, неся, как символ освобождения и подвига, портреты своих отцов и дедов, погибших в Великой Отечественной войне.

Михаил Иванович Ножкин находился прямо в эпицентре этих событий. Тысячный поток двигался мимо Храма Василия Блаженного. Энергетика чувств чуть ли не видимой волной сбивала с ног, наполняла в День Победы Красную площадь и сердца людей. Многие плакали.

Ванга предсказала: «Когда мертвые встанут вместе с живыми, и когда Сирия падет, Россия выйдет на новый нравственный уровень и станет ведущей державой мира, за которой как дети пойдут другие народы...» Предсказание сбывается. Мертвые встали рядом с живыми.

Вот такой образ получился у нас, точно это не человек, а кремень. А ведь и у него есть свои слабости, предпочтения и милые воспоминания.

Его, коренного москвича, каждое лето месяца на два или два с половиной «забрасывали» в дальнее Подмосковье в деревню к знакомым.

Немцев тогда только отогнали от Москвы. Разруха. Голод. А деревня Дубровка, не доезжая до Малого Ярославца, в нескольких километрах от Обнинска, — совсем другое дело! Сказочные, красивейшие места!

Михаил с радостью осваивал всю деревенскую работу — ухаживал за скотиной, косил по росе, добывал в лесу грибы и ягоды, а в Протве — рыбу!

Там впервые сел на лошадь. Табун в Дубровке был небольшой, но Михаил не раз ходил с пастухами в ночное. Он и сейчас твердо убежден, что этот надежный, верный и очень

*К/ф
«Судьба
резидента»*

полезный друг всегда выручит, «в отличие от политиков, конь ничего не говорит, а делает».

Умение обращаться с ними не раз выручало и на съемках.

В 1957 году Михаил Ножкин сыграл в киноленте «Метелица» белогвардейского офицера. Его и его коня нарядили по полной офицерской выкладке. Съемки проходили в Сокольниках, в специальном конном парке. Теперь там Конный двор «Яуза». Конь оказался норовистым. Однажды на полном скаку остановился перед ручьем, как вкопанный, и наш «белогвардейский офицер» Ножкин, вылетев из седла, перелетел через ручей. К удивлению съемочной группы, он нисколько не пострадал, вовремя сумел сгруппироваться, как в детстве. Кто-то из местных сделал снимок, как сидит Михаил Иванович на том норовистом коне и улыбается...

Потом были «Петр Первый», «Хождение по мукам» и штыковые атаки. А в них надо не только в седле удержаться, но и шашкой махать, и орать во все горло. А шашка настоящая, отнюдь не легкая! И лошадь — не кляча какая-нибудь, а настоящая боевая, к тому же незнакомая. Вот и помогла детская сноровка в творческой жизни.

А самое интересное происходило во время съемок «Петра Первого».

Ножкин поначалу отказывался от роли Голицына.

— Сниматься не буду. Делать там нечего, — заявил он режиссеру. — В сценарии такой мизер, что даже неинтересно.

Режиссер убедительно попросил прочесть сценарий второй раз.

— Нет, спасибо, но не буду, — снова отказался Михаил.

— Но ты подумай! Это же Петр Первый. И ты!

— Роль одна из главных, а сцен мало, — снова отказался Михаил.

— Читай в третий раз!

И Ножкин в третий раз отказался.

— Ты понимаешь, кто такой Голицын? — обиделся режиссер. — Он же шафером был у Петра! Историей занимаешься, а не понимаешь! Войском командовал! Куда вышето? Ты же меня позоришь, все рвутся сниматься у меня, а ты отказываешься! Что ж ты со мной делаешь?

— Да я готов пол подметать на съемках, лишь бы не огорчать вас! Ну, хорошо, — сдался, наконец, Михаил. — Буду сниматься, но дадите поскакать на коне?

— Конечно, дадим! И не на каком-нибудь, а на самом, что ни на есть, царском! Только соглашайся!

И вот наступил день съемок.

— Я приезжаю в Суздаль, и подводят мне коня, — вспоминает Михаил Иванович. — Аж дух перехватило. Такого огромного коня я никогда не видел! Думаю, как же я на него забираться буду? Но все же прыгучесть у меня хорошая, и я ловко влез на эту зверюгу. Но другие это могли делать только с табуретки!

Случались и небольшие проблемы. Например, Голицын должен был с горы скакать, а Петр Первый встречать его. Но артист, который играл Петра, как увидит, что на него конь-громила мчится, психологически не выдерживает и отскакивает в сторону. Снимали много раз.

Осталось качественными лишь два дубля.

Роль Голицына в «Петре» хоть и небольшая, но важная, тут главная цель — историческая достоверность. Надо было изображать лихого наездника — в левой руке держать узду, а правая должна быть свободной. А у Михаила Ивановича левая рука до крови была рассажена, он еле сдерживал двухметровую зверюгу! Гордый красавец потихоньку привыкал к новому хозяину и постепенно понимал, что от него требуется. Так что у Михаила Ивановича давнее уважение к лошадям. Он искренне считает, что это особенные друзья людского племени, и они его не раз выручали!

Частые его выступления и встречи продолжают даже теперь, когда многие сверстники, достигшие мудрого возраста, давно сошли с актерской и творческой дистанции. Кроме того, он работает над третьей книгой, над несколькими новыми дисками и над фотоальбомом.

— В идеале хотелось бы собрать десятитомник о людях, с которыми был дружен. О великих людях! Ведь я объездил вдоль и поперек всю Россию и множество стран. Сколько событий пережил! Фантастических! Светлых! Дружил со многими выдающимися умами, о которых поколения уже забыли! Главным акцентом книги хочется показать реальность влияния России на мировую цивилизацию. Наш Язык великий, и наша история велика! Челю-

*М.И. Ножкин в рядах «Бессмертного полка»
рядом с В.В. Путиным*

век — это первое, а в его стержне, прежде всего, язык и история. Но садиться за мемуары — состояние особое. Пока боюсь даже начинать.

— Зачем живет человек?

— Чтобы выполнить свою основную миссию — не разрушить связь времен. Он обязан сохранить то, что сделали предки. Культура, история — база, чтобы ты жил, пел, ел, пил, работал. Обязанность наша не только лишь сохранить, но и преумножить! А далее — передать поколениям.

— Защита Родины — закон, право или обязанность?

— Если до тебя это все делали деды, миллионы жизни положили, то и ты должен встать за Родину стеной! Ради прошлых и будущих поколений. Работать на Родину — это

конечно, обязанность, не желание. В военные и, особенно, в послевоенные годы никто не говорил об обязанностях. Хочу — не хочу, а должен сделать — убрать, печку натопить. Отец на фронте, мать на работе — если бы я не сделал свою работу — я бы сам со стыда помер, меня ведь никто не стал бы ругать! Мы по образу старших — всех, кто нас окружал, — и учились жить.

— Что можете сказать о понятии «европейские ценности»?

— Я бы определил их в два слова — это евро и доллар!

— Патриот — с латыни «родина». Что для вас патриотизм?

— Врожденное чувство долга каждого нормального человека перед его прошлым, его будущим, это смысл жизни появления на свет. Если

в людях нет ответственности, это неполноценные люди. Значит, в них нет главного.

— Очень много говорится сейчас в западном мире о правах человека...

— Это все филология. Права человека, права ребенка, права козленка... Те примеры, что они выставили перед нами — не достойны нашего общества. Бессмыслица и ахинея. Разгул и разврат. Все пронизано низменными инстинктами и озабоченностью. Я их называю «ан-

глосэкссы». Ни слова об элементарных принципах, морали, уважении предков, сохранении языка...

— А экология?

— Земля — живая. Она уникальна в этой части Вселенной! И ей надоел тот дурак, которому все дано, а он портит то, что ему дано! Ископаемые, вода, ресурсы... Человек мусором завалил полпланеты... Но самый опасный мусор — в человеческих душах! Поэтому планета периодически сбрасывает нас. Мы сами виноваты!

— Что для вас культура?

— Это разумное использование полученных знаний и возможностей и в технике, и в жизни, и в любви.

— А что есть любовь?

— В Писании говорится, что Бог есть любовь. На мой взгляд, Бог — это совесть! Потому что любовь тоже может быть бессовестной! Совесть — основа любви. И ты уже по-другому поступишь по отношению к девушке, к женщине. О любви же в нашем современном мире введено понятие — они «занимаются любовью», то есть понятие любви опущено дальше некуда — технологический процесс! Ситуация с нравственностью вышла из-под контроля. До оскорбления высших человеческих чувств... Что вы, голливудские прихвостни, суете женщин не в их обязанности? Зачем у вас в каждой ленте женщина держит пулемет чуть ли не между ног с крашенными ногтями только что из парикмахерской... А ребята другого и не видят... Производственная гимнастика между ужином и завтраком — вот во что превратил понятие любви наш современный кинематограф!

— «Демос» — народ, «кратия» — власть, согласно греческому языку. Что демократия для вас? Есть ли она реально в нашем мире?

— С Перикла (V век до нашей эры) — соединить верха и низы, богатых и бедных — никогда не получалось. А нынешняя «икона» международной демократии — это возможность нарушать любые законы

любого государства на законном основании.

— Ну, не все же так плохо. Есть ли в каких-то кинолентах перспектива?

— Выстраивание положительного героя, способного ради любви к России пожертвовать не только высокой карьерой, но и высокооплачиваемой работой, и служебной карьерой, — показано в фильме «Дипломат по призванию» молодого режиссера Альберта Павлова. Если бы наше телевидение делало серии именно таких фильмов, основанных на истинном патриотизме, а не на бытовых «мыльных операх», зритель бы сказал ему спасибо. Истосковалась душа у зрителя по настоящему.

— Ваша личная любимая картина, в которой вы снимались?

— «Хождение по мукам». В собирательном образе Рощина есть все, что для русского человека должно быть! Этот понимает всю ответственность за жизнь! Каждый из нас — это маленькая родина, ответственность перед всем — женщиной, делами, родиной. Рощин — символ прошлого, настоящего и будущего. Не идеал, но пример, достойный подражания.

— Как вы себя сегодня чувствуете?

— Как Россия, так и я!

— А есть планы на будущее?

— Конечно, как у любого человека. Лично у меня в планах — продолжать работать на Россию... □

Беседовала **Светлана Савицкая**

Дмитрий Зелов

Невероятные приключения памятника

Александр III

С Екатерины Великой до Александра III все венценосные правители после своей смерти начинали... другую, можно сказать, жизнь. Они становились... памятниками. И неизвестно еще, чья судьба была сложнее: венценосной особы самой большой и могущественной империи в мире или памятника, равнодушно внимающего добру и злу.

Печально знаменитый декрет Совнаркома 1918 года «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг», принятый с подачи вождя мирового пролетариата, призывал беспощадно расправляться с наследием «проклятого прошлого» — уничтожать памятники царям и их слугам.

В первые годы советской власти в пылу революционного угара по всей бывшей Российской империи было снесено множество памятников истинным патриотам своего Отечества, людям крайне достойным и почитаемым в обществе. Разрушителей своей истории не остановили ни всемирная известность скульпторов, ни высокохудожественное исполнение произведений. Иные горячие головы, одурманенные мировым революционным пожаром, грозились отправить на переплавку даже «Медного всадника», с Мининым и Пожарским в придачу. Эти памятники, к счастью, удалось отстоять.

Но был в Петербурге памятник, которому не повезло с самого начала. Его судьба — трагикомедия. Памятник, автором которого был Паоло Трубецкой, много раз пытались уничтожить, еще больше — оскорбить и унижить. Но даже советская власть, истребившая десятки знаменитых памятников «царям-кровопийцам и их слугам» по всей стране, этот так и не решилась пустить в огонь мартена, ограничившись вначале едким сарказмом, а затем полным забвением.

Казалось, само провидение, видя явную неблагосклонность людей к памятнику, хранило его до лучших времен, которые наступили лишь на исходе XX века. Впрочем, обо всем по порядку.

Августейшее пугало Санкт-Петербурга

А как хорошо все начиналось... 23 мая 1909 года на Знаменской площади Санкт-Петербурга был торжественно открыт памятник Александру III работы скульптора Паоло Трубецкого. Воздвигнутый в чрезвычайно выигрышном месте — там,

где стройный, как стрела, Невский проспект делает ломаную линию, превращаясь в Старо-Невский, монумент должен был стать визитной карточкой города. Памятник был первым монументом, первой зримой доминантой, по которой у прибывающих в Санкт-Петербург гостей должны были складываться первые впечатления о городе на Неве.

Император Александр III

Его установка у Николаевского вокзала вовсе не была случайной: отсюда начинался Великий Сибирский путь — самый длинный железнодорожный путь в мире. Памятник Александру III, на последние годы правления которого как раз и пришлось начало работ по сооружению станового хребта железнодорожного скелета Российской империи (введенного в эксплуатацию уже в начале XX века при его сыне Николае II), должен был стать триумфом величия российского самодержавия, навечно связавшего стальной колеей сквозь всю Евразию время и пространство на 1/6 части суши. Именно такой посыл и содержался в подписи на постаменте: «Императору Александру III державному, основателю Великого Сибирского пути».

Но вышло иначе. Общество разделилось в своем отношении к памятнику, высказывая диаметрально противоположные суждения, от сатирически-глумливых шуток-загадок:

*На площади — комод,
На комодe — бегемот,
На бегемоте — обормот.*

Хотя это еще, пожалуй, самая невинная шутка-загадка городских острословов про памятник Александру III. У нее было продолжение, которое шепотом добавляли самые смелые:

*На идиоте шапка,
На шапке крест,
Кто скажет слово,
Того под арест... —*

до восторженно-хвалебных отзывов известных деятелей русской культуры: «Это есть именно наш русский монумент, где представлена Русь» (философ В.В. Розанов), «...памятник выдуман чутким и остроумным человеком» (художник А.Н. Бенуа).

Хотя казалось бы, с чего? Отчего? Почему вдруг такая палитра мнений?! Лучшим ответом на этот вопрос будет анализ событий, произошедших в России накануне открытия монумента, равно как и художественных особенностей самого памятника.

Время Александра III в сознании обывателя начала XX века четко ассоциировалось с торжеством реакции, свертыванием либеральных начинаний Александра II. Можно бесконечно спорить о том, чем было

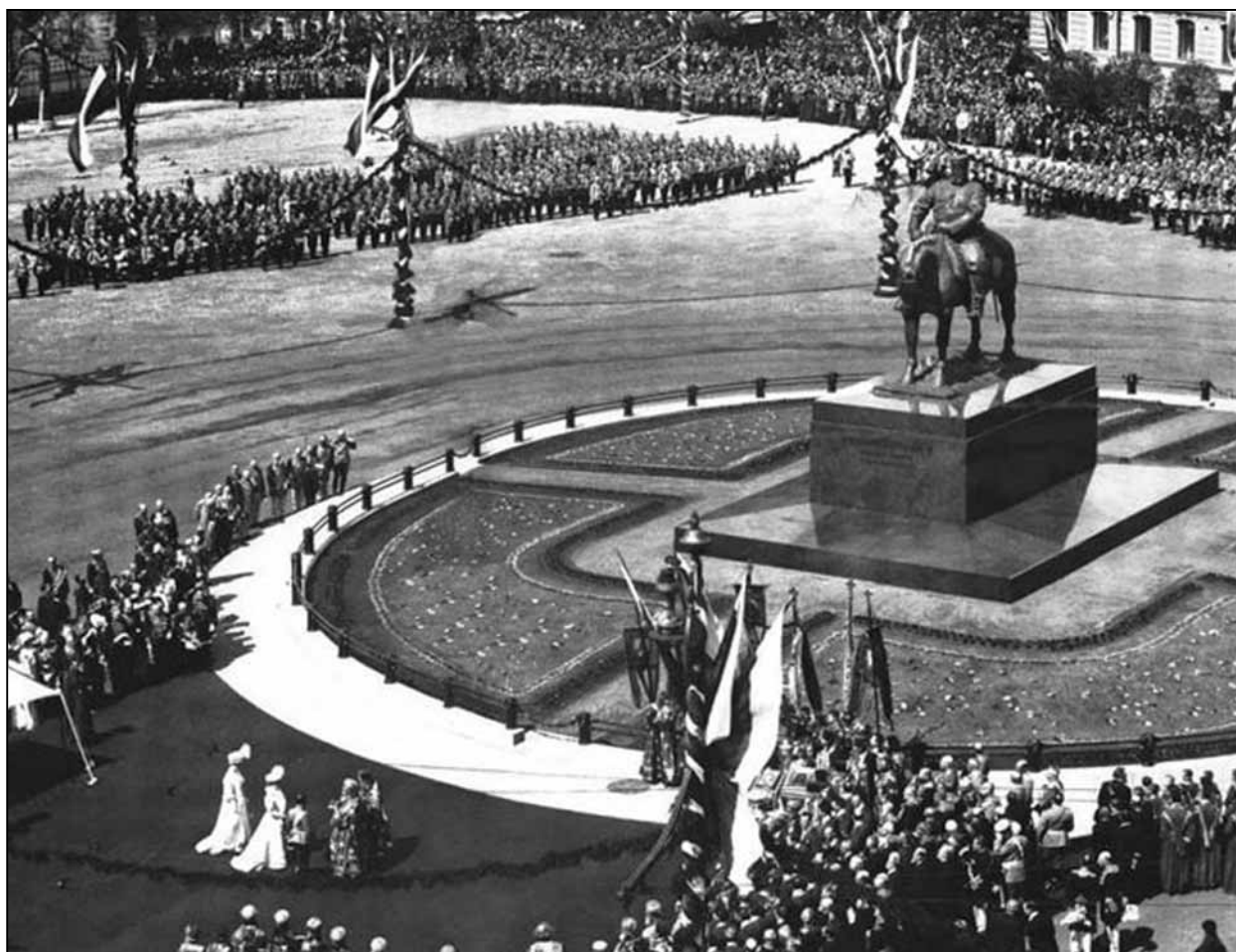
время Александра III для России: злом и благом, торжеством реакции или жестким и твердым соблюдением национальных интересов. Факт, однако, остается фактом: Александра III и поныне воспринимают (хотя во многом и незаслуженно) как ярого консерватора-реакционера.

А теперь обратимся к дате установки памятника Александру III — 1909 год. Российское общество той поры находилось в крайне подавленном, угнетенном и одновременно озлобленном на власть состоянии. На правление Николая II уже пришлось жесточайшее поражение

в войне с крохотной Японией, которую хотели «закидать шапками», Кровавое воскресенье и подавление первой русской революции, буксующая столыпинская аграрная реформа. И, наконец, роспуск в 1907 году II Государственной Думы — полное свертывание даже тех робких ростков парламентаризма и свободы, которые перепуганный Николай II дал народу после начала революции.

И на фоне всех этих мрачных и трагичных для нации событий, когда власть поставила памятник Александру III — символ торжества реакции, — общество прорвало...

Открытие памятника Александру III на Знаменской площади — 23 мая 1909 года

От Февраля к Октябрю, или как жилось памятнику в это время

С началом Первой мировой страсти вокруг памятника немного поутихли. Правление Александра III стало переоцениваться, а его время считаться торжеством спокойствия и стабильности, благом для счастья и процветания Родины. Как-никак, царь-миротворец. Казалось, времена вчерашних насмешников безвозвратно канули в лету...

А империя Романовых тем временем стремительно катилась в тартарары. То есть, в никуда. И чем даль-

ше шла война, и чем хуже были дела на фронте, тем все большему и большему числу людей это становилось очевидным. Даже те, кто раньше никогда не интересовался политикой, начинали это если не понимать, то чувствовать. Все ждали развязки.

Февральская революция покончила с самодержавием. Накопившиеся в обществе за правление Николая II злость, раздражение и усталость от постоянных внешних и внутренних неудач и поражений, требовали выхода. Пар из чайника выпустили на памятник. Как его только не обзывали: «бегемот», «комод», «уродина», «пугало».

Царь-пугало при советской власти

Для новой власти все цари были на одно лицо, но, учитывая высокую художественную значимость произведения, памятник до времени решили не трогать. Авось, пригодится до лучших времен, когда его можно будет на потеху выставлять. Мол, были когда-то «в темном прошлом» такие вот с виду грозные и страшные, а на самом деле пустые и глупые цари...

А пока монумент решили спрятать, чтобы не отвлекал трудящихся от демонстраций и митингов и не смущал обывателей напоминанием о прошлом. При этом было найдено гениальное решение: памятник остался на своем месте. Для него просто соорудили деревянный чехол, в который и заключили. Получился такой своеобразный «гроб» для памятника. Подобным оригинальным способом советская власть в первые годы своего существования «хоронила» многие известные памятники по всей стране.

Но тайное и запретное всегда притягивает к себе страждущих. Поэтому, чтобы покончить с идеологически вредными слухами и сплетнями о том, что большевики прячут от народа героев Отечества, а заодно и показать, что это были за «герои», власть решила снять крышку «гроба» с царя-памятника.

В первый крупный юбилей советской власти, к 10-летию Октября, перед обывателями памятник Александру III предстал во всей красе.

*Автор памятника Александру III
скульптор Паоло Трубецкой*

Правда, появились и новые детали. По всем четырем сторонам гранитного постамента шла стихотворная надпись «соловья революции» Демьяна Бедного:

*Мой сын и мой отец
при жизни казнены,
А я пожал удел посмертного
бесславья.
Торчу здесь пугалом чугунным
для страны,
Навеки сбросившей ярмо
самодержавья.*

Но это еще не все. Сам памятник был заключен в клетку, рядом с которой соорудили конструктивистскую башню с серпом и молотом и надписью «РСФСР». Вся композиция называлась «Пугало». И целых десять лет теперь уже ленинградцы смотрели на заключенный в клетке памятник царю.

Пустив на переплавку по всей стране десятки намного более худо-

жественных монументов прославленных скульпторов, большевики не спешили уничтожать памятник Александру III. И, кажется, не собирались делать этого вовсе. При всем их атеизме и голом практицизме, они ему мстили. Да, мстили памятнику. Мстили за разгром и казнь народовольцев, за пройденные ими тюрьмы и каторги, за подавление революционного движения. За «все хорошее», что для них сделал Александр III.

В 1937 году памятник с площади Восстания (как она теперь стала называться) все же убрали. Тому были свои причины. В связи с победой фашистов в Германии и началом их триумфального шествия по Европе, в большевистской партии взгляд на

дореволюционную историю России был кардинально пересмотрен.

Расширение границ Российской империи, великорусская политика на национальных окраинах стали рассматриваться как сугубо положительные вещи. Но если в общественном сознании тех лет можно было начать формировать в целом положительный образ Петра I, Ивана Грозного, Ивана III и даже «этой пошлой и развратной бабенки» Екатерины II, то как быть с Александром III? Царем, прозванным в народе «Миротворцем» за то, что в его правление Россия чрезвычайно укрепила свой международный престиж и реальную власть центра на национальных окраинах. Все это так, но как

*Памятник Александру III
на площади Восстания
(Знаменской) Санкт-Петербурга*

Справа:
*Во времена СССР памятник
был заключен в клетку*

быть с его контрреформами, и главное — разгромом, судом и казнью народовольцев?! Они-то при любом раскладе герои, а не террористы, разрушители Отечества. Ведь среди казненных Александром III народовольцев был и старший брат Ленина Александр. Разве можно это простить?!

Стоя перед дилеммой, большевики, в конце концов, просто решили убрать памятник Александру III с глаз долой. Куда? Учитывая, что все-таки это произведение искусства, монумент передали Русскому музею. Там его поставили во внутренний двор, где он грустно глядел на город сквозь звенья чугу-

ной решетки. Так царь-памятник, по меткому фольклорному выражению тех лет, стал «узником Русского музея»...

Всем известно, свято место пусто не бывает. А если и бывает, это приводит к несчастью. Сделав трудящимся массам Ленинграда подарок, убрав зримый осколок старого прошлого с глаз долой, власть ждала, по крайней мере, одобрения... Вышло — совсем наоборот.

По Ленинграду поползли слухи о грозящем городу несчастье. Проанализировав информацию, идеологи нового строя с ужасом для себя обнаружили, что она исходит не от

«недобитых белогвардейцев» и им подобных враждебных элементов, а от тех самых рабочих и крестьян, надежды и опоры советской власти, для которых она, власть, и старалась, создавая «светлое будущее». Оказалось, что и спустя 20 лет после победы Октября, в обществе, строящем коммунизм, где, по идее, не должно быть места никакой мистике и суевериям, последние широко распространены.

Нет, строители нового общества не были поклонниками Александра III и самодержавия. Их пугал сам факт исчезновения Четвертого Всадника! А дело было вот в чем. Вскоре после открытия монумента в Петербурге сформировался миф, который тиражировали городские кликуши и юродивые. Миф гласил, что в городе на Неве все будет спокойно до тех пор, пока на своих местах будут все четыре всадника: «Медный Всадник»,

Петр I у Михайловского замка, Николай I у Исаакиевского собора и Александр III у бывшего Николаевского, а ныне Московского вокзала. «Как только один из Всадников перейдет на другое место, — восклицали кликуши, — быть беде!»

Образованная публика потешалась над темным и невежественным народом, верящим бредням городских сумасшедших. Как памятник может перейти на другое место? Такое было только у пушкинского Евгения, за которым гнался «Медный Всадник». Но не зря же великий поэт сделал Евгения сумасшедшим! Впрочем, когда в 1917 году немцы были недалеко от Петрограда, а потом белогвардейцы Юденича чуть было не взяли город, «темные простые люди» приписали это тому, что все Всадники на своих местах охраняют город.

Перевозка памятника Александру III в 1994 году на место его нынешнего пристанища — во двор Мраморного дворца

Советская власть, как могла, боролась с любыми суевериями. Тем более, надо было бороться со столь странным и глупым предрассудком о Четвертом Всаднике. Однако, когда в 1939 году началась война с Финляндией, многие увидели в этом знак беды. Ленинград был в непосредственной близости от финской границы, а памятник Александру III — один из Четырех Всадников — незадолго до этого покинул свое место. Но война была выиграна, а граница от Ленинграда отодвинута. С городом трех революций ничего не случилось, и, казалось, по суеверию был нанесен сокрушительный и окончательный удар. Сама история доказала правильность идей материализма, отвергающего любые предрассудки и домыслы.

...Блокада Ленинграда для большинства его жителей стала шоком. Столь быстрого продвижения немцев никто не ожидал и не мог предположить. Впервые за всю историю Петербурга-Ленинграда над городом нависла смертельная опасность.

Предметы искусства, которые не успели увезти из города, начали спешно зарывать в землю. Все статуи зарывать, конечно, не успели, и многие из них так и простояли всю блокаду без какого-либо укрытия. Царю-памятнику по-своему повезло. Как только началась война, сотрудники Русского музея стали рыть глубокую яму, чтобы опустить в нее памятник Александру III, а потом засыпать. Но когда яма была готова, враг

уже стоял у ворот. Никаких механизмов для спуска памятника в яму не было, а столкнуть многотонный монумент вручную не представлялось возможным. Тогда еле двигавшиеся от голода сотрудники музея обшили памятник досками и укрепили сверху бревнами. А затем стали таскать ведрами песок со стоявших на Мойке барж и засыпать его...

Невероятно, но факт: за все время вражеской бомбежки памятник Александру III оказался единственной (!) скульптурой города, получившей прямое попадание авиабомбы. Казалось, сама судьба решила поставить точку в истории памятника. Но... укрытие выдержало.

Когда страшные и трагичные 900 дней блокады завершились победой, вновь вспомнили о давних слухах «про Четырех Всадников». В переносе памятника на другое место суеверные люди и увидели причину страшной беды, пережитой Петербургом-Ленинградом. А потом была эйфория Победы, трудности послевоенной поры, постепенное налаживание быта, строительство второго в СССР метро... И о царь-памятнике стали забывать. Так бывает. Он по-прежнему сиротливо жался на задворках Русского музея, всеми оставленный и забытый. Казалось, так будет всегда.

Легенды и были нашего времени

Но на волне перестройки и демократических преобразований «узник

Русского музея» вышел из тьмы забвения. О нем заговорили, стали обсуждать перипетии его непростой судьбы. Раздавались призывы вернуть его на прежнее место. В 1994 году в судьбе памятника произошел новый поворот — он переехал во двор Мраморного дворца. Причем пьедесталом для него стал постамент, на котором стоял некогда броневик Ленина, так как свой, «родной», к тому времени был уже давно утрачен.

При установке памятника во дворе Мраморного дворца власти сказали загадочную фразу, что это место для него временное. Какое будет другое и когда оно будет — не знает никто, даже сам царь-памятник. Он пока так и пребывает во дворе Мраморного дворца. А на площади Восстания (бывшей Знаменской перед Московским вокзалом, где когда-то впервые был установлен монумент Александру III) происходили и продолжают происходить вещи загадочные и не совсем понятные.

В архитектурном отношении площадь Восстания после сноса памятника Александру III оказалась оголенной. Нужен был знак, который бы завершил облик площади, ассоциировался с ней. Долгое время никому до этого не было дела. И зря! Ведь основная масса туристов попадает в Санкт-Петербург именно через Московский вокзал. Первое, что видит любой путешественник, впервые приезжающий в петровский парадиз, — это площадь Восстания. Именно по ней у него и складывается первое впечатление о городе.

Власти осознали это лишь к началу 80-х годов. Затем был найден хороший повод: 40-летие Победы. И в 1985 году на площади появилась гранитная стела-штык. Довольно безликое сооружение сразу же нашло отражение в городском фольклоре: «Долото», «Отвертка», «Пограничный столб», «Каменный гвоздь», «Штык в горле Невского проспекта».

В середине 90-х по городу поползли слухи, что стела начинает крениться. Вроде бы хорошо, в Петербурге появится своя Пизанская башня. Хотя, с другой стороны, если крен усилится, то... Стелу обследовали специалисты, но ничего крамольного не нашли. Некоторым экзальтированным гражданам могло просто показаться. Игра света и тени в ночное время способна творить настоящие чудеса.

Со стелой связана и другая загадка. Она обладает таинственным оптическим эффектом. Что это — обман зрения, массовые галлюцинации, — никто объяснить пока не может. Но факт, засвидетельствованный многими очевидцами, остается фактом. Стелу Победе, как и положено, венчает пятиконечная звезда. Так вот, в определенное время ночи, при определенной подсветке, тень от звезды, если пристально на нее смотреть, рисует на асфальте Невского проспекта четкие очертания двуглавого орла Российской империи.

Почему это так происходит, известно, наверное, лишь одному царю-памятнику. □

Светлана
Бестужева-Лада

МИР, ТРУД, МАЙ

*«Распустился ландыш в мае.
В самый праздник — в первый день.
Май цветами провожая,
Распускается сирень».*

Самуил Маршак

Этот полузабытый сейчас слоган в середине прошлого века красовался везде, где только можно, дополняя красные флаги, музыку оркестров, праздничную демонстрацию и вечерний салют.

Страна отмечала Первое мая, праздник с официальным названием: «День международной солидарности трудящихся». И, пожалуй, после Нового года он был самым любимым праздником этих самых трудящихся, потому что был еще и выходным.

А когда в стране поменялся режим и разрешили думать самостоятельно, сам собой возник вопрос: а что же мы празднуем Первого мая? И солидарны с нами в этом трудящиеся других стран? В поиске ответов на эти вопросы выяснилась масса интересных вещей...

Первое мая традиционно считался праздничным днем в сельской среде дореволюционной России как «праздник весны, начала лета». Говорили, что в этот день ходит Ярило ночью порой в белом объяринном¹ балахоне с серебряными или с золотыми струями, на головушке у него венок из алого мака, в руках спелые колосья всякой яри (яровой хлеб: пшеница, ячмень, овес, греча, просо).

Где ступит Яр Хмель — там несенный яровой хлеб вырастает, глянет Ярило на чистое поле — лазоревы цветочки на нем запестреют, глянет на темный лес — птички защечечут и песнями громко зальются, на воду глянет — белые рыбки весело в ней заиграют. Только ступит Ярило на землю — соловьи прилетят, помрет Ярило в Иванов день — соловьи смолкнут.

На Руси в начале мая отмечался «гуленый день», воспринявший древний культ цветов и зелени. Приносили самовары, угощались пирогами — шаньгами, кулебяками с треской, палтусом, со свежей речной рыбой. Молодежь пела, танцевала под гармонь, под балалайки. Ближе к ночи палили костры, делали соломенное чучело и сжигали его.

1–2 мая праздновали приход весны и появление всходов на полях. На улицах готовили майскую кашу на кострах. Каждый приносил что-либо из продуктов: пшено, картош-

ку, сало, яйца, лук, масло и делали общий стол. Молодежь устраивала гулянья. Пели песни: «Жавороночек, принеси весну на своем хвосту, на сохе, бороне, на ржаной копне, на овсяном снопе».

Сельская идиллия — что тут еще сказать.

Но вот что удивительно: практически аналогичная картина наблюдалась и в Европе.

В Древнем Риме этот день посвятили богине плодородия — Майе, в честь которой устраивали торжества, веруя, что она поможет дать хороший и плодотворный урожай. Такой же традицией придерживались и люди в Древней Италии.

В Западной Европе и на Британских островах первого мая праздновалось начало весеннего посева. Этому празднику придавалось особое религиозное значение. Он был посвящен богу солнца и плодородия Белену, которому приносили символические жертвы друиды, кельтские жрецы.

В христианские времена этот праздник был вытеснен церковными праздниками: близкой по дате Пасхой, праздником Святого Креста (Roodmas) и днем святой Вальпургии (Вальпургиева ночь). Вальпургиева ночь, по германскому народному поверью, служит ежегодным праздником ведьм, собирающихся в эту ночь вокруг своего повелителя, Сатаны, на высокой, недоступной горе

¹ Объяр — волнистая шелковая материя, муар.

Брокен, где они и справляют свой шабаш.

Праздник начинался с закатом солнца в ночь с 30 апреля на 1 мая и, видимо, был следствием вытеснения языческих обычаев. По мере христианизации Европы церковь активно боролась с этой языческой традицией, которая практически полностью была ликвидирована к концу XVIII века.

Кроме того, в средневековой Европе именно 30 апреля наступал конец административного года. В этот день веселье шло полным ходом. Крестьяне проводили ежегодный сбор общины, на котором выбирали нового старейшину и выгоняли на выпас скот. Очевидно, для того, чтобы отпугнуть хищных животных, появился обычай зажигать майские костры. Это сопровождалось пальбой, звоном бубенцов, криками и шумом.

В начале XVIII века традицию праздновать 1 мая Петр Первый перенял у немцев. В этот день по указу императора в городах, а не только в деревнях, следовало устраивать народные гуляния. Обычай первомайских гуляний со временем распространился на всю Россию.

Первомай в современном виде возник в середине XIX века в рабочем движении, выдвинувшем в качестве одного из основных требований введение восьмичасового рабочего дня. Вначале с этим требованием выступили рабочие Австралии 21 апреля 1856 года. С тех

пор этот праздник в Австралии стал ежегодным.

1 мая 1886 года анархические организации США и Канады устроили ряд митингов и демонстраций. При разгоне такой демонстрации в Чикаго 4 мая погибли шесть демонстрантов. В ходе последовавших на следующий день массовых выступлений протеста против жестоких действий полиции в результате взрыва брошенной неизвестным бомбы были убиты восемь полицейских, ранены не менее пятидесяти, и в последовавшей перестрелке были ранены минимум четверо рабочих (по некоторым данным, до пятидесяти убитых и раненых), несколько десятков человек получили ранения.

Мало похоже на праздник, не так ли? Но именно это событие стало краеугольным камнем в истории Первомая.

Далее, по предложению американских рабочих, наметивших свою забастовку на 1 мая 1890 года, Парижский конгресс II Интернационала (июль 1889) объявил 1 мая 1890 года Днем солидарности рабочих всего мира и предложил отметить его демонстрациями с требованием 8-часового рабочего дня и другими социальными требованиями. Как и в Австралии, успех демонстраций привел к тому, что праздник стал ежегодным. Точнее, ежегодными стали грандиозные забастовки в этот день, поскольку ни одно правительство не желало такого официального «праздника непослушания».

В Российской империи Первое мая как день международной солидарности трудящихся впервые отметили в 1890 году проведением стачки 10 тысяч рабочих. С этим днем тесно связано и возникновение маевок — нелегальных собраний рабочих, устраиваемых за городом в день 1-го мая под видом пикников. С 1897 года маевки стали носить политический характер и сопровождались массовыми демонстрациями. Естественно, они преследовались царской полицией, что рассматривалось самими участниками маевок как произвол и деспотизм самодержавия.

Первомайские выступления рабочих в 1901 году в Петербурге, Тбилиси, Гомеле, Харькове и других

городах впервые сопровождались лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует республика!» и столкновениями с войсками (например, так называемая «Обуховская оборона» 1901 года).

На первомайские стачки и демонстрации 1912–1914 годов выходило более 400 тысяч рабочих. В 1917 году, после Февральской революции, Первомай впервые праздновали открыто: миллионы рабочих вышли на улицы с лозунгами «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Долой империалистические войны!»

Название «Первомай» со временем несколько раз менялось, в итоге он стал называться Днем между-

народной солидарности трудящихся. Впервые его отметили официальной миллионной демонстрацией в 1918 году.

После Октябрьской революции первый день весны стал одним из важных советских праздников, который начали называть «красным днем календаря» и сделали государственным выходным днем. Изначально протестная акция сменилась яркими парадами, демонстрациями, митингами, массовыми гуляниями.

В эпоху «развитого социализма» в СССР Первомайские демонстрации стали нести иную смысловую нагрузку. В этот день трудящиеся СССР «выражали свою солидарность с революционной борьбой трудящихся капиталистических стран, с национально-освободительным движением, выражают решимость отдать все силы борьбе за мир, за построение коммунистического общества».

Организованные колонны трудящихся шествовали по центральным улицам городов и поселков под марши и музыку политической направленности, из громкоговорителей звучали приветствия дикторов и политические лозунги, а с трибун, установленных обычно возле главных административных зданий, демонстрантов приветствовали руководители КПСС и представители власти. Велась трансляция по местным теле- и радиоканалам. Главная демонстрация страны проходила ежегодно на Красной площади Москвы и транс-

лировалась центральными телеканалами, со вставками кадров демонстраций в других крупных городах страны.

Поскольку на демонстрацию должны были идти все (полагалось, что добровольно), выходной день терял смысл. Пришлось сделать нерабочим и 2 мая, чтобы люди могли отдохнуть от официоза за праздничным столом, на природе или на приусадебном участке. Последний вид «отдыха» оказался наиболее популярен и пережил все политические катаклизмы.

Но чем ближе были девяностые годы, тем меньше становилось желающих стремиться к коммунизму бесплатно. Для многих это уже просто означало «не лишиться премии» или «получить отгул, когда нужно», большинство демонстрировало, таким образом, верность социалистическому курсу развития, стремление к общим идеалам и прочие доказательства лояльности к власти. Солидарность выражалась, как правило, в лозунгах, учитывающих остроту момента: если в какой-то стране загнивающего Запада капиталисты притесняли рабочих, последних непременно жалели.

А ведь, согласно «заветам Ильича», рабочие в этот день должны были праздновать свое пробуждение к свету и знанию, свое объединение в один братский союз для борьбы против всякого угнетения, за социалистическое устройство общества. Но это довольно скоро

потеряло свой изначальный смысл: образование стало обязательным, всеобщим и бесплатным, об угнетении лучше было вообще не заикаться, а общество и так было социалистическим — или, по крайней мере, изо всех сил к этому стремилось под «мудрым» руководством партии и правительства.

Как известно, праздник весны и труда отмечаем не только мы, но и еще около 140 стран. Первомай до сих пор отмечается в СНГ, в странах Европы и обеих Америк, а также в Азии (причем не только в Китае и КНДР, но и, например, в Таиланде).

Для многих государств этот праздник ассоциируется с различными гуляньями и весельем, но в некоторых странах до сегодняшнего дня организовывают различные митинги, демонстрации с политическими лозунгами и плакатами.

В Швеции 1-е мая с 1939 года тоже считается нерабочим днем — накануне вся страна празднует ту самую весеннюю Вальпургиеву ночь. Разжигаются костры, в которых горит накопившийся за год ненужный хлам. Всю ночь у костров идет веселье. Это не семейный, а скорее исторический публичный праздник, проведением которого часто занимаются общественные организации, чтобы дать людям возможность пообщаться и развлечься. Сам же день 1-го мая посвящен рабочему люду — проводятся митинги и манифестации в поддержку прав трудящихся.

В Англии этот день тоже является выходным: в 1977 году лейбористы объявили 1-е мая государственным праздником.

Любопытно, что в Америке, на исторической родине пролетарского Первомая, это обычный рабочий день.

В Испании 1-е мая называют праздником цветов (даже на Сицилии считают, что собранные в этот день ромашки приносят счастье).

В Голландии 1-го мая устраивают фестиваль тюльпанов.

В России в начале «лихих девяностых» Первомай на какое-то время снова обрел яркую политическую окраску, и значительное число людей добровольно выходило на всевозможные шествия, митинги и демонстрации. Только борьба шла не столько за права трудящихся (и уж тем более не за солидарность с трудящимися всего мира!), а элементарно — за власть. Разумеется, все это прикрывалось разнообразными «правильными» лозунгами, часто довольно острыми: «Правительство банкротов — в отставку!», «Мы не хотим платить за ВАШ кризис!», «Самоорганизация! Самоуправление! Самозащита!» и другими.

В нынешней России праздник утратил свой изначальный политический характер. Согласно оценкам некоторых СМИ, для большинства граждан страны этот день — всего лишь повод для развлечений, дополнительный выходной и начало дачно-огородного сезона.

Отразился Первомайский праздник и в именах, привнесенных революцией в жизнь простых советских людей наряду с Октябриной и Владленом (Владимир Ленин). Среди популярных женских имен появилось, пожалуй, самое звучное — Даздраперма, что означает «Да здравствует Первое мая!»

Воспоминания участников первомайских демонстраций:

«Я с теплом в душе вспоминаю о прошедших временах, когда обязательным атрибутом праздников 7 ноября и 1 мая была демонстрация. Ходить на демонстрации нас никто не заставлял, но игнорирование такого мероприятия считалось дурным тоном и нарицательным отношением знакомых.

Хотя ожидание начала самого шествия в течение нескольких часов

утомляло, но в это время была возможность вдоволь пообщаться с друзьями и знакомыми, так как коллонны формировались сотрудниками одного предприятия, а на моем предприятии работало более 1000 человек. Многие мужчины и женщины образовали небольшие кружки, где втихаря принимали горячительные напитки, но в небольших количествах, для согрева и поднятия настроения. Распитие алкоголя не приветствовалось, но и не запрещалось.

Как правило, все приходили с детьми, и было интересно видеть, как детишки подросли за время, прошедшее с прошлой демонстрации.

У каждого малыша в руках были разноцветные шарики и красный флажок, одеты все были в самые лучшие вещи, ведь для них это был особый праздник. Для детей это было знаменательное событие!

Праздник 1 Мая в других странах

Людской гомон заглушала игра многочисленных духовых оркестров, что создавало неповторимую атмосферу праздничного торжества. В те времена каждое предприятие не представляло свое существование без собственного духового оркестра, при этом музыкантами были штатные работники заводов — инженеры, рабочие, которые овладевали искусством игры в рабочее и личное время.

Вот дана команда к построению, все дружно строились в колонны, и шествие начиналось. Вы не представляете, как приятно было идти в колонне под звуки оркестра и кричать во все горло многократно УРРРРА! Особенно это нравилось детям.

От этого крика все как будто объединялись в одно целое, заряжались невидимой энергией для дальнейшего построения коммунистического будущего.

Сейчас такие мероприятия не проводятся, а все Дни городов — это уже совсем другая история».

«Это был самый лучший, самый яркий и самый желанный праздник в СССР. С самого утра с улицы доносились звуки бравурных маршей, а по телевизору глаз ласкала необычная заставка. Для меня, школьника 70-х, вопрос сводился к тому, смотреть ли репортаж из Москвы по ТВ, либо идти на центральную улицу и наслаждаться красотой колонн предприятий родного города.

Во времена первомайских парадов побеждал телевизор, а когда их отменили, чаша весов качнулась в пользу улицы...

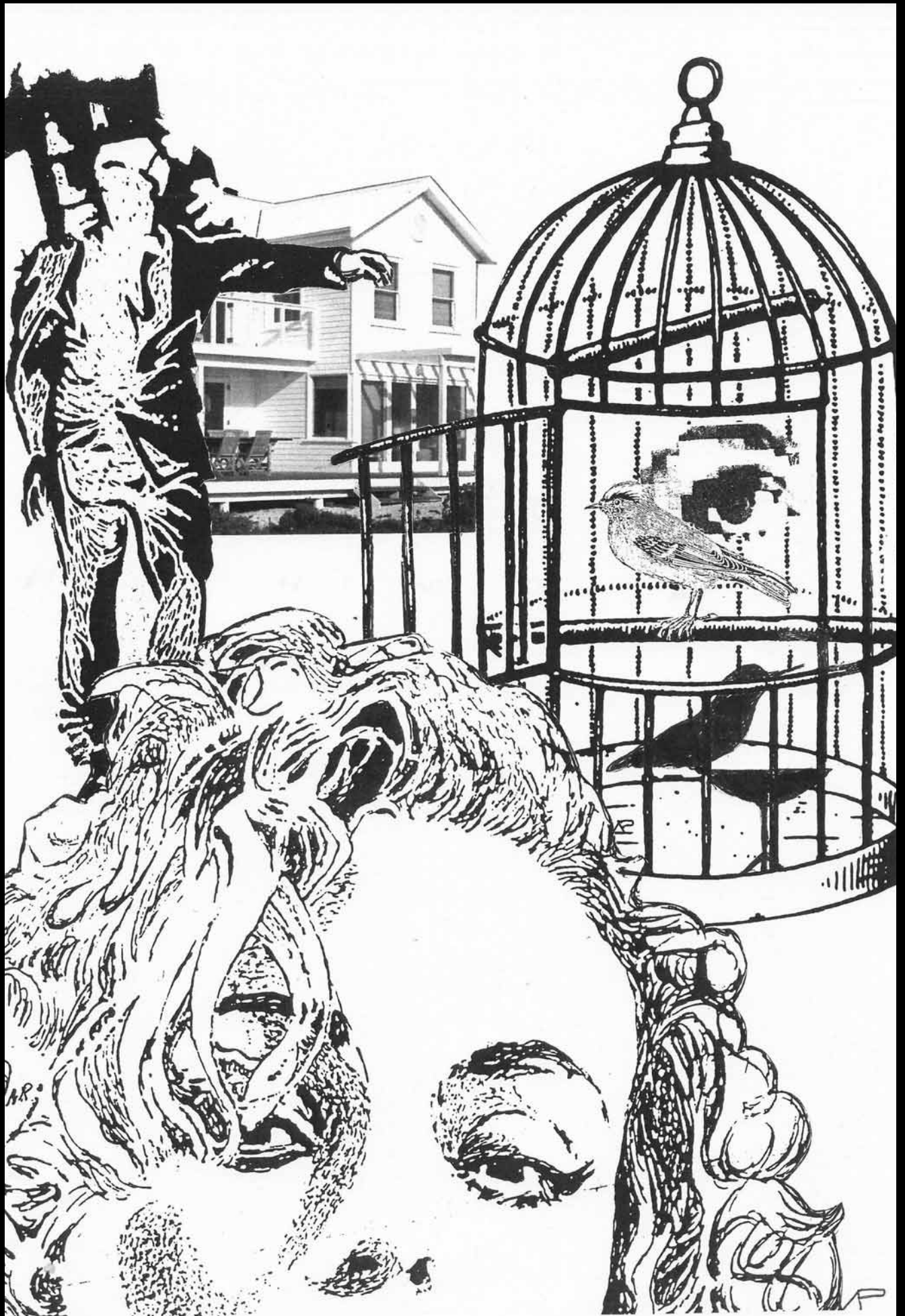
Бесповоротно вопрос решился в начале 80-х, когда мы с друзьями стали активными потребителями спиртных напитков. Нарядные девочки, толпы школьниц и студенток, на каждом углу столики выносной торговли, где можно выпить по стакану вина, закусив плавленым сырком! Это был такой концентрированный позитив!..»

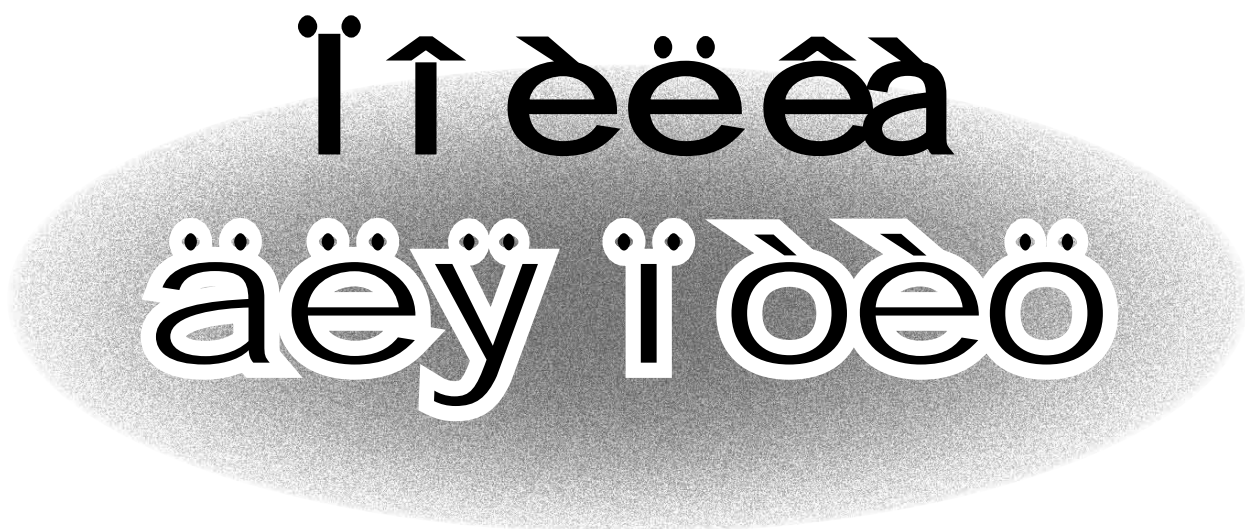
«Запомнился один далекий Первомай. Принимала участие в спортивном выступлении на Красной площади. Перед мавзолеем мы складывались в надпись: мир, труд, май.

Маме сказала, что я в букве "Д". Были юными, веселыми, задорными.

Нас отпускали с занятий (я тогда училась), и мы целых три месяца репетировали в Лужниках на площадке, где учатся вождению автомобилисты. А однажды преподаватель, глядя на меня, во всеуслышание заявила: С ума сойти! На дворе март, а Иванова загорела как в Крыму! (тогда на Канары еще массово не ездили»).

Официальные демонстрации проводятся и сейчас, но организуют их разные партии, получившие разрешение на шествие, так что можно присоединиться к тем, чьи лозунги вам ближе. Впрочем, повторюсь, для большинства россиян это теперь лишние выходные дни, которые можно провести по своему усмотрению. □

Дом, который совсем недавно купили Боря с Люсей, был самый обычный, ничего особенного, даже не отдельный, а таунхауз. Но это был их первый собственный дом.

Прошло три года как они поженились. Первая любовь, первая машина, первый дом — все составляющие семейной мечты были налицо. Но мечта почему-то не воплотилась в счастье.

Душу Бориса постепенно заполняло холодное, непереносимое чувство одиночества. Ощущать себя одиноким рядом с любимым человеком — что может быть ужаснее!

Началось это примерно год назад, после того как Люсе предложили должность начальника отдела в крупной финансовой фирме, где она работала после окончания университета.

Польщенная доверием, она сразу же с головой погрузилась в работу, вкладывая в нее не только свои способности, но и душевные силы, и даже, по наблюдению Бориса, испытывала к своим новым обязанностям некую сердечную привязанность.

Те короткие вечерние часы после работы Люся проводила перед телевизором, уставившись в экран невидящим взглядом. Борис чувствовал, что ее мысли витают где-то далеко, а может, и нигде.

Он брал жену за руку и ласково гладил тонкую, нежную кожу. Обнимал за плечи, вспоминая гибкую, темноволосую Люсеньку, с которой целовался в общежитии университета.

Но это было в прошлом. А сегодня все происходило так, как стало обычным в последнее время.

— Не надо, жарко! — недовольно проговорила Люся, высвобождаясь из его объятий и отодвигаясь на другой конец дивана.

— Люсь, скажи, о чем ты думаешь? — спросил Борис, делая очередную безнадежную попытку преодолеть безразличие и отчужденность жены.

— Ни о чем, — ответила она монотонным голосом. — Я просто отдыхаю. Что — нельзя?

— Почему? Можно! — глухо произнес Борис, а на скулах у него заходили желваки.

Он поднялся с дивана и вышел в небольшой палисадник, расположенный позади дома. Вытащил из кармана сигареты, закурил, нервно втягивая в себя знакомый аромат, и раздраженно оглянулся вокруг, будто пытался отыскать виновного в том, что тепло и счастье медленно, по каплям утекают из его жизни.

Борис был уверен, что покупка дома объединит их с Люсей. Ему представлялось, что дом — это то общее, что они вместе будут холить и лелеять, делать удобнее, красивее, уютнее. То, что свяжет их невидимыми узами. Почти как ребенок.

Но все получилось по-другому. Люся сделала на компьютере расчеты, заявила: «Покупка выгодная — надо брать!» — и тут же потеряла к дому всякий интерес. Выбор цвета стен, светильников, занавесей на окнах, обычно воплощавшиеся в приятные хлопоты, оставляли ее совершенно равнодушной. «Делай, как знаешь, мне все равно!» или «Ты лучше разбираешься — ты и решай!» — такой набор фраз Борису постоянно приходилось слышать в последнее время.

Единственное помещение, к устройству которого Люся проявила ревностное усердие, был ее кабинет на втором этаже дома. Стол для компьютера цвета красного дерева, полки для книг, настольные лампы с гибкими «змеиными» шеями и даже дымчато-перламутровые корзинки для мусора — все было тщательно продумано и составляло гармоничный ансамбль. Над столом Люся повесила картину — плоская ваза с цветами и геометрической формы чашка.

Разговаривали они крайне мало. Люся постоянно жаловалась, что устает от ненужной болтовни на работе. А чем была занята ее голова, Борис не имел представления. Даже когда сжимал ее в своих объятиях, он чувствовал, что она внутренне напряжена и зажата.

Иногда ему удавалось ее расшевелить, и он узнавал прежнюю Люсю — страстную, отвечающую на каждое его движение. Тогда она крепко обнимала его, прижималась всем телом... Но это случалось все реже и реже...

Он же думал о ней постоянно — на работе, сидя перед компьютером, в дороге, автоматически крутя руль по знакомой дороге. Так же, как это было до женитьбы. Потерять свою любовь он не хотел. Но возможно ли вернуть прошлое, он не знал.

Борис докурил сигарету, однако уходить из палисадника ему не хотелось. Он уже давно заметил, что палисадник обладает какой-то неизъяснимой способностью успокаивать, умиротворять его душу.

Хотя ничего таинственного в огороженном высокими густыми кустами участке земли не было. Он был пуст. Только трава и старая яблоня посередине. Узловатый, морщинистый ствол, натруженные ветви и крона, из последних сил отдающая свои соки плодам, зелеными шарами усыпавшим ее до самой вершины. Может быть, эта яблоня, не поддающаяся времени и испытаниям судьбы, давала надежду. Кто знает? Уже несколько недель стояла иссушающая жара. Она раскалила воздух и землю, лишив их животворной влаги. Борис прислушался. Ему показалось, что даже птичье пение в раскаленном, душном пространстве звучало как-то глухо и невесело. «Надо обязательно поставить в палисаднике поилку для птиц! — пришла ему в голову неожиданная мысль. — Завтра — выходной, поеду на рынок, куплю что-нибудь необычное!» Борису не хотелось приобретать поилку в магазине: там все стандартное, неинтересное, а на рынке всегда можно откопать среди всякого старья что-нибудь примечательное.

— Люсь! Поедем завтра на рынок! Я хочу поилку для птиц в палисаднике поставить! Засуха стоит, а у нас в округе никакой воды поблизости нет — ни озера, ни пруда! — прокричал он в открытую дверь дома.

— Нет. Я не поеду! — отрезала Люся, но потом добавила, несколько смягчив тон: — Понимаешь, Борь, мне постирать нужно, да и пропылесосить комнаты не мешало бы.

— Ну, хорошо, Люсь! Как хочешь! — ответил Борис, внезапно обнаружив, что он не разозлился и не обиделся на ее нежелание поехать с ним.

«Пусть отдохнет, поспит подольше», — подумал он про себя.

На следующий день, едва начало светать, Борис отправился на рынок. Чтобы избежать жары, он выехал пораньше, когда солнце косыми лучами еще только касалось земли. В последнее время он часто просыпался с рассветом, и тревожные мысли заполняли его голову: «Не разлюбила ли его Люся? И что делать, если — да?» Самому ответы на эти вопросы найти было невозможно. А Люся мирно посапывала под боком и, кажется, совсем не догадывалась о терзающих его сомнениях.

Небольшой рынок располагался под мостом, на посыпанной щебенкой площадке. Продавцов, стоящих за длинными деревянными столами, было много, а покупателей, еще сонных, позевывающих, — мало.

Борис дважды обошел рынок вокруг, но ничего подходящего не нашел. Он уже собрался уезжать, как вдруг увидел сухонькую старушку, сидящую бочком возле последнего стола. Борис точно помнил, что, когда он проходил мимо этого места, старушки не было. Откуда она появилась — неизвестно.

Перед ней, на куске старой пожелтевшей газеты, стояли два предмета — покрытая пылью керосиновая лампа и поилка для птиц. Точно такая, какую ему хотелось. Большая плоская чаша, со слегка загнутыми краями на изящной, но крепкой ножке. Высокая ножка переходила в круглое, устойчивое основание. Поилка была сделана из какого-то металла, от времени сплошь покрытого зеленоватой патиной. На краю чаши сидела металлическая остроклювая птичка, силуэтом напоминающая ласточку. Она низко наклонила голову и внимательно смотрела в пустую чашу.

— Сколько? — коротко спросил Борис, показывая на поилку. В душе он не сомневался, что купит ее за любую цену.

Старушка, видно, не была расположена разговаривать и в ответ подняла руку с растопыренными худыми, искривленными артритом пальцами.

Борис кивнул, вытащил из бумажника деньги и протянул старушке. Она улыбнулась в ответ, завернула поилку в газету и передала ему. Борис отвесил старушке благодарный поклон и, довольный, удалился.

Когда он вернулся домой, Люся еще спала. Он вышел в палисадник и установил поилку на свободном пятчке, недалеко от яблони. Набрал из-под крана в желтое пластмассовое ведерко воды и наполнил чашу почти до краев. Металлическая птичка коснулась клювом поверхности воды.

Он уже собрался уходить, как что-то необычное приковало его внимание. Плоская поверхность воды в чаше поилки внезапно как-то странно натянулась, стала выпуклой, напоминающей роговицу глаза. Небесной голубизны, блестящего, живого глаза с золотым, искрящимся зрачком посередине.

Борис наклонился над чашей, чтобы взглянуть на свое отражение в переливчатой поверхности воды, и вдруг увидел в бездонной глубине «глаза» смеющееся женское лицо — скуластое, смуглое, с миндалевидными, зелеными, «кошачьими» глазами. Он, пораженный, отпрянул от поилки и встряхнул головой, пытаясь избавиться от наваждения. Затем, немного успокоившись, снова наклонился над чашей. Женское лицо теперь смотрело на него серьезно, без прежней веселой улыбки, блуждавшей на тонких губах.

— Чушь какая-то! — громко проговорил Борис, надеясь, что наваждение исчезнет, и он увидит свое отражение в упрямой поилке для птиц. Но ничего не изменилось. Женское лицо по-прежнему смотрело на него, и ему даже почудилось, что в малахитовых глазах промелькнула издевка.

Не на шутку разозлившись, Борис размахнулся и ударил по поверхности воды ладонью. Брызги полетели во все стороны, вода взволновалась, а когда притихла, лицо появилось снова, уже присмирившее и покорное.

— А-а! — Борис раздраженно махнул рукой и направился в дом. — Все ясно! Это краски неба, облаков и листвы отражаются в воде. Они переходят одна в другую и создают такой странный образ.

Люся уже проснулась и гремела на кухне сковородкой. Борис уловил аромат поджаренных гренок и удивился — он и не помнил, сколько прошло времени с того дня, когда жена в последний раз готовила его любимое блюдо.

Позавтракав, он довольно похлопал себя по животу и, улыбаясь, проговорил:

— Ну, спасибо, жена! Гренки отменные! А ты знаешь, я поилку для птиц на рынке купил. Старинная! Хочешь посмотреть?

Люся пожала плечами, но вышла вместе с ним в палисадник.

Поверхность воды в чаше была спокойной и ровной. Когда они оба наклонились над ней, на гладкой поверхности отразились два знакомых лица — его и Люсино.

Борис облегченно вздохнул и заметно повеселел. Все встало на свои места. Будоражащая воображение таинственность растаяла так же быстро, как снег зимой, иногда выпадающий на улицах их южного городка.

Целую неделю он не подходил к поилке — некогда было. Срочный проект, пришлось допоздна засиживаться на работе. К выходным все было закончено. В субботу, как всегда, проснувшись рано утром, Борис вышел в палисадник. Поилка была пуста. Беспощадное солнце высушило ее до дна, и металлическая ласточка тщетно пыталась достать клювом хотя бы каплю воды.

Он быстренько сбегал за водой, опрокинул ведро в поилку и, наклонившись над ней, стал ждать, когда вода успокоится. Постепенно поверхность разгладилась, потом напряжинилась, и на него, ласково улыбаясь, снова взглянуло скуластое женское лицо. Борис недоверчиво покачал головой и механически улыбнулся в ответ. Затем медленно отступил от поилки, вернулся в дом, прошел на кухню и, опустившись на кончик стула, схватился руками за голову, изо всех сил стискивая виски.

Он не думал об отражении, он думал о жене. Люся совсем притихла в последнее время. Давно не слышно было ее тонкого, звенящего голоска, когда она ласкалась к нему или рассказывала смешные истории, строя уморительные рожицы. «Уж не влюбилась ли она? — пронзил сердце леденящий страх. — Три года замужества — критический срок. Надо увезти ее куда-нибудь, сменить обстановку. Чтобы она очнулась и вернулась ко мне».

Борис снова вышел в палисадник и, подойдя к поилке, склонился над смотрящим на него изменчивым смуглым лицом. Всматриваясь в неясные черты, он как будто улавливал в их неопределенности свои мысли, сомнения и тревоги. Лицо как бы принимало все на себя, погружая в невидимую глубину его печали. Тяжесть неожиданно отступила, Борис успокоился, покурив немного, загасил сигарету, быстрой походкой направился в кухню и, подойдя к плите, стал готовить гречневую кашу — единственное, что он умел.

Спустя какое-то время, кутаясь в розовый легкий халатик, в кухне появилась Люся.

— Ты знаешь, Борька, наш старичок-сосед на прошлой неделе умер. Его жена теперь переезжает и срочно продает дом. Сказала мне, что какая-то пара собирается сегодня прийти смотреть. Цену соседка назначила низкую, чтобы как можно быстрее продать. Повезет бродягам! Это в наше-то время, когда стоимость домов взвилась под потолок!

— Везение — великая вещь, — согласился Борис, но сердце его почему-то екнуло.

После завтрака они с Люсей решили съездить в супермаркет закупить продукты на следующую неделю, а то их холодильник был уже вызывающе пуст. Вернувшись, они стали разгружать из багажника машины многочисленные пакеты. Вручив Люсе те, что полегче, Борис захватил оставшиеся — по два пакета в каждую руку, и пошел вслед за ней к дому.

— Пойдите! — раздался вдруг за его спиной незнакомый женский голос. — Вы уронили пачку печенья!

Борис обернулся и от изумления выронил из рук пакеты. Невысокая молодая женщина со знакомым скуластым смуглым лицом и миндалевидными зелеными глазами, улыбаясь, протягивала ему пачку печенья.

— Большое спасибо, — только и смог пробормотать он и начал собирать вывалившиеся на асфальтовую дорожку продукты.

Женщина, смеясь, стала ему помогать. Сердце Бориса бешено колотилось, лицо горело, он не смел поднять глаз, чтобы еще раз взглянуть на нее.

— Борик! Ну, что ты там делаешь? Иди сюда! Я почту из ящика взяла... — крикнула ему Люся.

Борис бросил мимолетный взгляд на женщину и, еще раз убедившись, что именно ее лицо он видел в поилке для птиц, устремился к дому. Войдя, захлопнул дверь и даже закрыл ее на замок...

На следующий день он долго лежал в постели, не желая вставать. В голове витала только одна мысль: «Если эта женщина и есть их новая соседка, он продаст дом и уедет отсюда куда подальше! Это решено окончательно!»

— Вставай, соня! Что с тобой! Ишь, разоспался! — Люся, улыбаясь, стянула с него одеяло. — А ты знаешь, та пара, что приезжала вчера смотреть дом, отказалась от покупки! Не понравился им дом! Сказали — кухня маленькая и гостиная тесновата.

— Вот здорово! — Борис вскочил с постели и, на ходу натягивая на себя махровый халат, выбежал в палисадник.

Стоял полуденный зной. На краю поилки, рядом с металлической птичкой, сидела настоящая, живая — серая, с белой грудкой и круглыми блестящими бусинками черных глаз — и пила воду. Увидев Бориса, она испуганно взлетела и села на ветку яблони.

Борис подошел к поилке. Поверхность воды на этот раз была гладкой и плоской. Наклонившись, он увидел в отражении только свою взлохмаченную шевелюру и испуганные глаза и, рассмеявшись, опустил руки в теплую, нагретую солнцем воду.

— Борька! Что с тобой? Что ты носишься как угорелый к этой поилке? — Люся стояла в дверях и, посмеиваясь, качала головой. — Если мучает жажда, пойдем на кухню, чаю попьем! Я свежий, индийский только что заварила!

Она повернулась и, не спеша, направилась к кухне. Борис послушно последовал за ней.

— Знаешь, Боря, — сказала она на ходу, не оборачиваясь, — есть еще одна новость. Кажется, я беременна. □

Валерия Быкова

ТАЙНЫ

Агаты Кристи

До первого брака эта женщина носила имя Агата Мэри Кларисса Миллер, после второго — стала леди Мэллоуэн. Но для десятков миллионов читателей на всех континентах она всегда была и останется Агатой Кристи, писательницей, тиражи книг которой, по данным ЮНЕСКО, переведены на сто три языка, тогда как сочинения Шекспира — «всего» на девяносто.

Многие обстоятельства ее жизни по сей день покрыты флером тайны. И все-таки можно попытаться хоть немного приподнять эту завесу ...

Агата Мэри Кларисса Миллер родилась 15 сентября 1890 года в графстве Девоншир в небольшом курортном городке Торки. Она была младшим ребенком в семье Фредерика Альвы Миллера, довольно состоятельного ньюйоркца, осевшего в Англии и женившегося на англичанке. Хорошо налаженное дело в Штатах давало семье Миллеров средства для вполне комфортабельного существования в собственном особняке, который всему городу был известен как Эшфилд Хаус.

Агата получила неплохое домашнее образование. В ней рано пробудилось стремление писать. К шестнадцати годам она уже была автором нигде не опубликованного сборника стихов, рассказов и даже романа.

После смерти отца финансовое благополучие семьи пошатнулось. Девушка обладала очень недурными музыкальными способностями, и ее мать, дама весьма трезвомыслящая, решила избрать для дочери карьеру профессиональной музыкантки. Две зимы Агата провела в Париже, совершенствуясь в фортепианной игре и пении. У нее была очень неплохая техника, но она не могла играть перед сколько-нибудь многочисленной аудиторией. Трудно объяснить, но в то же время она совершенно не испытывала страха во время вокальных выступлений, однако ее приятное, выразительное сопрано не обладало достаточной силой.

Надеждам матери на успешную музыкальную карьеру дочери не суж-

дено было осуществиться. Однако оставались надежды на удачное замужество. Агата была очень мила, привлекательна, хорошо воспитана, прекрасно танцевала. Несколько сезонов ее вывозили в свет. Балы, званые ужины, пикники, вечера в лучших домах. Недостатка в кавалерах и воздыхателях она не испытывала, но не было того единственного...

И вот, наконец, он появился. Лейтенант недавно созданного корпуса королевских военно-воздушных сил Арчибальд Кристи. Молодой человек из хорошей, но, судя по всему, не очень состоятельной семьи. Вскоре прошло обручение, но лишь спустя два года, в самый канун Первой мировой войны, Агата и Арчи обвенчались. Вопрос — почему на венчании не присутствовали родители обоих молодоженов? Загадки... загадки... Дальше их будет не меньше. И ни довольно подробная и интересно написанная автобиография, ни книга воспоминаний Кристи не дадут на них ответов.

После начала войны молодым супругам пришлось расстаться. Арчибальд отправился на фронт. Агата все дни напролет проводила в местном госпитале, где работала медсестрой в отделе фармакологии. Именно там она получила нужные сведения о ядах, которыми впоследствии широко пользовалась, изящно и безболезненно отправляя на тот свет десятки своих персонажей.

Дома Агата часто спорила со своей сестрой о том, трудно ли напи-

сать детективный роман. (В то время их знакомство с этим жанром ограничивалось лишь рассказами Конан Дойля.) Сестра утверждала, что Агате никогда не сочинить историю, концовку которой она не смогла бы предугадать. Та приняла вызов и буквально за несколько недель написала свой первый роман — «Загадочное преступление в Стайлзе».

Почти в это же время вышел в свет новый сборник рассказов Конан Дойля «Его последний поклон». Еще никто этого не знал, но Шерлок Холмс обрел, наконец, достой-

ного соперника. Правда, во многих отношениях Эркюль Пуаро, герой романов Агаты Кристи, выглядел антиподом Холмса: маленький бельгиец был почти на голову ниже рослого британца, в отличие от выбритого Холмса носил фатовские нафабранные усики и был патологически аккуратен в быту, в то время как Холмс отличался поразительной безалаберностью. Однако и в вытянутом длинном черепе англичанина, и в круглой, как яйцо, голове маленького бельгийца работала острая беспокойная мысль, разгадывающая хитроумные сплетения самого изощренно задуманного преступления.

Поначалу роману Агаты Кристи не очень-то повезло. В течение четырех лет рукопись побывала у шести издателей, и лишь последний принял ее к печати.

Тем временем война подошла к концу, и получивший чин полковника Арчи вернулся с фронта. В 1919 году Агата родила дочь Розалинду.

Она еще не решила для себя окончательно, изберет ли карьеру профессиональной писательницы, тем не менее, с 1922 по 1926 год опубликовала пять романов, которые сделали ее имя достаточно известным. Полученные гонорары (в то время еще достаточно скромные) позволили семье купить новый дом в Беркшире и приобрести автомобиль престижной марки. Казалось, все шло чудесно, но вот наступил 1926 год... Полковник Кристи стал уделять жене гораздо меньше внимания, чем

прежде, ссылаясь на неожиданно вспыхнувшее увлечение гольфом. Увы, вскоре Агате предстояло узнать, что сердце мужа похитила у нее отнюдь не эта игра, а некая молодая дама по имени Нэнси Нили, их общая знакомая. Арчи признался жене, что любит мисс Нили и хочет жениться на ней, и попросил у Агаты развода.

Утром третьего декабря после бурного объяснения с женой полковник Кристи упаковал свои чемоданы и уехал к мисс Нили. Вечером должно было состояться оглашение их помолвки. Никто не знает, какие

тором было несколько платьев, две пары туфель и просроченные водительские права на имя Агаты Кристи.

Несколько последующих дней все лондонские газеты пестрели заголовками об исчезновении известной писательницы. За домом полковника Кристи было установлено круглосуточное наблюдение. Полиция прослушивала все его телефонные разговоры. Детективы ежедневно сопровождали полковника в его офис. «Меня подозревают в убийстве жены», — с горечью сказал он как-то коллеге по работе.

А

гата получила неплохое домашнее образование. В ней рано пробудились любовь к литературе и стремление писать. К шестнадцати годам она уже была автором нигде, правда, не опубликованного сборника стихов, рассказов и даже романа. Хотя мать мечтала, чтобы девушка выбрала карьеру профессиональной музыкантши. Но музыкальная карьера не задалась (в первую очередь, из-за стеснительности Агаты перед большой аудиторией)

чувства в это время испытывала Агата. Зато точно известно, что вечером того же дня она села в свой двухместный «моррис» и выехала из беркширского дома в неизвестном направлении. Срочно вернувшемуся полковнику пришлось обратиться в полицию. На следующее утро автомобиль нашли на обочине дороги неподалеку от живописного озера Сайлент Пул. В салоне машины полиция обнаружила дамскую шубку и небольшой чемодан, в ко-

К концу недели в поисках Кристи уже участвовало несколько сот полицейских и тысячи добровольцев. Охотники со сворами собак обследовали близлежащие леса. В озеро Сайлент Пул в поисках трупа забрасывали специальные сети. Были даже привлечены водолазы. Над местностью барражировал легкий самолет.

В разгар этих поисков полиция неожиданно получила информацию о том, что в небольшом городке

Хэрроугейт (графство Йоркшир) в отеле «Гидро» четвертого декабря, то есть на следующий день после исчезновения писательницы, оставилась женщина, назвавшаяся Терезой Нили из Кейптауна. По описаниям она была как две капли воды похожа на пропавшую Кристи. Агата непринужденно общалась с другими гостями, посещала местные магазины, постоянно приобретая новые наряды, совершала длительные прогулки по живописным окрестностям. Вечерами играла на бильярде и несколько раз даже пела в музыкальном салоне отеля. Однажды, исполняя какой-то сентиментальный романс, она едва не разрыдалась, но взяла себя в руки и допела романс до конца. Окружающие объяснили это неожиданное проявление чувств тем, что миссис Нили, по ее словам, недавно похоронила в Кейптауне ребенка. Было замечено также, что приезжая из Южной Африки каждый день очень внимательно просматривает газеты.

Администрации отеля все это показалось достаточно подозрительным. Поставленная в известность полиция отрядила в отель детектива, который в течение двух дней внимательно наблюдал за «миссис Нили». Разворачивался сюжет, достойный пера самой Кристи. Информация о том, что Кристи под чужим именем скрывается в отеле «Гидро», просочилась в прессу. Почти все лондонские газеты командировали своих корреспондентов в Хэрроу-

гейт. Больше всего, однако, повезло репортеру из «Дейли Ньюс», который, встретив Терезу Нили в холле отеля, обратился к ней, назвав ее миссис Кристи. Той ничего не оставалось, как признаться, что она действительно Агата Кристи, однако на вопрос, каким образом писательница попала в Хэрроугейт, ответить не сумела, так как, по ее словам, в последнее время страдала потерей памяти.

Ни разу в течение всей своей жизни Кристи так и не обмолвилась об этом событии. В автобиографии она лишь упоминает, что 1926 год стал для нее годом разочарований, печали и утрат.

Что же все-таки стояло за этим необычным поступком? Не выдерживает критики утверждение тогдашней прессы о том, что все это было предпринято писательницей для того, чтобы привлечь внимание к себе и своим книгам. Ей незачем было так поступать. За несколько месяцев до этого вышедшая в свет ее очередная книга «Убийство Роджера Экройда» имела огромный успех, так что дополнительная реклама, да еще столь сомнительного рода, была ей ни к чему. К тому же Кристи отличалась необычайной, почти патологической скромностью и нежеланием привлекать внимание к своей особе.

Вряд ли можно говорить и об амнезии — полной или частичной потере памяти, на что ссылалась она сама. Скорее всего, Агата, чувствуя

*С первым
мужем
Арчибальдом
Кристи*

себя обманутой и оскорбленной, как любая женщина в ее положении, и, находясь почти на грани нервного срыва, решила «наказать» мужа, заставить его страдать и испытать раскаяние. Для этого и инсценировала свое самоубийство.

Возможно, отчаяние, которое она испытывала, видя крах своего семейного счастья, заставило ее забыть обо всем, в том числе и о своей обычной боязни стать объектом внимания публики.

В апреле 1928 года Арчибальд и Агата официально развелись. Поч-

ти сразу же после этого полковник женился на мисс Нэнси Нили.

Агата хотела сменить фамилию, но этому решительно воспротивились издатели — имя Кристи уже приобрело достаточную популярность. Агата с головой ушла в работу. Это, однако, не мешало ей много путешествовать. Мысль о новом замужестве даже в голову ей не приходила. Однако в 1930 году во время своей поездки в Ирак на месте раскопок доисторического города Ур она познакомилась с молодым талантливым археологом Максом

*С дочерью
Розалиндой*

Мэллоуэном. Ему было двадцать шесть, ей — сорок. Возраст, воспитание, образование, наконец, вкусы — все это, казалось бы, должно было разъединять их, а отнюдь не объединять. И тем не менее...

Уже на склоне лет Кристи писала: «Я не считаю, что общие вкусы и интересы так уж важны в семейной жизни. У моего мужа они сугубо научные, интеллектуальные. У меня, естественно, более легкомысленные, так сказать, беллетристические. Тем не менее, мы отлично ладим. Ведь главное — это взаимное уважение. Так же, как и в настоящей дружбе».

Их свадьба состоялась 11 сентября 1930 года в Эдинбурге. Интересная деталь. Стремясь как-то сгла-

дить действительно существенную разницу в возрасте, молодожены записали в брачное свидетельство, мягко говоря, не совсем точные данные о себе. По документу, сорокалетней Агате было всего тридцать семь, а Мэллоуэн же, напротив, прибавил себе годы — вместо своих двадцати шести вписал в графу цифру «тридцать один».

Агата Кристи и Макс Мэллоуэн прожили вместе сорок шесть счастливых лет (Агата взяла фамилию мужа, но писать продолжала под своим прежним именем). Все эти годы она ухитрялась совмещать собственную, очень интенсивную литературную работу (с 1930 по 1939 год из-под ее пера вышло двадцать де-

тективных романов, два любовных романа под псевдонимом Мэри Уэйстмейкот и несколько пьес) с самоотверженной помощью мужу во время его частых экспедиций. Она фотографировала, реставрировала, составляла каталоги его археологических находок.

Чета Мэллоуэнов с большим вкусом и комфортом организовала свой быт. Агата утверждала, что ни-

мой для ее с Максом стычек в присутствии посторонних. Дружные супруги начинали яростно спорить о том, по какой дороге поехать, сколько это займет времени и так далее.

Мэллоуэны отличались необычайным гостеприимством. Их кухня славилась обилием и изысканностью яств. Макс был тонким ценителем выдержанных французских вин, од-

А

гата была очень привлекательна, хорошо воспитана и прекрасно танцевала. Недостатка в дыхателях она не испытывала. Но не было того, единственного... Пока она, наконец, не познакомилась с лейтенантом корпуса военно-воздушных сил Арчибальдом Кристи.

чего так не ценит в жизни, как хорошо вышколенных слуг. Большую часть своих денег она вкладывала в недвижимость и была немало удивлена, когда перед войной обнаружила, что является собственницей восьми (!) домов. Но при этом супруги всегда чурались экстравагантности. Приобретенный ими «роллс-ройс» Макс Мэллоуэн вскоре продал, обнаружив, что он потребляет слишком много бензина.

Кстати, в возрасте шестидесяти пяти лет Агата все еще продолжала водить машину. Затем стала лишь пассажиром, но, когда за руль сел Макс, она никогда не могла спокойно усидеть на своем месте. Автомобиль был единственной те-

нако ему так и не удалось приохотить к ним жену. Агата обожала простую и здоровую английскую пищу. Она полнела с каждым годом, но это ее нисколько не волновало. Просто приходилось чаще обновлять свой гардероб. Свободное время она проводила за музицированием, чтением книг любимых авторов и разгадыванием кроссвордов из «Таймс».

Во время Второй мировой войны Кристи совмещала литературную деятельность с работой в лондонском госпитале, снова в отделе фармакологии. После окончания войны она продолжала трудиться с прежней интенсивностью и в 1950 году опубликовала свой пятидесятый по счету детективный роман. В этот

период она гораздо больше времени, чем прежде, уделяла работе над пьесами, причем почти все они переделаны из ее романов. Особенно интересна судьба пьесы «Мышеловка». Поставленная в ноябре 1952 года в лондонском «Эмбассадоре», она шла там без малого четверть века, побив все мировые театральные рекорды. Для иностранных туристов увидеть эту пьесу Кристи стало таким же ритуалом, как визит в лондонский Тауэр, экскурсия к Биг-Бэну или Букингемскому дворцу, где происходит смена караула королевских гвардейцев.

С кинематографом и телевидением, однако, у Кристи отношения складывались не столь удачно. Нет-нет, зрители принимали фильмы по ее произведениям «на ура». В них снимались такие звезды мирового экрана, как Ингрид Бергман, Ванесса Редгрейв, Шон Коннери, Питер Устинов, Шарль Азнавур. Однако самой

лен Дитрих и Чарльзом Лоутоном в главных ролях.

Агата Кристи, как уже говорилось выше, отличалась поразительной скромностью, можно даже сказать, застенчивостью. Публичные выступления всегда были для нее пыткой. «Мне легче написать десять романов, чем произнести речь на каком-нибудь приеме», — как-то призналась она. Интервью тоже давала крайне неохотно. Согласно желанию писательницы, во всех книгах, изданных при ее жизни, печаталась одна и та же ее фотография тридцатых годов. Кристи не хотелось, чтобы ее узнавали на улицах. И, надо сказать, своего она добилась. Когда в конце пятидесятых годов уже упоминавшаяся пьеса «Мышеловка» побила все британские рекорды, продолжая идти на сцене «Эмбассадора» пять с половиной лет, в отеле «Савой» был устроен грандиозный банкет на тысячу персон.

А

гата Кристи работала с завидной энергией, выпуская по роману в год, хотя она сама признавалась, что могла бы писать и больше. Прежде чем приступить к очередному роману, Агата в течение нескольких недель «выхаживала» сюжет, гуляя по парку или саду, отмечая в блокноте последовательность ходов и сцен. Писать роман она, по словам ее мужа, всегда начинала с последней главы...

Кристи эти фильмы не нравились. Исключение составляла лишь одна картина — «Свидетель обвинения» режиссера Артура Хорнблоу с Мар-

Уже приехав в «Савой», Агата обнаружила, что забыла дома приглашительный билет. Швейцар наотрез отказался пропустить ее, и только

благодаря вмешательству знакомых не в меру скромная писательница смогла попасть на празднество, устроенное в ее честь.

В шестидесятые годы Кристи продолжала работать с завидной энергией, выпуская по роману в год. Она признавалась сама, что могла

бы писать и больше, но очень высокий подоходный налог в Англии делал это бессмысленным.

Прежде чем начать писать очередной роман, Кристи в течение нескольких недель «выхаживала» сюжет, гуляя по саду или парку, отмечая в блокноте последовательность ходов и сцен. Писать роман она, по свидетельству мужа, всегда начинала с последней главы.

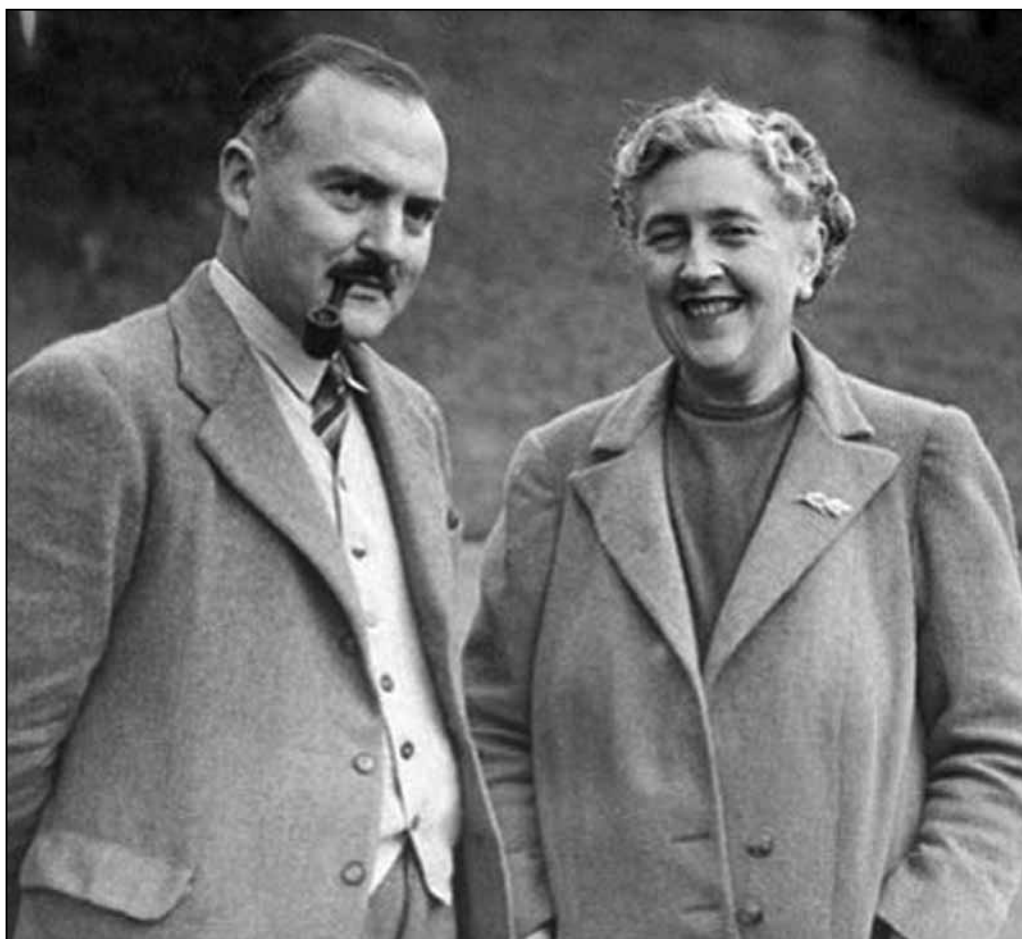
Самым популярным из созданных ею героев был и остается Эркюль Пуаро. Согласно опросам ав-

торитетного детективного журнала «Эллери Куин Мистери Мэгазин», Пуаро по популярности у читателей стабильно занимает второе место, уступая лишь Шерлоку Холмсу. За ним идут такие асы криминального сыска, как инспектор Мегрэ, Ниро Вульф, Перри Мейсон и другие.

Самой Кристи, однако, маленький бельгиец изрядно надоел. Кстати, если считать литературным дебютом Пуаро 1920 год, когда он появился в первом романе писательницы уже вышедшим на пенсию из

*Со вторым
мужем
Максом
Мэллоуэном*

бельгийской полиции, то в момент его смерти в книге «Занавес: последнее дело Пуаро», выпущенной Кристи незадолго до ее собственной кончины, ему должно было исполниться сто семнадцать лет!

В 1971 году Агата Кристи была награждена орденом дамы-командора Британской империи и получила право носить перед именем титул «дама». Так как в 1968 году ее муж Макс Мэллоуэн за выдающиеся заслуги перед британской археологией был возведен в рыцарское достоинство, Кристи, будучи его женой, получила право и на титул «леди». Обращаясь к ней, ее называли теперь либо леди Мэллоуэн, либо дама Агата.

...Агата Кристи тихо скончалась 12 января 1976 года в своем доме в Уоллингфорде, неподалеку от Оксфорда, и была похоронена на местном церковном кладбище Святой Марии.

Беспокоясь о том, кто будет заботиться о Максе после ее смерти, она взяла с него слово, что, когда ее не станет, он женится на Барбаре Паркер, их общей приятельнице. Этот брак был заключен в сентябре 1977 года. Чуть меньше, чем через год Мэллоуэн скончался.

Умирая, дама Агата унесла с собой в могилу последнюю из многочисленных тайн, окружавших ее всю жизнь. Кристи считали самой бога-

Агата Кристи и королева Елизавета II

той писательницей в Великобритании, а, может быть, и в мире. Только в 1975 году она заработала около одного миллиона фунтов. Во сколько оценивалось ее состояние? Сколько она оставила своим наследникам? Все эти вопросы пока без ответа. В конце января 1976 года лондонская «Файнэншэл Таймс» писала, что даже «Эркюль Пуаро и Джейн Марпл встали бы в тупик, доведись им расследовать вопросы, связанные с наследством писательницы».

Справедливости ради следует отметить, что Агата всегда отличалась щедростью. Права на многие свои произведения она передавала родственникам, крестникам, друзьям. На ее деньги были созданы два приюта — для старых одиноких

женщин и для детей с физическими недостатками.

Она приобрела также помещение, в котором располагался исследовательский центр университетской больницы Уэльса.

И все-таки, говоря о такой женщине, как Агата Кристи, не стоит заканчивать рассказ темой презренного металла. Его следует завершить по-другому.

В тот вечер, когда Кристи умерла, театральный мир Лондона воздал ей самую высокую почесть, о какой только может мечтать любой автор. Вечером с десяти до одиннадцати часов все театры Вест-энда притушили свои огни, тогда как спектакли на их сценах продолжали идти. Так, несомненно, пожелала бы сама Кристи.

Агата Кристи

ЧЕРНАЯ СМОРОДИНА

Эркюль Пуаро обедал со своим другом Генри Бонингтоном в ресторане «Гэлант Эндивор» на шоссе Кингз-роуд в Челси.

Мистер Бонингтон любил этот ресторан. Ему нравилась царящая там атмосфера праздности, ему нравилось, что там подают «простую английскую» пищу, а не «кучу непонятно как приготовленных блюд».

Молли, симпатичная официантка, поздоровалась с ним, как со старым другом. Она гордилась тем, что помнила, какую пищу любят и не любят ее постоянные клиенты.

— Добрый вечер, сэр, — произнесла она, когда мужчины уселись за угловым столиком. — Вам повезло. У нас сегодня индюшка с орехами — это ведь ваше любимое блюдо? К тому же есть прекрасный сыр «Стильтон». Вы начнете с супа или рыбы?

Когда заказ был сделан, мистер Бонингтон со вздохом откинулся на стуле и развернул салфетку, посмотрев вслед удаляющейся Молли.

— Милая девушка, — с одобрением проговорил он. — В молодости она была красавица. Ее любили рисовать художники. Она понимает толк в пище, а это еще более важно. Как правило, женщины равнодушны к еде. Существует множество женщин, которые, отправившись с приятелем в ресторан, даже не заметят, что же они едят. Такая женщина закажет первое, что попадетсЯ.

— Это ужасно! — покачал головой Эркюль Пуаро.

— Благодарение господу, мужчины не таковы! — самодовольно произнес мистер Бонингтон.

— Все без исключения? — с подвохом спросил Пуаро.

— Ну, разве что, когда они молоды, — уступил мистер Бонингтон. — Щенки. В наше время все молодые люди одинаковы, никакой выдержки, никакого мужества. Я презираю молодых, а они, наверное, презирают меня. Возможно, они правы! Но если послушать разговоры некоторых молодых, то можно заключить, что после шестидесяти никто не имеет права на жизнь, и сразу задумаешься, сколько же из них помогло своим престарелым родственникам покинуть этот мир.

— Вполне возможно, — заметил Пуаро, — что именно так они и поступают.

— Хорошенькие же у вас мысли, Пуаро. Похоже, эта работа в полиции лишила вас всяких идеалов.

Эркюль Пуаро улыбнулся.

— Тем не менее, — сказал он, — было бы интересно составить список людей за шестьдесят лет, скончавшихся в результате несчастного случая. Уверяю вас, это навело бы на весьма любопытные мысли. Но лучше, друг мой, расскажите о ваших проблемах. Как ваши дела?

— Сплошные неприятности, — ответил мистер Бонингтон. — Именно так теперь все обстоит в мире. Слишком много неприятностей. И слишком много красивых слов. Красивые слова помогают скрывать грязь и неприятности. Как густой мучной соус скрывает тот факт, что рыба под ним не лучшего качества! — В этот момент Молли принесла ему филе, и он одобрительно произнес: — Ты знаешь, что я люблю, моя девочка.

— Ну, так ведь вы наш постоянный посетитель, не правда ли, сэр? Поэтому я должна знать.

— Так что же, люди всегда заказывают одно и то же? Неужели они никогда не хотят перемен? — спросил Пуаро.

— Только не джентльмены, сэр. Леди любят разнообразие, джентльмены всегда хотят одно и то же.

— Ну, что я вам говорил? — проворчал Бонингтон. — Там, где речь идет о еде, на женщин полагаться нельзя! — Он оглядел ресторан. — Наш мир — презабавное место. Видите бородатого чудака там в углу? Молли скажет вам, что он всегда ужинает здесь по вторникам и четвергам. Он ходит сюда уже лет десять — в некотором роде местная достопримечательность. Но до сих пор никто не знает ни его имени, ни где он живет, ни чем занимается. Довольно странно, если задуматься.

Когда официантка принесла им порции индейки, мистер Бонингтон обратился к ней со словами:

— Я вижу, что ваш Пунктуальный Старичок все еще ходит сюда.

— Совершенно верно, сэр. Его дни — вторник и четверг. Но на прошлой неделе он вдруг неожиданно пришел в понедельник! Это выбило меня из колеи! Я решила, что, сама того не подозревая, перепутала числа, и что это был вторник. Но это был именно понедельник, так что, если так можно выразиться, это у него внеплановое посещение.

— Интересное отклонение от привычки, — забормотал Пуаро. — Что его побудило к этому, хотел бы я знать?

— Сэр, если вас интересует мое мнение, то я думаю, что он был чем-то расстроен или обеспокоен.

— Почему вы так решили? Он себя странно вел?

— Нет, сэр, не то, чтобы странно. Он был такой же тихий, как всегда. Никогда слова не скажет, кроме одного: «Добрый вечер». Нет, странным был его заказ.

— Его заказ?

— Боюсь, что вы, джентльмены, будете надо мной смеяться, — покраснела Молли. — Но когда джентльмен ходит сюда больше десяти лет, вы, естественно, хорошо знаете, что он любит, а что — нет. Он терпеть не мог пудинга с почками и черной смородины, и я не припомню, чтобы он заказывал густой суп. Но в тот понедельник он заказал густой томатный суп, бифштекс, пудинг с почками и пирог с черной смородиной! Похоже, что он просто не замечал, что заказывал!

— Знаете ли, — произнес Эркюль Пуаро, — я все это нахожу весьма интересным.

Молли удовлетворенно взглянула на них и удалилась.

— Ну, Пуаро, — посмеиваясь, произнес Генри Бонингтон. — Хотелось бы услышать ваши выводы. В ваших лучших традициях.

— Я бы предпочел сначала услышать ваши выводы.

— Хотите сделать из меня Ватсона? Ладно, старик отправился к врачу, а врач поменял ему диету.

— На густой томатный суп, бифштекс, пудинг с почками и пирог с черной смородиной? Не могу представить себе доктора, который мог бы дать такое предписание.

— Напрасно не верите, старина. Доктора могут предписать все, что угодно.

— Это единственное, что вам пришло в голову?

— Ну, если говорить серьезно, я думаю, что существует единственно возможное объяснение. Наш неизвестный друг был во власти каких-то сильных эмоций. Он был так поглощен своими проблемами, что, фигурально выражаясь, не замечал, что заказывал и что ел. — Бонингтон помолчал минуту, а затем добавил: — Вы мне, конечно, сейчас скажете, что знаете, о чем думал этот человек. Вы, наверное, скажете, что он вынашивал план убийства. — И тут же засмеялся над своим предположением.

Эркюль Пуаро не смеялся. Он признавался впоследствии, что в тот момент был серьезно обеспокоен, и клянет себя до сих пор, что не осознал тогда, чем все это может кончиться. Но друзья уверяют его, что предугадать развитие событий было невозможно.

Недели через три Эркюль Пуаро и Бонингтон снова встретились, на этот раз в метро. Они кивнули друг другу, держась за ремни в качающемся вагоне. На остановке «Пикадили Сэkes» многие вышли, и друзья смогли найти свободные места в углу вагона, где им никто не мешал.

— Между прочим, — спросил Бонингтон, — помните того старика, на которого мы обратили внимание в «Гэлант Эндивор»? Не удивлюсь, если

он уже ушел в мир иной. Он не был в ресторане целую неделю. Молли очень расстроена из-за этого.

Эркюль Пуаро приподнялся со своего места, глаза его сверкали.

— Неужели? — произнес он. — Неужели?

— Помните, я выдвигал гипотезу, что старик ходил к врачу и тот предписал ему диету? Насчет диеты — это, конечно, чушь, но я не удивлюсь, если он действительно обращался к врачу, и его заключение стало для старика ударом, поэтому он заказывал блюда из меню, не замечая, что заказывает. Потрясение было столь сильным, что он раньше времени покинул наш бранный мир. Врачи должны проявлять такт, когда сообщают диагноз пациентам.

— Так они обычно и поступают, — заметил Пуаро.

— Это моя остановка, — оказал мистер Бонингтон. — До свидания. Не думаю, что мы когда-нибудь узнаем хотя бы имя этого старика. Чудной мир! — И он поспешил на выход.

Вернувшись домой, Пуаро тут же дал указания своему преданному камердинеру Джорджу. Через какое-то время тот зашел в кабинет и протянул ему список. Пуаро быстро стал водить пальцем по списку фамилий. Это был список людей, умерших за последнее время. Наконец палец его остановился на одной фамилии.

— Генри Гаскон. Шестьдесят девять лет. Что ж, начнем с него...

Вскоре Эркюль Пуаро уже сидел в кабинете доктора Мак-Эндрю на Кингз-роуд. Доктор Мак-Эндрю был высоким рыжеволосым шотландцем с интеллигентным лицом.

— Гаскон? — проговорил он. — Да, припоминаю. Старый эксцентричный чудак. Он жил один в одном из тех допотопных домов, которые сейчас сносят, чтобы очистить место для застройки новых кварталов. Он не был моим пациентом, но я его встречал. Хорошо зная его, первым почувствовал неладное молочник. Молоко в бутылках, которое он по утрам оставлял на крылечке, скисло. В конце концов, люди послали за полицией. Они взломали дверь и обнаружили старика. Он свалился с лестницы и сломал себе шею. На нем был старый халат с рваным поясом, возможно, он в нем запутался и упал.

— Понятно, — сказал Эркюль Пуаро. — Это был просто несчастный случай.

— Совершенно верно.

— У него есть родственники?

— Племянник. Он приезжал проведать дядюшку раз в месяц. Его фамилия Рамзей, Джордж Рамзей. Он сам врач. Живет в Уимблдоне.

— Сколько времени труп пролежал в доме, пока его не обнаружили?

— Ага! — воскликнул доктор Мак-Эндрю. — Вот мы и перешли к официальным вопросам. Не менее сорока восьми часов, но не больше семидесяти двух. Его нашли шестого утром. Но, как выяснилось, время смерти мож-

но уточнить. В кармане халата покойного было найдено письмо, написанное третьего и отправленное из Уимблдона в тот же день после обеда. Судя по штемпелю, оно пришло в девять-двадцать вечера. Это позволяет предположить, что смерть наступила третьего после девяти-двадцати. Это соответствует состоянию его желудка и степени разложения трупа. Он ел за два часа до смерти. Я проводил вскрытие шестого утром. По моему заключению, смерть произошла за шестьдесят часов до этого, что-нибудь около десяти вечера.

— Похоже, все сходится. Скажите, когда его последний раз видели живым?

— В тот же вечер третьего, то есть в четверг, его видели в семь часов на Кингз-роуд, и он ужинал в ресторане «Гэлант Эндивор» в семь-тридцать. Похоже, он всегда там ужинал по четвергам.

— А другие родственники у него есть, или только этот племянник?

— У него был брат-близнец. Вся их история довольно странная. Они не встречались уже много лет. Видите ли, в юности Генри был артистом, правда, весьма бездарным. Вторым брат, Энтони Гаскон, тоже был артистом, но, женившись на богачке, покончил с искусством. Братья по этому поводу поругались, и, насколько я знаю, больше не встречались. Но самое странное, что они умерли в один день. Энтони Гаскон покинул этот бренный мир третьего числа в час пополудни. Я и раньше слышал историю о близнецах, умерших в один день в разных концах света. Возможно, это все просто совпадение, но таковы факты.

— А жена второго брата жива?

— Нет, она умерла несколько лет тому назад.

— Где жил Энтони Гаскон?

— У него был дом на Кингстон Хилл. По словам доктора Рамзея, он жил затворником.

Эркюль Пуаро задумчиво кивнул.

Шотландец бросил на него пронизательный взгляд и грубовато спросил:

— Что у вас на уме, мсье Пуаро? Я ответил на ваши вопросы. Это был мой долг, поскольку вы показали мне свое удостоверение. Но я нахожусь в неведении, что же случилось.

— Обычная смерть в результате несчастного случая, так вы сказали. Моя мысль не менее проста — его просто столкнули, — медленно проговорил Пуаро.

Доктор Мак-Эндрю озадаченно взглянул на него:

— Другими словами — убийство! У вас есть какие-нибудь основания это утверждать?

— Нет, — ответил Пуаро, — только подозрения.

— Но должно же быть что-нибудь... — настаивал его собеседник.

Пуаро ничего не ответил.

— Если вы подозреваете племянника, мистера Рамзея, то должен предупредить вас, что вы идете по ложному следу. Рамзей играл в бридж в Уимблдоне с восьми тридцати до двенадцати ночи. Это выяснилось во время дознания.

— И, конечно, это было проверено, — пробормотал Пуаро. — Полиция работает весьма тщательно.

— Может быть, у вас есть что-нибудь против него? — поинтересовался доктор.

— До разговора с вами я вообще не знал о существовании этого человека.

— Значит, вы подозреваете кого-нибудь еще?

— Нет-нет. Дело вовсе не в этом. В основе человеческого поведения лежат привычки. Это очень важно. А смерть мистера Гаскона нарушает цельную картину. Похоже, здесь что-то не так.

— Я не совсем вас понимаю.

Эркюль Пуаро улыбнулся и встал, Мак-Эндрю тоже поднялся и произнес:

— Видите ли, сказать по правде, я не нахожу ничего подозрительного в смерти мистера Гаскона.

— Я настойчивый человек, — развел руками маленький бельгиец. — У меня есть идея, но ничего в ее подтверждение. Кстати, доктор Мак-Эндрю, у Генри Гаскона были вставные зубы?

— Нет, его зубы были в прекрасном состоянии. Весьма похвально в его возрасте.

— Он за ними хорошо следил? Они были белые и вычищенные?

— Да, я это отметил.

— Мой вопрос был задан с дальним прицелом, хотя, возможно, это и ложная версия! До свидания, доктор Мак-Эндрю, спасибо вам за вашу доброту и терпение. — Пуаро пожал доктору руку и удалился, пробормотав про себя: «А теперь проверим эту версию».

Он вошел в ресторан «Гэлант Эндивор» и уселся за тот же самый столик, за которым они когда-то обедали с Бонингтоном. Но обслуживала его не Молли. Молли, как сказала ему официантка, уехала в отпуск.

Было еще только семь часов, народу в ресторане было немного, и Пуаро не составило труда втянуть официантку в разговор о старом мистере Гасконе.

— Да, — сказала она. — Он приходил сюда в течение многих лет, но никто из официантов не знал, как его зовут. Мы прочли о расследовании в газете, и там была фотография. «Посмотри-ка, — обратилась я к Молли, — похоже, это наш Пунктуальный Старичок», — мы здесь его так называли между собой.

— Он ужинал здесь в день своей смерти, не так ли?

— Совершенно верно. Это было в четверг, третьего числа. Он всегда ужинал здесь по четвергам. Его дни были вторник и четверг, и он был точен, как часы.

— Я полагаю, что вы уже не помните, что он ел на ужин?

— Дайте-ка припомнить. Это был суп с пряностями, да-да, точно, и пирог с говядиной. А, может, жареная баранина? Нет, конечно, это был пирог. И еще шарлотка с яблоками и черной смородиной. И, конечно, сыр. Подумать только, что в тот же вечер он упал с лестницы и погиб. Говорят, что он запутался в халате. Конечно, его одежда была жуткого вида: старомодная, местами порванная, да и надевал ее он весьма небрежно. И все же что-то было в его облике, в нем чувствовалась личность... О, у нас здесь бывает много интересных посетителей! — добавила официантка и удалилась, а Пуаро продолжал в одиночестве поглощать свою рыбу.

Вооружившись рекомендациями от влиятельных лиц, Эркюль Пуаро без труда получил у районного следователя материалы дела о смерти мистера Гаскона.

— Этот покойный Гаскон был забавной личностью, — заметил следователь, — одинокий эксцентричный старик. Но, похоже, его смерть привлекла к себе необычно большое внимание. — Произнося все это, он с любопытством поглядывал на своего посетителя.

— Видите ли, мсье, есть некоторые обстоятельства, возможно, связанные с этим делом, которые указывают на необходимость дополнительного расследования, — медленно, тщательно подбирая слова, ответил Пуаро.

— Хорошо, чем я могу вам помочь?

— Насколько я понимаю, в вашей компетенции принимать решение: сохранять материалы по окончании следствия или нет. В кармане халата Генри Гаскона было найдено некое письмо, не так ли?

— Совершенно верно.

— Письмо от его племянника Джорджа Рамзея?

— Именно так. Письмо было включено в материалы дела, чтобы уточнить время смерти.

— Это письмо сохранилось?

Пуаро с волнением ожидал ответа следователя. Услышав, что письмо можно получить, он с облегчением вздохнул.

Получив, наконец, этот документ, Эркюль Пуаро внимательно изучил его. Письмо было написано перьевой ручкой весьма неразборчивым почерком. Оно гласило:

«Дорогой дядя Генри! С сожалением должен сообщить вам, что я не добился успеха у дяди Энтони. Ваше предложение встретиться с ним не вызвало у него никакого энтузиазма. И он ничего мне не ответил на ваше пожелание забыть прошлые обиды. Конечно, он очень болен и постепенно теряет рассудок. Боюсь, что его конец близок. Похоже, он с трудом вспоминает, кто вы такой.

Весьма сожалею, что я не справился с вашим поручением, но, уверяю вас, я сделал все, что мог.

Ваш любящий племянник Джордж Рамзей».

Само письмо было датировано третьим ноября. Пуаро взглянул на почтовый штемпель — там было указано время шестнадцать-тридцать.

— Все идеально сходится, — пробормотал он.

Теперь Пуаро отправился на Кингстон Хилл. После непродолжительной борьбы, в которой он использовал все свое добродушие и настойчивость, ему удалось добиться беседы с Амелией Хил — кухаркой и домоправительницей покойного мистера Гаскона.

Поначалу миссис Хил держала себя высокомерно и недоверчиво, но чарующая вежливость этого необычного иностранца принесла свои плоды, и она, тут же став намного приветливее, начала рассказывать этому доброжелательному слушателю о своих бедах.

Четырнадцать лет она вела хозяйство в доме мистера Гаскона, а это вовсе не легкая работа! Многие женщины спасовали бы перед той ношей, которую ей пришлось тащить на себе. Бедный старик был весьма эксцентричен и, к тому же, очень скуп — он был просто охвачен манией экономии, а ведь был очень богат. Но миссис Хил преданно служила ему, мирилась со всеми его чудачествами и, вполне естественно, рассчитывала на благодарность. Но нет, ничего подобного! Старик не изменил своего старого завещания, в котором оставлял все свои деньги жене, а в случае, если умрет раньше брата, то своему брату Генри. Это завещание было составлено много лет назад. Все это было не слишком-то красиво со стороны мистера Энтони.

Постепенно Пуаро удалось увести разговор от неудовлетворенной алчности миссис Хил и задать интересующие его вопросы. Конечно, поступок мистера Энтони был бессердечен и несправедлив! Никто не может упрекнуть миссис Хил за ее негодование и обиду по этому поводу. Всем известно, что мистер Гаскон был скуп. Говорят даже, что покойный отверг помощь своего единственного брата. Возможно, миссис Хил что-нибудь об этом известно?

— Вы спрашиваете о разговоре, ради которого сюда приезжал доктор Рамзей? — уточнила она. — Насколько мне известно, разговор действительно шел о его брате, но я полагаю, что брат мистера Энтони просто хотел с ним помириться. Они поссорились уже много лет назад.

— Я так понял, — спросил Пуаро, — что мистер Гаскон решительно отказался от примирения?

— Совершенно верно, — кивнула миссис Хил и снова заговорила о своих печалях и горестях и бесчувственности адвоката покойного мистера Гаскона.

Пуаро стоило немало труда закончить этот разговор и удалиться.

И вот, сразу после ужина, он появился в резиденции доктора Джорджа Рамзея по адресу Уимблдон, шоссе Дорсет, Элмкрест.

Его провели в приемную, куда и спустился Рамзей. Это был чисто выбритый мужчина среднего роста. Белесые ресницы придавали его взгляду что-то змеиное, при этом он производил впечатление человека живого и не без чувства юмора. Было очевидно, что незваный гость оторвал доктора от ужина.

— Видите ли, доктор, я вовсе не пациент, — заговорил Эркюль Пуаро. — И, возможно, мой визит к вам можно посчитать наглостью, но во всяком деле я предпочитаю решительность и прямоту. Не люблю юристов и их многоречивые окольные методы.

— Юристы? — проговорил Рамзей, удивленно подняв брови. — Ненавижу их! Мой дорогой сэр, вы меня заинтриговали. Прошу вас, садитесь.

Пуаро не замедлил воспользоваться приглашением и вручил доктору Рамзею свою визитную карточку с указанием профессии. Тот снова заморгал своими белесыми ресницами, а Пуаро наклонился вперед и конфиденциально сообщил ему:

— Большинство моих клиентов — женщины.

— Вполне естественно, — подмигнув, ответил Джордж Рамзей.

— Как вы сами признали, это вполне естественно. Женщины не доверяют полиции и предпочитают частное расследование, не желая, чтобы их проблемы были обнародованы. Несколько дней назад у меня консультировалась одна пожилая дама. Она была очень опечалена судьбой своего мужа, с которым давно поссорилась. Ее муж — ваш дядя, покойный мистер Гаскон.

— Мой дядя? — побагровел Рамзей. — Что за чушь! Его жена умерла много лет назад!

— Речь идет не об Энтони Гасконе, а о другом вашем дяде — Генри Гасконе.

— Дядя Генри? Но он никогда не был женат!

— Вы ошибаетесь, был. — Пуаро лгал, не краснея. — В этом нет никаких сомнений. Моя клиентка даже принесла с собой свидетельство о браке.

— Это ложь! — воскликнул Джордж Рамзей. Его лицо стало цвета сливы. — Я не верю ни единому вашему слову! Вы — наглый лжец!

— Это ведь ужасно для вас, не правда ли? Вы совершенно напрасно убили своего дядю.

— Убил? — Голос Рамзея задрожал. Его прозрачные глаза смотрели на Пуаро с ужасом.

— Кстати, — продолжал Пуаро. — Я вижу, вы снова ели пирог с черной смородиной. Это весьма неумная привычка. Говорят, что в ягодах черной смородины много витаминов, но иногда их употребление может быть смертельно опасно. Я полагаю, что в настоящем случае они помогут затянуть петлю на шее человека — вашей шее, доктор Рамзей!

... — Видите ли, друг мой, вы допустили ошибку, строя свои рассуждения на неверном предположении, — сидя в ресторане, лучезарно улыба-

нулся через стол своему другу мистеру Бонингтону Пуаро, сопровождая свои объяснения жестикуляцией. — Находящийся в шоке человек никогда не будет делать того, что он не делал раньше. В таком состоянии люди действуют рефлекторно, по привычке. Человек, который чем-то очень расстроен, может прийти на ужин в пижаме, но это будет его пижама, а не чужая. Мужчина, который не любит густой суп, пудинг с почками и пирог с черной смородиной однажды вечером это все вдруг заказывает. Вы утверждаете, что он так поступает потому, что думает о чем-то своем. А я утверждаю, что поглощенный своими мыслями человек автоматически закажет то, что заказывал всегда. Хорошо, какое же в этом случае возможно объяснение? Я не находил ответа и потому был обеспокоен. А потом вы сообщили мне, что этот человек исчез. Впервые за долгие годы он пропустил свои традиционные вторник и четверг. Это мне еще больше не понравилось. У меня возникли подозрения, и я навел справки. Оказалось, он был уже мертв. Смерть его была весьма ловко и аккуратно обставлена. Другими словами, это была подпорченная рыба, прикрытая соусом!

Его видели на Кингз-роуд в семь вечера. Он ужинал здесь, в ресторане в семь-тридцать, за два часа до смерти. Все указывало на это — и содержание кишечника, и письмо в кармане халата. Слишком много соуса! Рыбу совсем не увидишь...

Любящий племянник написал письмо, у любящего племянника алиби на время смерти. Смерть произошла очень просто — падение с лестницы. Несчастный случай или убийство? Все указывало на убийство.

Любящий племянник — единственный родственник. Любящий племянник будет наследником... но есть ли, что наследовать? Ведь дядя был нищ, как церковная мышь.

Но ведь существует еще второй брат. А он в свое время женился на очень богатой женщине. И этот брат живет в большом богатом доме на Кингстон Хилл, следовательно, можно предположить, что эта богатая жена завещала свое состояние мужу. Явно наблюдается цепочка: жена-богачка оставляет деньги Энтони, от Энтони деньги переходят к Генри, а от него — к Джорджу.

— На словах все выглядит логично, — сказал мистер Бонингтон, — но каковы же были ваши действия?

— Если суть дела ясна, все остальное — дело техники. Генри умер через два часа после приема пищи. По сути, это все, что смогло выяснить следствие. Но, вполне возможно, что этот «прием пищи» — обед, а вовсе не ужин. Поставьте себя на место Джорджа. Ему крайне нужны деньги. Энтони Гаскон умирает, но племянник не извлекает из нее никакой выгоды. Деньги Энтони переходят к Генри, а он может прожить еще долго. Следовательно, Генри тоже должен умереть, и чем скорее, тем лучше. Но умереть он должен после Энтони, и тогда, когда у Джорджа будет алиби. Привычка Генри ужинать в ресторане два раза в неделю и навела Джорджа

на мысль о том, как организовать себе алиби. Джордж — человек осторожный, и, прежде чем действовать, он проверил выполнимость своего плана. Как-то в понедельник он посетил ресторан под видом своего дядюшки. Все прошло без сучка, без задоринки. Все приняли его за дядю. Племянник удовлетворен проверкой. Осталось дожидаться, когда дядя Энтони отойдет в мир иной. И вот — час настал. Второго ноября пополудни Джордж отправляет дяде Генри письмо, но датирует его третьим ноября. Он приезжает в город третьего утром, звонит Генри, договаривается о встрече и приводит свой план в действие. Резкий толчок, и бедный дядя Генри летит вниз с лестницы.

Джордж находит свое письмо и засовывает его в карман халата мистера Гаскона. В семь-тридцать он уже в ресторане «Гэлант Эндивор». Борода, густые брови — полный маскарад. Ни у кого нет сомнений, что в семь-тридцать мистер Генри Гаскон еще жив. Затем следует поспешное переодевание в туалете, и племянник мчится в своей машине на полной скорости в Уимблдон на партию бриджа. Это идеальное алиби.

— А как же штампель на письме? — взглянул на Пуаро мистер Бонингтон.

— Ну, это просто. Штампель был запачкан. Почему? Потому что число на нем было переправлено со второго на третье черной краской. Вы бы никогда не обратили на это внимание, если бы не подозревали этого. И, наконец, черные дрозды.

— Черные дрозды?

— Помните детскую загадку? Двадцать четыре черных дрозда занесли в пирог. Или, если вы хотите точности, ягоды черной смородины. Как вы понимаете, Джордж оказался не слишком хорошим актером. Он выглядел, как дядя, и ходил, как дядя, и разговаривал, как дядя, и у него были такие же борода и брови, как у дяди, но он забыл, что надо еще есть, как дядя. Племянник заказывал еду по своему вкусу.

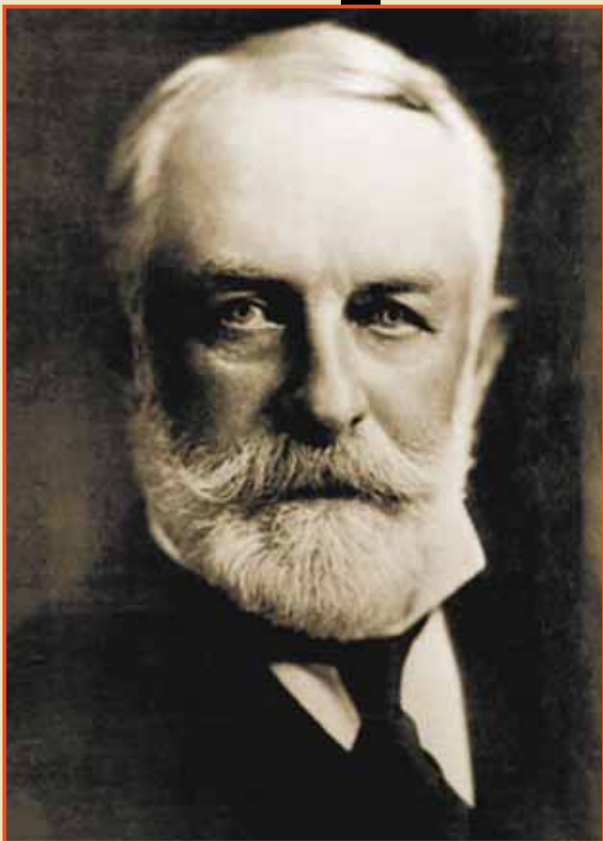
Черная смородина окрашивает зубы. Но, хотя все считали, что Генри Гаскон ел в тот вечер пирог из черной смородины, его зубы не были окрашены. И среди содержимого его желудка не было черной смородины. Я это проверял сегодня утром. К тому же Джордж оказался настолько глуп, что сохранил бороду и весь свой маскарадный костюм. О! Улик против него предостаточно. Я с ним сегодня встретился и напугал его. Это довершило дело. Кстати, он снова ел черную смородину. Весьма прожорливый тип — уделяет слишком большое внимание еде. И, если я не ошибаюсь, из-за этой прожорливости его и повесят.

Официантка принесла им две порции пирога с яблоками и черной смородиной.

— Унесите это! — сказал мистер Бонингтон и улыбнулся: — Надо быть осторожным. Принесите мне маленькую порцию сагового пудинга. □

Ирина Опимах

Генри Фрик

В мире много замечательных музеев. Крупнейшие из них создавались веками, их собирали могущественные правители империй, короли, цари — конечно, не сами, а с помощью специалистов, экспертов, порой не гнушавшихся самыми сомнительными методами. Так возникли Лувр, Эрмитаж, Прадо, Дрезденская галерея. Но есть и небольшие собрания, созданные людьми, в жилах которых текла отнюдь не «голубая» кровь, зато в душах жила любовь к искусству и невероятное чутье, помогавшее отличить шедевр от творения посредственного мастера. И еще у них, конечно же, были деньги, которые весьма полезны в удовлетворении такого рода дорогостоящих хобби. К таким собраниям относится галерея Генри Фрика, возникшая не так давно — в начале XX века, но считающаяся сегодня одним из лучших частных собраний мира. В этой коллекции западно-европейской живописи можно увидеть полотна Беллини и Тициана, Вермеера (заметим, всего в мире сохранилось ме-

И ЕГО КОЛЛЕКЦИЯ

*Галерея музея
Генри Фрика*

нее 40 его полотен, и три из них украшают собрание Фрика!) и Рембрандта, Веласкеса и Гойи, Гейнсборо и Энгра, Фрагонара и Дега...

Встреча с такими шедеврами — всегда событие. Недаром Ирина Антонова так вспоминала о первой встрече с этим музеем: «Я люблю нежной, интимной любовью галерею Фрика в Нью-Йорке. Это небольшой частный музей. В нем я нахожу невероятного Беллини, потрясающего Гойю, Веронезе, Рембрандта. Музей, который хорош не только великими картинами, но и атмосферой. Вы как бы приближаетесь к великим художникам, к очень великим художникам, и начинаете сами вибрировать, волноваться. Помню, когда я первый раз туда пришла, подумала: «Боже мой, и это есть, и то!» И вдруг смотрю: маленькая картина — «Офицер и смеющаяся девушка» Вермеера. У меня слезы градом. Я стою, даже не понимаю, что происходит...»

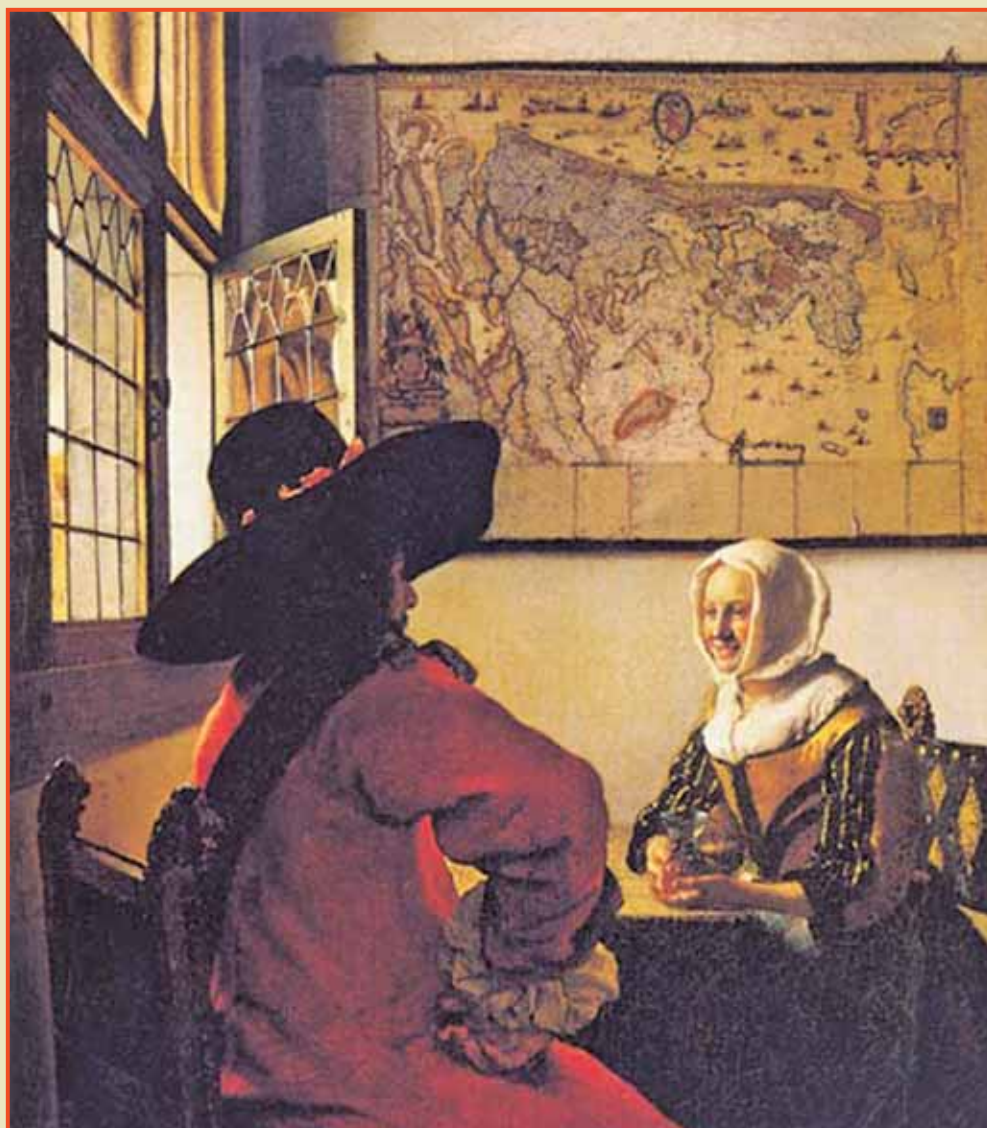
А начиналась эта история так...

*Рембрандт.
Автопортрет*

19 декабря 1849 года, в Пенсильвании, в местечке Вест-Овертон, в 64 километрах от Питтсбурга, в семье Джона Фрика родился сын, которого назвали Генри Клеем. Мистер Джон Фрик был абсолютно заурядной личностью, и все его попытки добиться успехов в бизнесе заканчивались неудачами. Зато его зять, дед Генри, Абрахам Оверхолт был человеком известным — кто не знал в Пенсильвании ржаной виски “OldOverholt” (Кстати, этот виски и сегодня пользуется успехом в Питтсбурге)! И вот тут, возможно, генети-

ка сыграла свою роль — так или иначе, внучок унаследовал от деда умение зарабатывать деньги. Поучившись всего один год в местном колледже Оттербейн, он решил, что все, пожалуй, образования ему хватит, и с двумя двоюродными братьями и одним приятелем создал свою первую компанию. Питтсбург в те времена был столицей металлургической промышленности. Но для того, чтобы выплавлять сталь, нужен кокс, причем много. Вот Фрик (ему тогда было всего 22 года) и решил заняться производством этого столь

*Вермеер.
«Офицер
и смеющаяся
девушка»*

необходимого компонента сталелитейного процесса. Вскладчину молодые люди купили печь для переработки угля в кокс — ульевую — и начали работать. Интуиция Фрика не подвела — дела компании пошли в гору, и уже через несколько лет, в 1880 году, Генри выкупил у компаньонов их долю, став полным владельцем фирмы. Теперь компания называлась «H. C. Frick & Company». Она добывала более 80% всего угля в штате, владела множеством коксовых печей, а на ее предприятиях уже трудилось около 1000 рабочих.

В том же году Генри Фрик впервые побывал в Европе. И это стало важнейшим моментом в его жизни. Старые европейские города с их узкими улочками, невероятные готические соборы, устремленные в небо, музеи, в которых хранились шедевры старых мастеров, картины, на которых была запечатлена жизнь давно ушедших времен... Молодой, деловой и практичный, а в чем-то даже циничный американец был потрясен всей этой невероятной красотой. Ни о чем подобном в его семействе не знали и не говорили, а о том, что в мире

*Один
из залов
дома Фрика
и полотна
его коллекции*

есть такие странные люди, что умеют рисовать, вспоминали только тогда, когда нужно было придумать наклейку на бутылку нового типа виски. И Фрик решил: когда-нибудь он обязательно создаст у себя в Америке такой же островок красоты, красоты, которой столько было в старой Европе! Он вернулся в Питтсбург и сразу накупил кучу книг и репродукций.

Между тем дела его компании шли великолепно, принося ему хорошие

деньги и достойное положение в обществе. К тому же Фрик удачно женился, и его статус в Пенсильвании вырос еще больше. Его избранница, Аделаида Говард Чайлдс, стройная, голубоглазая, веселая девушка, была дочерью успешного питтсбургского обувного магната. В обуви мистера Чайлдса ходило полгорода. (Видимо, Аделаида очень любила своего мужа. Иначе как объяснить, что из очаровательной и вполне

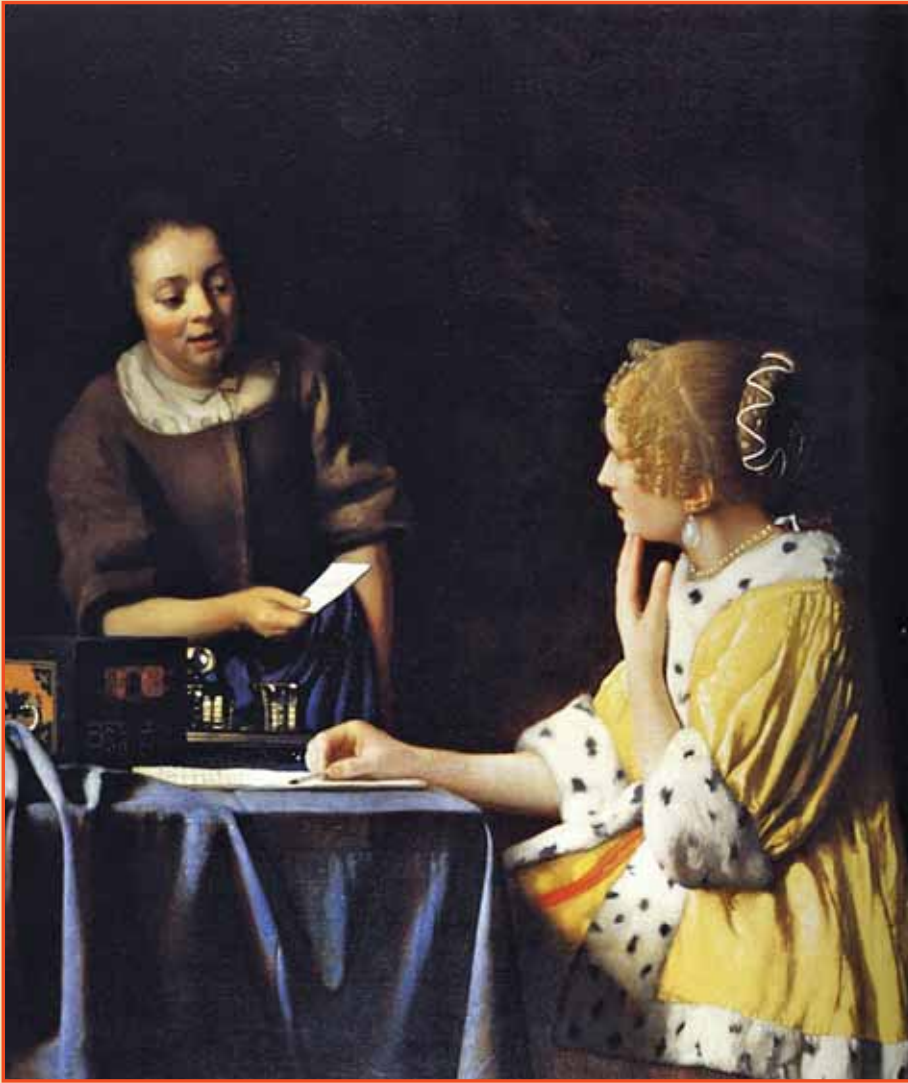
светской девушки она вскоре превратилась в любительницу домашнего уюта, избегавшую шумных сборищ и исправно рожавшую мужу детей. Их было у супругов четверо, двое умерли совсем маленькими. Возможно, смерть детей и повлияла как-то на ее характер, но, так или иначе, она посвятила свою жизнь дому, мужу, детям и никогда ни на что не жаловалась. Но все это было гораздо позже...)

А пока, в декабре 1881 года, состоялось их венчание. И это было заметное событие в светской хронике Питтсбурга — на торжество были приглашены все видные люди города. После свадьбы молодожены отправились в свадебное путешествие в Нью-Йорк. Там они познакомились с Эндрью Карнеги (с тем самым миллиардером и филантропом, построившим крупнейший и самый известный концертный зал США). Карнеги уже тогда был очень богат, он владел огромной сталеплавильной компанией. Ему был нужен кокс, а потому он заинтересовался компанией Фрика, и уже в 1882 году эта компания стала частью Carnegie Steel Company. Фрик частично потерял самостоятельность, но его административные таланты были столь велики, что вскоре он стал президентом всего концерна.

В его биографии, биографии настоящей акулы бизнеса, такого героя драйзеровских романов, было много неприглядных эпизодов. Так, к примеру, его обвиняли в гибели городка Джорджтауна, который зато-

пило в конце мая 1889 года — тогда погибли более двух с половиной тысяч человек. Трагедия случилась из-за того, что сильнейшие дожди и быстрое таяние снегов разрушили плотину Саут-Форк, сооруженную для клубного поселка богатейших питтсбургцев (плотина была нужна, чтобы создать озеро нужной глубины, где богачи могли бы на досуге половить рыбку). Фрик был инициатором и руководителем проекта поселка, а потому именно он стал в глазах общественности главным виновником трагедии. Но деньги, как всегда, помогли в этой щекотливой ситуации, и Фрик с его друзьями вышли «сухими из воды». Потом они организовали фонд помощи пострадавшим и постарались, чтобы эту историю все как можно быстрее забыли.

В 1892 году случилась еще одна беда — забастовка рабочих. 30 июня истекал договор компании Фрика и Карнеги с профсоюзной организацией, и администрация решила при заключении нового контракта уменьшить зарплату рабочих. Однако последним эта идея почему-то не понравилась. Начались беспорядки. Ситуация обострилась, когда Фрик вызвал 300 крепеньких и вооруженных бойцов из агентства Пинкертона. Произошла перестрелка — у рабочих тоже было оружие (ведь каждый уважающий себя американец хранит в своем доме винтовку). Сопротивление бунтовщиков удалось подавить только с помощью полиции — власти штата отправили на помощь Фрику шеститысячный

*Вермеер.
«Госпожа
и служанка»
(«Письмо»)*

отряд. В результате этих событий погибли более 10 человек, а Фрик превратился в главного врага рабочего класса.

А вскоре отыскался и человек, возжаждавший ему отомстить. Это был 22-летний Александр Беркман, уроженец Вильнюса, приехавший в США вместе со своей любовницей, известной анархисткой Эммой Гольдман. Вдохновленный пылкими речами любимой женщины о страшной судьбе фриковских рабочих и злодее Фрике, Беркман ворвался в кабинет промышленника и дважды выстрелил в него из револьвера. К сча-

стью, третьего выстрела не случилось — в кабинете находился помощник Фрика Джон Лейшман, которому удалось скрутить Беркмана. Ранения Фрика были довольно серьезными, но удача никогда его не покидала — он остался жив, а вот Беркман попал в тюрьму; вердикт суда был суров — 22 года заключения. (Кстати, стачки на предприятиях Фрика закончились тем, что около 2500 человек потеряли работу, а заработок оставшихся уменьшился в два раза).

С тех пор отношения Фрика и Карнеги разладились. Хитрый Карнеги всегда старался свалить на своего

*Ван Гог.
Автопортрет
в соломенной
шляпе*

компаньона все трудности и сделать его ответственным за все промахи и неудачи. В какой-то момент Фрику это надоело, и в 1899 году он ушел из совета директоров компании. Спустя три года Карнеги продал все активы компании Джону Моргану. Фрик ждал, что ему предложат возглавить корпорацию, но такого предложения не поступило (говорили, что об этом позаботился Карнеги), и он решил заняться чем-то другим. Ему тогда исполнилось 52 года, и идея у этого гения предпринимательства было множество.

В 1905 году Генри с семьей переехал в Нью-Йорк. Теперь его занимали банковские дела, и вскоре он стал выдающимся финансистом: вошел в совет директоров National City Bank и нескольких других банков, делал инвестиции в сулившие хорошие прибыли дела (например, в строительство железных дорог). И конечно, в эти годы его стало особенно интересовать искусство. Надо сказать, что та давняя поездка в Европу произвела на него сильное впечатление, но до 1895 года он практически еще ничего не покупал. Однако читал книги по истории искусства, гото-

*Ренуар.
«Семейный
портрет»*

вился, накапливал знания, оттачивал вкус. А потом неожиданно он стал приобретать чуть ли не по две картины в месяц! И так продолжалось до 1900 года! Похоже, он не рассматривал покупку картин как выгодное вложение денег — устав от всех этих забастовок, попыток обдурить конкурентов и их козней,

он просто мечтал создать вокруг себя некий мир, в котором жили бы только гении прошлых эпох и их творения. Сначала были барбизонцы, потом английские живописцы XVIII века и голландские — XVII-го. Импрессионистов он не любил, но сделал исключение для Моне и Дега, а позже приобрел и «Прерван-

ный урок музыки» Вермеера. Тогда, в самом начале XX века, Вермеера почитали лишь немногие историки искусства, богачи-собиратели о нем еще ничего не знали. Но Фрик, с его безупречным вкусом, уже все про Вермеера понял и приобрел еще две работы этого художника. А потом он купил знаменитый тичиановский портрет Пьетро Аретино, гениальный автопортрет Рембрандта, «Святого Иеронима» Эль Греко и многие другие шедевры. Он покупал только шедевры!

Правда, иногда случались и неудачи. Так, однажды ему захотелось приобрести «Крестину, герцогиню Миланскую» кисти Гольбейна. Портрет был написан с целью представить герцогиню Генриху VIII в качестве возможной невесты. К счастью для нее, она смогла избежать этой участи — выйти замуж за английского короля, а то кто знает, как закончилась бы ее жизнь. (Например, с Анной Болейн все получилось довольно грустно.) В общем, картина была хорошо известна в Англии, а принадлежала она герцогу Норфолку. Когда в обществе стало известно, что этот нахальный американец Фрик хочет увезти достояние английского народа, поднялся скандал, и герцогу Норфолку пришлось ему отказать. В результате полотно было продано Национальной галерее за 350 тысяч долларов.

А вот автопортрет Ван Гога Фрику удалось приобрести. С этой картиной связана почти мистическая история. Рассказывают, что портрет принес в 1900 году под Рождество

Амбруазу Воллару, известному парижскому галерейщику, некий бродяга. Он поведал маршану, что картину ему дал друг, когда-то работавший официантом в баре, куда частенько заходил Ван Гог. Они подружились, и однажды художник подарил симпатичному официанту свою картину. Но Воллар знал, что очень похожий портрет висит в гостиной Ротшильда, и прогнал бродягу, на всякий случай оставив у себя картину и дав ему сущие гроши. А на следующий день он узнал, что этот бродяга утопился в Сене, и последним его словом было «Воллар». Чувствуя себя виновным в его гибели, маршан решил все-таки повнимательнее присмотреться к картине. Изучив ее как следует, он понял, что у него в руках — подлинный шедевр! И вот тут начинается некая мистика. Воллар постарался побыстрее продать картину, вызывавшую у него неприятные воспоминания. Первым ее покупателем стал один богатый аргентинец — латифундист. Он купил ее для своей дочери. А потом девушка погибла — ее убили два ее любовника, обнаружившие, что она их обоих обманывает. В момент убийства полотно было у нее — она как раз только принесла его домой. Отцу теперь картина была не нужна, и он вернул ее Воллару. Вторым покупателем стал известный французский политик и журналист Жорж Клемансо. После того, как полотно заняло свое место в его доме, на Клемансо было совершено покушение. К счастью, неудачное. А на следующий день после выстрела

Клемансо пришел проведать Фрик. Хозяин дома, зная о его любви к живописи, с гордостью показал свое новое приобретение. Генри, с подозрением рассматривая массивную раму, заметил, что картина может упасть. И очень скоро она-таки упала, чуть не покалечив Клемансо. Перепуганный политик не выдержал второго опасного момента в жизни и тут же продал картину Фрику. Так шедевр Ван Гога попал в коллекцию американского миллионера, чему он был чрезвычайно рад.

Коллекция Фрика быстро росла, заполняя весь его дом в Питтсбурге. В 1905 году он переехал в Нью-Йорк и взял с собой основную часть собрания. Фрики поселились в роскошном особняке Вандербильтов на Пятой авеню, который они взяли в аренду. Они там собирались жить, пока не построится дом на углу Пятой авеню и 7-й улицы. Этот дом Фрик сразу задумал не только как место, где он будет жить с семьей, но и как музей для его уже довольно большой коллекции.

В 1912 году супруги Фрики отправились в Европу. И там случилось несчастье — когда они были в Италии, Аделаида растянула лодыжку. Она не могла ходить, и ей даже пришлось лечь в госпиталь. Между тем они собирались возвращаться на родину, и уже были куплены билеты на роскошное судно, которое называлось «Титаник». Путешествие обещало массу удовольствий, да и компания собиралась неплохая — приятель Фрика Морган тоже купил биле-

ты на «Титаник». Фрикам пришлось сдать билеты буквально за несколько часов перед отплытием. Так досадная случайность спасла им жизнь. А Морган все-таки отправился на «Титанике», но, по официальной версии, вскоре почувствовал себя плохо и сошел на берег еще в Саутхемптоне — вместе с шестнадцатью сундуками, в которых хранились его картины, купленные в Европе. (Известно, что Морган был одним из владельцев корабля, который был застрахован на большую сумму. Многие считают гибель «Титаника» не случайной, и для этого есть некоторые основания).

В 1914 году новый дом Фриков был построен, и они наконец-то туда переехали. Переехали туда и их сокровища вместе с великолепной коллекцией живописи. Фрик сам руководил развеской картин — он окружил их изящной мебелью, скульптурами, фарфором, коврами, продумал освещение. А еще собрал великолепную библиотеку — и книги тоже стали прекрасным фоном для полотен.

Всегда и во всем ему помогала его дочь Хелен. Уже тогда она начала создавать каталог всей его коллекции. По-видимому, в конце жизни Генри Фрик, этот миллиардер, хорошо знавший цену деньгам и умевший забыть о морали и нравственности, зарабатывая их, что-то для себя переосмыслил, и какие-то иные ценности обрели для него смысл и значение. Строя свой дом в Нью-Йорке, он решил сделать из него общедоступный музей, а в своем завещании

предусмотрел передачу всего дома и коллекции городу Нью-Йорку.

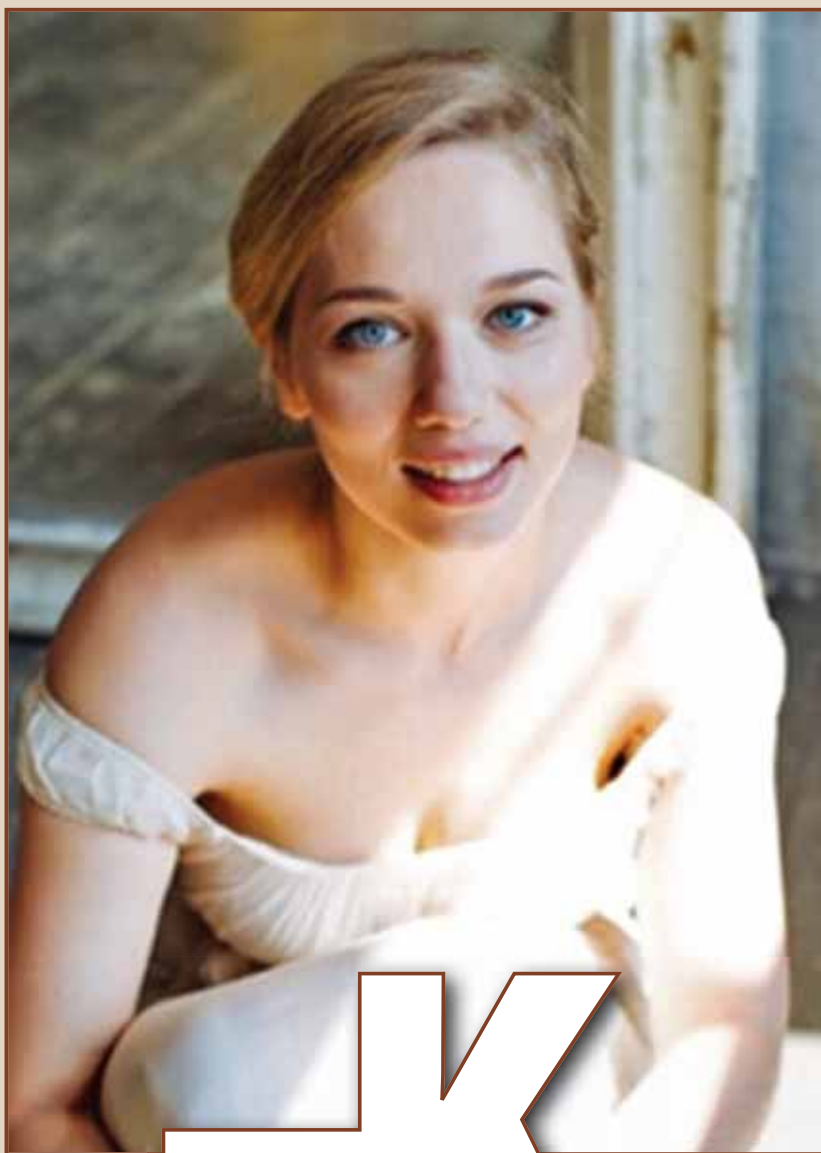
Генри Фрик умер 2 декабря 1919 года. За несколько месяцев до смерти он приобрел последнюю жемчужину своей коллекции — гениальное Вермееровское «Письмо» (Госпожа и служанка»). Наверное, он собирался жить долго, но... случился инфаркт. Фрик не дожил до своего 70-летия чуть больше двух недель. Похоронили его в родном Питтсбурге.

А его дом стал превращаться в музей только в 1931 году, после смерти его вдовы Аделаиды. Огромная роль в этом принадлежит его любимой дочери Хелен. Всю свою жизнь она посвятила делу отца, сохранению и преумножению его коллекции, благо денег у нее было достаточно, отец оставил ей очень хорошее наследство. Она была не замужем, и многие годы считалась самой богатой невестой Америки. Главным для нее всег-

да было искусство, музей, созданный ее отцом. В память о нем она основала Справочную библиотеку Фрика по искусству, крупнейшее хранилище сведений о произведениях мирового искусства.

16 декабря 1935 года особняк Фрика, превращенный выдающимся архитектором Джоном Расселом Поупом в удобное для публики пространство, наконец-то открыл свои двери для посетителей.

Генри Фрик прожил сложную, неоднозначную жизнь. В ней были и низкие поступки, и дела, за которые ему были благодарны и современники, и потомки. В Питтсбурге он оставил городу парк и два миллиона долларов на его содержание, основал больницу, построил железную дорогу. Но самым главным его подарком соотечественникам стал его музей, всемирно известная Frick's Collection. □

Ксения Теплова — молодая, талантливая артистка театра и кино, выпускница школы-студии МХАТ, снялась во многих кинопроектах и популярных сериалах: «Ангелика», «Даешь молодежь», «Папа на вырост», «Опережая выстрел», «Жена на прокат», «Закон и порядок»...

Ксения — достойный представитель творческой актерской династии, и продолжает радовать зрителей и поклонников своей искрометной игрой.

ТЖ Ксения Теплова:

«Хочу получить драматически сложную роль, где все на одном дыхании...»

— Недавно в МХТ с успехом прошла премьера спектакля «Спящий принц», в постановке режиссера Романа Самгина, по пьесе английского драматурга Теренса Реттигана — одного из известных писателей европейской литературы середины двадцатого века. Кстати, «Спящего принца» Реттиган написал специально для великого артиста Лоуренса Оливье. Расскажите, пожалуйста, об этом спектакле...

— Некая балканская страна на грани переворота, и принц-регент этой страны Чарльз приезжает в Лондон с официальным визитом. Однажды вечером он отправляется в театр, и события принимают крутой поворот... Принц встречается с американской актрисой Мэри Морган с целью весело провести вечер и, неожиданно для себя, влюбляется в нее — в веселую, открытую, добродушную девушку. Более того, любовь изменяет и самого принца, он становится абсолютно другим человеком! Роль Мэри Морган, которую я играю, очень интересная, да и в самом спектакле потрясающее сочетание текста, хореографии и драматических сцен. Присутствует и настоящий тонкий английский юмор. Замечательный партнер — Дмитрий Назаров в роли принца-регента Чарльза!

— Ксения, вы родились в творческой семье, ваша мама —

Мargarита Николаевна Суворова — хореограф, балетмейстер-постановщик. В кино работала с Дружининой, Гинзбургом, Суриковой, профессор РАТИ, ставила танцы во многих театрах, отец — Виктор Васильев, много лет играет на сцене драматического театра имени Пушкина, известен старшему поколению по легендарному сериалу «Следствие ведут знатоки» о советской милиции, где он дебютировал в 1971 году.

Выбор стать артисткой — это продолжение династии или лично ваш выбор?

— Конечно, мой! Поступала, как и многие абитуриенты, сразу в несколько театральных вузов, меня брали в ГИТИС, на курс Марка Захарова, но я выбрала школу-студию МХАТ. Счастлива, что училась в этом легендарном вузе, до сих пор я помню теплое отношение мастеров к нам, тогда еще только что поступившим абитуриентам...

В школе-студии МХАТ все очень строго, консервативно, это касается не только обучения, но и этикета, соблюдаются правила поведения, например, если, идя по коридору, ты не поздоровался с идущим тебе навстречу педагогом — тебя вызовут к ректору. Студент школы-студии МХАТ должен соответствовать!

— Учитывая, что ваша мама — хореограф, вы занимались в детстве танцами?

— Училась танцевать с раннего возраста, мечтала стать балетмейстером, как мои мама и сестра. Вообще, у нас династия по линии мамы: бабушка и дедушка — Суворовы — талантливейшие люди, у них был свой творческий коллектив, они продолжали в нашей стране развитие культуры художественного движения Айседоры Дункан.

— В репертуаре МХТ была пластическая драма — «Кармен. Этюды», по мотивам новеллы Проспера Мериме, в постановке Аллы Сигаловой на музыку «Кармен — сюиты» Бизе-Щедрина, постановка удостоена «Золотой

маски»... Алла Сигалова известна широкому кругу зрителей как хореограф, телеведущая...

— В 2007 году меня приняли в труппу Художественного театра, и я дебютировала на сцене в главной роли — Кармен.

Сначала это был студенческий спектакль, и мы, учащиеся школы-студии МХАТ, его репетировали с Аллой Сигаловой. Работа была творческой и интересной, ведь Алла Сигалова — очень талантливый хореограф. Мне нравилась исполнять роль современной Кармен, сам спектакль был таким невероятно эмоциональным, пластичным. Все действие происходит на дискотеке, в молодеж-

ной тусовке. В финале моя героиня не погибает, а продолжает жить, несмотря ни на что...

— Вы играете в спектакле «Лес» в постановке Кирилла Серебренникова. Как работалось с Кириллом Семеновичем?

— Я играю еще в его постановках «Зойкина квартира» по М.А. Булгакову и в «Трехгрошовой опере» по Б. Брехту.

Кирилл Семенович — замечательный режиссер, он открыт и, когда работаешь над ролью, со всех сторон покажет ее тебе. Серебренников дает импульс и четко ставит задачу, актер может все быстро схватывать, импровизировать, я счастлива, что удалось с ним поработать. Сейчас Серебренников много работает в

«Гоголь-центре», хотелось бы, чтобы еще что-то поставил в нашем театре.

— В каких еще спектаклях вас можно увидеть на сцене МХТ?

— В октябре прошлого года состоялась премьера спектакля «В. Ж.» в постановке молодой актрисы нашего театра Ольги Ворониной.

За литературную основу режиссер взяла первый вариант пьесы Максима Горького — «Васса Железнова». Евгения Добровольская — главная героиня, я играю Людмилу.

Очень люблю роль Саши в спектакле «Письмовник» — в постановке Марины Брусникиной, по одноименному роману Михаила Шишкина.

«Письмовник» написан автором за границей и вышел в свет в 2010 году, книга переведена на 25 языков мира. Спектакль необычный, литературный, интеллектуальный, в основе сюжета — переписка влюбленных, которые никогда больше не встретятся, они расстались волею судьбы...

— А какую роль в кино хотелось бы вам сыграть?

— Многогранную, чтобы присутствовала палитра разных красок, знаете, недавно посмотрела фильм «Союзники» с Марийон Котийар и Брэдом Питом в главных ролях, и я восхищена, как артисты проживают свою историю, как тонко передают всю гамму чувств! Какие игровые, драматические сцены! Ни один артист не откажется сняться в такой картине!

Я — театральная актриса, и мне хотелось бы сыграть роль, прописанную до конца, чтобы все было на одном дыхании, не так, как в сериале — здесь кусок отсняли, там отсняли, по ходу текст дописали.

Обычно я играю соблазнительниц, хулиганок, комедийные роли, а мне хотелось бы получить драматически сложную роль.

— Вы родились в театральной семье, ваш муж — талантливый актер, тоже мхатовец — Артем Быстров, растет дочь. Хотелось бы, чтобы династия продолжалась?

— Не знаю, пусть дочка сама решит, когда вырастет, кем ей быть. Ведь наша профессия очень, очень сложная.

— Каждый человек о чем-то мечтает. А у вас есть пока еще не воплощенная мечта?

— Конечно! Я мечтаю увидеть весь мир! Люблю путешествовать, и в свободное время с удовольствием смотрю передачи на эту тему. Ургант с Познером мне очень нравятся как «путешествующие» ведущие.

Особенно мне запомнилась поездка в Аргентину и Колумбию, это невероятные, экзотические страны, с потрясающей историей и культурой! Однажды в Буэнос-Айресе я увидела на улице, недалеко от центрального рынка пару — парень в джинсах и девушка в платье и кедах танцевали танго под старенький магнитофончик. Это был танец страсти, любви! Такого исполнения, признаюсь, я больше в Аргентине не видела. Я стояла, как замороженная, и смотрела на них, не могла оторваться!

— Несмотря на молодость, можно сказать, что вы — уже вполне реализованная личность. И все-таки, есть что-то, что бы вы хотели себе пожелать?

— Стать замечательной актрисой!!! □

Беседовала **Елена Воробьева**

Денис Логинов

Прекрасная испанка

Она считалась одной из красивейших женщин Европы своего времени — второй половины девятнадцатого века — и единственной соперницей ее была австрийская императрица Елизавета. Но Евгения Бонапарт, в девичестве графиня Теба, тоже была императрицей — Франции. И если Елизавете государственные дела, как и все, кроме ее особы, было совершенно безразлично, то Евгения со страстью вмешивалась в дела управления государством, в которых ровно ничего не смыслила.

Всю жизнь она подчинялась только своим капризам и прихотям, не давая себе труда задуматься о последствиях.

Именно ей Франция обязана поражением во франко-прусской войне 1870 года и свержением ее супруга — Наполеона III. Но ни красота, ни власть не помогли ей избежать нищей одинокой старости на чужбине.

А ведь начиналось все как в авантюрном романе...

Мария Евгения Игнация Августина Палафокс-Портокарреро и Киркпатрик, графиня Монтихо и Теба родилась 5 мая 1826 года, через пять лет после смерти Наполеона Бонапарта. Ее отец, дон Сиприано, был знатным испанским грандом, из рода Палафоксов, унаследовавшего титулы и имения древнего рода Портокарреро. О знатности рода свидетельствует то, что родная сестра ее отца была женой 16-го герцога Медина-Сидония, а бабушка, Мария-Анна де Круа, была дочерью герцога

ский дон и был так пленен ею, что женился и придумал для своей супруги весьма экзотичную биографию. Дочь шотландца и испанки-полукровки не значилась ни в одной из придворных книг, а значит, и проверить подлинность ее происхождения было чрезвычайно сложно. Да никто и не проверял. Испанская королевская семья была рада тому, что революционно настроенный граф Теба превратился в примерного семьянина и отца двух очаровательных дочерей — Марии и Евгении.

Евгения росла девицей романтической, однако ее романтизм имел странный оттенок. То она воображала, как ее похищают разбойники, и она принимает участие в их вылазках, то видела себя героиней какого-нибудь бульварного романа.

Она обожала осваивать мужские искусства: скакала верхом, фехтовала, плавала брасом, а великосветские дамы при виде ее замашек хватались за сердце

д'Авре из рода Круа и итальянской княжны Ланте делла Ровере.

Знатность и древность рода не помешали благородному дону стать убежденным бонапартистом и участником франко-испанской войны. Мать Евгении, донна Мануэла, была наполовину шотландкой и на четверть бельгийкой.

Некоторые источники, правда, утверждают, что прекрасная донна Мануэла до замужества была просто дочерью прачки из Гренады. Красавицу увидел знатный испан-

Старшая девочка была жгучей брюнеткой с огненными черными глазами, а вторая — синеглазой рыжеватой блондинкой. Возможно, версия о шотландской и бельгийской крови действительно правдива. Ведь ее мать тоже была блондинкой, что в Испании большая редкость.

Девочки воспитывались по-спартански, таково было решение их отца. Уже в шестилетнем возрасте он начал брать с собой Евгению в длительные поездки верхом и на охоту. Девочка проводила больше време-

ни среди лошадей, охотничьих собак и цыган, чем среди своих сверстниц из высшего света. Дон Сиприано считал, что экономия и простота — лучшая основа для воспитания детей.

Потому Евгения и Мария привыкли путешествовать не в карете, а верхом, шелковые чулки считались в семье непростительной роскошью, помимо того, дон Сиприано считал, что ничего дурного не случится, если его дочери будут носить одни и те же платья летом и зимой.

Когда Евгении исполнилось 13 лет, дон Сиприано скончался. Смерть отца положила конец ее детству, так как отношения девушки с матерью всегда были сложными. Донна Мануэла отдавала предпочтение старшей дочери, Марии, своей любимице. Поэтому, несмотря на то, что Евгения была влюблена в друга детства герцога Альбу, донна Мануэла настояла на том, чтобы Альба, бывший одним из самых завидных женихов Испании, женился не на ней, а на Марии, под предлогом того, что старшая

*Император
Шарль Луи
Наполеон
Бонапарт*

сестра должна выходить замуж раньше младшей.

А герцогу Альба было все равно на ком жениться: ему нравились обе сестры, и он безропотно обвенчался с Марией. Перед свадьбой Евгения сделала попытку отравиться серными спичками. Задуманный трагиче-

ский финал не состоялся: Евгению спасли, а на герцога, к ее разочарованию, это не произвело ни малейшего впечатления. Сердце юной Евгении было разбито.

В дом Монтихо каждый четверг приходил Мари-Анри Бейль, известный под псевдонимом Стендаль, ко-

*Императрица
Евгения
Бонапарт*

торый учил маленькую Евгению французскому языку, а давним любовником ее матери был сам Проспер Мериме. Последнему молва даже приписывала отцовство Евгении, однако сенсационной истории из этих слухов не вышло: Мериме познакомился с ее матерью

только через три года после рождения дочери.

Четыре года девочки воспитывались в монастыре Сакре Керр, затем провели несколько месяцев в английской школе. Когда однажды Евгения попыталась сбежать оттуда, пришлось отдать ее в элитный

парижский пансион, где благородных девиц обучали чему угодно, но только не наукам. Выйдя из стен этого заведения, она отправилась в Мадрид, куда переехала ее мать.

Евгения росла девицей романтической, однако ее романтизм имел странный оттенок. То она мечтала, чтобы ее похитили разбойники, с которыми она бы участвовала в вылазках, то, воображая себя героиней бульварного романа, перенимала какую-то аффектированную манеру поведения. Однажды один из молодых людей посмеялся над тем, как Евгения ездит верхом, и девушка, не долго думая, в ответ вонзила себе в ладонь перочинный нож.

После этого поклонники старались ее не трогать. Она обожала осваивать мужские искусства: скакала верхом, фехтовала, плавала брасом, а великосветские дамы при виде ее замашек хватались за сердце.

Жизнь последней императрицы Франции окружена множеством легенд, и одну из них очень любила вспоминать сама Евгения. Как-то она, видимо, воображая себя героиней очередного романа, задумала верхом спуститься с лестницы. Естественно, девушка не удержалась в седле и свалилась на мостовую. Мимо проходила какая-то старуха-горбунья. Увидев, что Евгения сильно ушиблась, она помогла ей подняться, потом взяла ее руку и стала внимательно всматриваться в линии на ладони. Гадалка предсказала Евгении блестящее будущее. Она сказала, что девушка поднимется до

таких высот, откуда страшно будет падать, доживет до ста лет и умрет в темноте. Евгения обратила внимание только на слова о том, что она проживет 100 лет, всего остального не поняла, да ей это было и неинтересно. Ведь тогда она и предположить не могла, что ей предстоит...

В конце сороковых годов Евгения вышла в свет. Впоследствии ее биограф Октав Обри писал:

«У нее был ясный, трезвый, почти мужской ум, правда, ей недоставало образования. Зато она была более уравновешенной, чем мать, была не такой падкой до развлечений и внушала больше уважения. Она носила вечерние платья, непременно пошитые в лучших ателье, с огромным декольте, в котором красовались очень женственные, мягко ниспадавшие плечи... В манере вставать или садиться, прохаживаться по салону, слегка наклонившись, в умении отвечать на комплименты, раскрыть или сложить веер она выказывала столько грации и несомненного достоинства, что нельзя было не изумиться».

Такой была 23-летняя Евгения, графиня Теба, когда она впервые встретила Луи Наполеона, сына падчерицы Бонапарта, который был избран президентом второй Республики. Француз был очарован Евгенией, тем более что как раз в это время был занят поисками для себя достойной супруги.

Старинные королевские семьи Европы наотрез отказывали этому «выскочке», и тогда Наполеон III вспомнил традицию французских королей

и обратил свой взор к Испании... Правда, не на испанскую инфанту, а лишь на графиню, но все же...

Прекрасную испанку многие считали авантюристкой. Наверное, доля правды в этом была, так как ей удалось завлечь в свои сети самого императора. Шарль Луи Наполеон не только сделал Евгению французской императрицей, но и прочно попал под ее влияние.

Стоит отметить, что и сам племянник великого Наполеона не был чужд авантюризма. В 1836 году он сделал первую попытку захвата власти: устроил заговор в Страсбурге,

сылкой в Америку. Участники заговора были преданы суду, но, ввиду состоявшегося уже освобождения главного виновника и унижительного письма, зачитанного на суде, в котором Луи Наполеон каялся в своем преступлении, восхвалял великодушие и милосердие короля и просил о пощаде для своих сторонников, все они были оправданы.

В 1837 году Луи Наполеон вернулся из Америки в Европу и поселился в Швейцарии, которую он, по требованию французского правительства, скоро вынужден был ос-

*Прекрасную испанку многие считали авантюристкой.
Наверное, доля правды в этом была, так как ей удалось
завлечь в свои сети самого императора. Шарль Луи Наполеон
не только сделал Евгению французской императрицей,
но и прочно попал под ее влияние*

к которому привлек нескольких офицеров. 30 октября Луи Наполеон явился в казармы артиллерийского полка в костюме, напоминавшем костюм Наполеона I, с исторической треуголкой на голове, его сопровождала свита, состоявшая из заговорщиков, которые несли императорского орла. Но недостаточно обработанные заговорщиками солдаты арестовали Луи Наполеона и его сторонников.

Король Луи Филипп I освободил его из тюрьмы, ограничившись вы-

тавить, ему пришлось переселиться в Англию.

В 1840 году, когда правительство Луи Филиппа I своим решением перевезти тело Наполеона I во Францию само дало новый толчок распространению наполеоновского культа, Луи Наполеон счел своевременным повторить попытку захвата власти. Он нанял пароход, организовал в Лондоне экспедицию и, привлекая на свою сторону нескольких офицеров булонского гарнизона, 6 августа 1840 года высадился в Булони.

Но вторая попытка окончилась еще плачевнее, чем первая. Солдаты первого же полка, которому представился Луи Наполеон, арестовали его и его сторонников, причем Луи Наполеон во время свалки выстрелил в одного из солдат. Заговорщики были преданы суду палаты пэров; в числе защитников выступили Беррье, Мари, Жюль Фавр. Пэры, чрезвычайно суровые к обыкновенным революционерам, отнеслись весьма снисходительно к Луи Наполеону и его сторонникам и приговорили его к не существовавшему во французском кодексе наказанию, а именно, к пожизненному тюремному заключению без ограничения прав.

Он был посажен в крепость Гам, где провел шесть лет, правда, пользовался там весьма значительной свободой: принимал друзей, писал статьи, печатал книги. В 1846 году, переодевшись каменщиком, несшим доску на плече, он сумел, при помощи друзей, бежать из крепости и перебраться в Англию.

Французская корона Луи Наполеону все-таки досталась, но значительно позднее. В сентябре 1848 года он был избран депутатом учредительного собрания. В своих редких публичных речах и куда более многочисленных посланиях этого периода заявлял, что мог выставить свои претензии наследника империи только в присутствии короля, но, ввиду республики, основанной по воле всех французов, отказывается от этих претензий и, как вер-

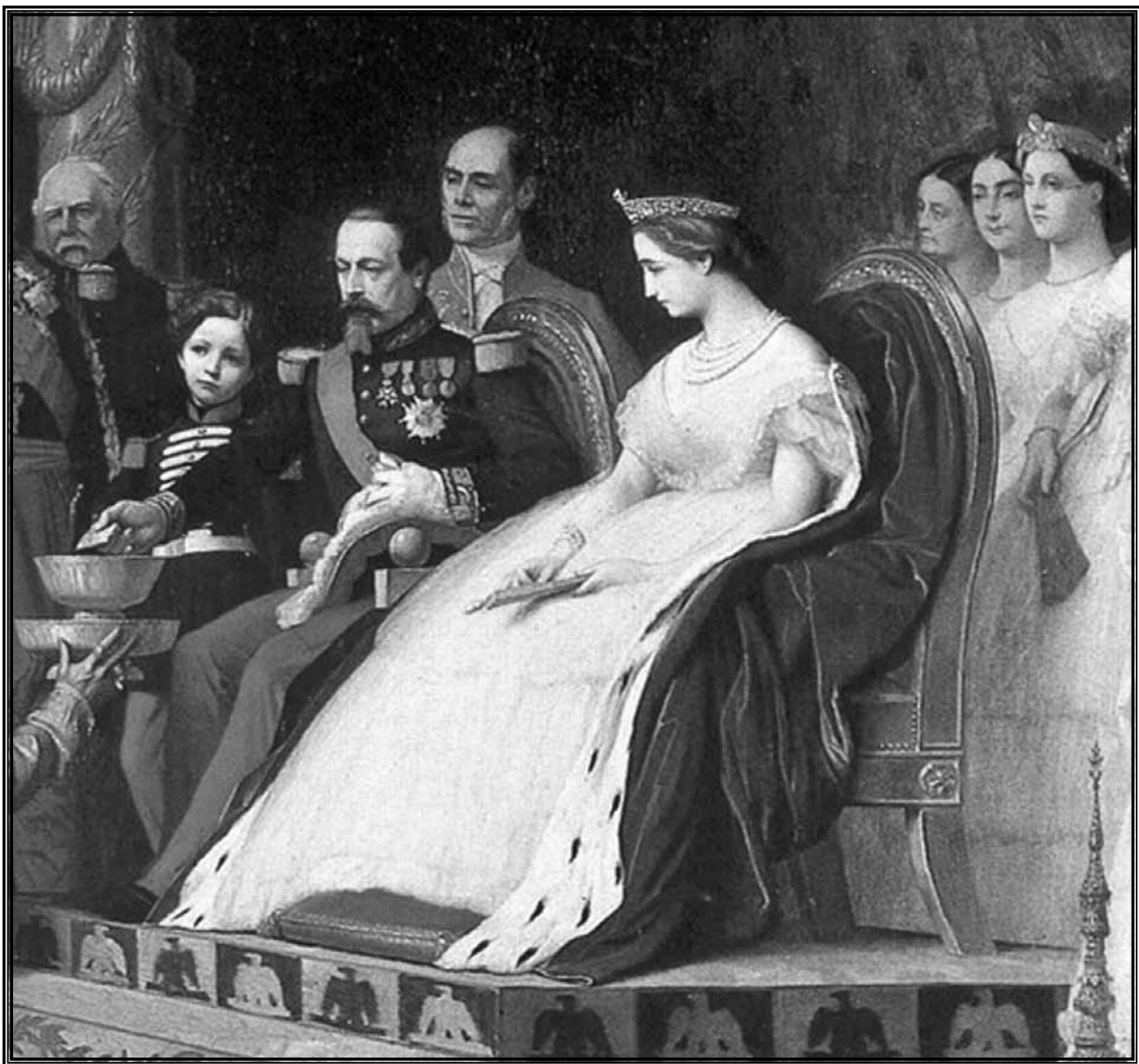
ный слуга народа, является искренним и горячим республиканцем. Он выставил свою кандидатуру на пост президента республики. И... одержал сокрушительную победу: за него проголосовало 75 процентов французов. Это были первые прямые выборы главы французского государства.

Вступая в должность президента, Наполеон торжественно поклялся быть верным республике и охранять ее законы. На деле же он ни на минуту не переставал мечтать о том, чтобы стать императором, и тайно готовил заговор против республики. Переворот был назначен на 2 декабря 1851 года (годовщина коронации Наполеона I в 1804 году и Аустерлицкой битвы в 1805 году — одной из самых блестящих побед великого французского императора).

14 января 1852 года после подавления нескольких местных восстаний и массовых арестов недовольных, Наполеон стал вторым императором Франции.

Как только до Мадрида дошли слухи о том, что во Франции снова появился император, мать с дочерью дружно бросились в Париж. Евгении было уже 26 лет, по тем временам она считалась уже перерезавшей девицей. Вскоре они с матерью добились приглашения на бал в Елисейском дворце, подписанного самим императором. Там Евгения и познакомилась с Наполеоном.

Вообще, она вела весьма активную светскую жизнь, бывала в самых модных салонах Парижа, была

Императорская чета Бонапартов — Евгения, Луи Наполеон и наследник, принц Наполеон Луи Жан Жозеф

знакома с кузиной Наполеона III Матильдой. Девушка так очаровала двоюродную сестру императора, что та пригласила ее на очередной прием, где присутствовал и ее брат-император, и посадила Евгению рядом с ним за столом. Испанская красавица сразу бросилась очаровывать немолодого уже императора. Она без умолку «сыпала комплиментами» и признавалась в любви к семейству Бонапартов.

Мало того, Евгения даже пыталась делать императору авансы: мол, она давно мечтала о таком мужчине, ну, и дальше то, что обычно говорят в таких случаях дамы, желающие выйти замуж. Наполеон намек понял и пригласил девушку на обед в свою загородную резиденцию, однако, когда Евгения приехала, гостей там и в помине не было. Он предложил ей прогуляться по парку, но вскоре вернулся с очень

*Франсуа Ксавье Винтерхальтер.
Императрица Евгения в окружении фрейлин*

разочарованным видом. Его попытка домогаться Евгении ни к чему не привела, испанка оказалась умнее и притворилась девушкой порядочной — она ведь хотела быть не любовницей императора, а его женой!

Заморочив напоследок Наполеону голову, Евгения отбыла в Мадрид — пусть теперь помучается без нее. И действительно, император только и думал о том, как вернуть и покорить строптивцу. Теперь наступила очередь Наполеона — он стал писать Евгении письма, в которых плакался, как тяжело быть императором, о том, что он всегда один в огромном дворце, что рядом нет близкой души...

Ответы Евгении поражали его: это были не по-женски умные и смелые рассуждения о политике, об управ-

лении страной и чуткие мысли нежной женщины. Наполеон был от них в восторге. Ну а Евгения, по понятным причинам, предпочла не сообщать, что эти душевные письма за нее писал Проспер Мериме.

Избранная ею тактика принесла свои плоды, Наполеон, которому уже шел пятый десяток, влюбился как юноша. Понимая, что такой мезальянс вызовет неудовольствие французской знати, он, на всякий случай, во всеуслышание объявил, что ставит любовь выше династических предрассудков. Аристократии ничего не оставалось, как только скорчить недовольную мину. Вот теперь можно было и жениться...

В отличие от аристократии, жители Парижа встретили женитьбу

императора с восторгом. И эти восторги умело подогревались самой Евгенией. Она отказалась принять от городских властей свадебный подарок — бриллиантовое кольцо ценой в 600 тысяч франков, заявив:

«Вы сделаете меня гораздо счастливее, передав предназначенную сумму на благотворительные цели. Я не хочу, чтобы моя свадьба стала бременем для страны, которой я теперь принадлежу».

Венчание состоялось 30 января 1853 года в соборе Парижской Богоматери. Весь Париж высыпал на улицы поприветствовать новобрачных. Свадебное платье Евгении было сшито из белого бархата, корсаж расшит бриллиантами, сапфирами и украшен флер д'оранжем. А свои роскошные волосы золотистого цвета она украсила диадемой, которую императрица Жозефина надевала во время своей коронации.

Добившись вождеденной цели, Евгения, несмотря на свой южный темперамент, стала действовать расчетливо и тактично, понимая, что только любовными утехами стареющего мужа к себе не привяжешь. Она умело формировала образ монарха, всегда подчеркивая, что в первую очередь она подданная, а уже затем супруга, мать наследника и императрица. Демонстративно — на первых порах — не вмешиваясь в политику, она блистала в обществе, став законодательницей мод и вкусов.

А вкусом Евгения обладала изысканным. Разумеется, это не она изобрела кринолин, но именно бла-

годаря ей он оказался на вершине популярности. Также Евгения славилась любовью к большим шляпам, украшенным лентами, испанским кружевом и пармскими фиалками, которые вошли в моду и стали считаться эмблемой Луи Наполеона. Можно сказать, что эпоха Второй Империи вся пропахла фиалками и лавандой — любимыми запахами императрицы.

Француженки, да и не только они, пытались имитировать неповторимый цвет волос Евгении, но, сколько ни бились лучшие куаферы над смешиванием красок, желаемого оттенка достичь не удавалось. Ее авторитет в мире моды был неоспорим. Даже жительницы далекой Калифорнии внимательно следили за ее туалетами, читая модные журналы и пытаясь сшить себе такое же чайное платье, как у французской императрицы.

Евгения смогла создать самый великолепный двор Европы, уступал Париж в роскоши, быть может, только Петербургу. Именно при ней Париж был признан столицей Европы, а ее любимый модельер Фредерик Ворт стал диктовать моду всему миру. Славились блеском и роскошью незабываемые балы в Тюильри, хотя сама императрица больше любила привилегированные малые балы, называемые «понеделниками императрицы». На них приглашались только лично представленные императору или императрице лица, количество приглашенных было ограничено до 400–500. Этикет

и церемониал этих балов был менее строгим.

Евгения очень любила окружать себя красивыми людьми. Она могла увидеть на улице Парижа кра-

Именно Виктория посоветовала ей пригласить художника Франсуа Ксавье Винтерхальтера ко двору для написания портретов Евгении и ее придворных дам. Одна из са-

Вкусом Евгения обладала изысканным, и ее авторитет в мире моды был неоспорим. Даже жительницы далекой Калифорнии внимательно следили за ее туалетами, читая модные журналы и пытаясь сшить себе такое же «чайное» платье, как у императрицы. Она быстро стала символом империи и смогла создать самый великолепный двор Европы, а ее любимый модельер Фредерик Ворт диктовал моду всему миру

сивого юношу, а на следующий день счастливец принимался в лакеи. Это и понятно: венценосный супруг испанской красавицы не отличался привлекательной внешностью — маленький, с кривыми ногами, козлиной бородкой и мешками под глазами, выдававшими слабое здоровье.

16 июля 1856 года императрица родила наследника, принца Наполеона Луи Жана Жозефа. Роды были очень тяжелыми, врачам пришлось бороться за жизни матери и ребенка. После этого Евгения вряд ли могла иметь еще детей, хотя бесчисленные сплетни приписывали ей многочисленных внебрачных и даже добрачных незаконнорожденных детей, но никаких доказательств этому нет.

Она очень быстро подружилась с английской королевой Викторией.

мых известных работ Винтерхальтера — картина, на которой императрица изображена в окружении фрейлин.

Евгения без труда подчинила себе своего не слишком умного и самостоятельного флегматика-мужа. Сначала просто развлекалась в свое удовольствие и демонстрировала мужу почтение, стараясь оставаться на вторых ролях, но очень быстро вошла во вкус управления страной и постепенно стала забирать бразды правления из рук немолодого уже Наполеона.

Не прошло и шести лет, как она стала присутствовать на заседаниях кабинета министров, где позволяла себе поучать умудренных опытом политиков. Когда недостаток образования не позволял ей вникать в некоторые сферы политики и экономики, Евгения обращалась за по-

мощью к Мериме, который растолковывал ей многие вопросы.

Впрочем, став французской императрицей, она прекрасно умела сочетать с политической выгодой даже свои любовные увлечения. Ее любовниками были послы дружественных королевств, которыми, по обычаю тех лет, назначались самые красивые и умелые в любовной науке мужчины.

До конца жизни Евгения так и не научилась считаться с интересами государства и народа, а руководила страной так, как ей того хотелось в данный момент. Франция в то время была самым авторитетным государством в Европе, и Евгения, в какой-то мере, управляла ею, не представляя даже отдаленно последствий своих поступков. Она интриговала настолько хитро и умело, что ее побаивались послы даже самых могущественных государств.

В ее арсенал входил абсолютно беспроязвительный способ добиваться желаемого — она просто-напросто соблазняла какого-нибудь посла, и нужный ей экономический или политический результат, что называется, был у нее «в кармане».

А вот с Россией отношения у Францией не сложились: Евгения так и не смогла проникнуться симпатией к этой стране, вернее, не оценила выгоду от дружбы с ней. За спиной официальной французской дипломатии она умело ссорила Россию и Францию, доверительно нашептывая русскому послу всякие выдуманные гадости.

*Сын Евгении и Луи-Наполеона —
принц Наполеон Луи Жан Жозеф*

Масла в огонь подлила встреча русских и французских царствующих особ летом 1857 года в маленьком курортном городке Штутгарте, где поправляла здоровье после очередных родов русская императрица.

Незадолго до намеченной встречи Евгения прочла в перехваченном письме супруги Александра II Марии Федоровны весьма нелестные высказывания о себе. Та, урожденная принцесса Гессенская, писала, что считает неудобным для себя личную встречу с Евгенией, чья былая девическая репутация была далеко не безупречна.

Хотя встреча все же состоялась, Евгении не составило труда свести итоги политических переговоров на нет...

Как и многим женам других королей того времени, ей приходилось разделять со своим супругом не только славу, богатство и власть, но и смертельную опасность.

Первое покушение на Наполеона III совершил борец за свободу Италии Феличио Орсини. Это произошло в разгар зимнего театрального сезона 1858 года. Взрыв бомбы, предназначенной императору и его супруге, подъезжавших в коляске к «Гранд-опера», разнес всю театральную площадь и погубил жизни более полутора сотен человек. Евгения отделалась окровавленной щекой — острый осколок стекла поранил ей кожу. Но она хладнокровно отказалась вернуться домой и прослушала оперу, как ни в чем не бывало...

В то время Франция, как и в 1811 году, стояла на вершине могущества. Без одобрения французского императора не могло совершиться ни одно важное событие в политической жизни Европы. Судьбы мира вершились в Париже, и нити этих судеб все чаще держала в руках женщина, «прекрасная авантюристка», «роковая богиня Европы».

На отдыхе в Биаррице императрица познакомилась с неким Хосе Идальго, который отрекомендовался мексиканским эмигрантом. Он увлек романтическую императрицу рассказами о войне за свободу Мексики, и та уговорила Наполеона ввязаться в мексиканскую авантюру. Великобритания и Испания поддерживали интервенцию, но через год вывели свои войска, а вот Наполеон, по требованию жены, занял Мехико и посадил на престол в качестве мексиканского императора австрийского эрцгерцога Максимилиана.

Однако тут закончилась гражданская война в США, и американцы обратили свой взор на Мексику. По требованию Соединенных Штатов Наполеон вынужден был вывести свои войска, а несчастного Максимилиана расстреляли мексиканские повстанцы.

Затем честолюбивая Евгения подтолкнула супруга ввязаться в войну с Пруссией, которая завершилась поражением Франции. Оскорбленные и возмущенные французы восстали и потребовали отречения императора. Наполеон III не стал воз-

вращаться с театра войны в бунтующий Париж, а вот Евгении пришлось на себе испытать силу народного гнева.

«Французская история повторяется, — сказала она. — Но я не стану ждать, когда мне отрубят голову...» — и тайно бежала из дворца Тюильри в наемном фиакре, не взяв с собой ни

мецкий почетный плен был куда безопаснее революционного Парижа...

Остаток ее жизни прошел в бедности и забвении. А самый тяжелый удар судьба припасла напоследок. В Англо-Бурской войне 1 июня 1879 года в Африке в бою с зулусами, защищая интересы Британской империи, погиб ее обожаемый сын Лулу.

Последнего императора Франции похоронили в аббатстве Святого Михаила в Хемпшире в мавзолее, построенном для него супругой. Евгения пережила мужа на полвека, но это уже была жизнь изгнанницы, остаток которой прошел в бедности и забвении...

единого эю, преследуемая разъяренной толпой. Она бы и хотела собрать все самое ценное, но тут оказалось, что все ее драгоценности украдены последним любовником, имени которого история не сохранила.

Император оказался в немецком плену, а затем был вынужден эмигрировать в Англию, где скончался в январе 1873 года. Последнего императора Франции похоронили в аббатстве Святого Михаила в Хемпшире в мавзолее, построенном для него супругой. Евгения пережила мужа на полвека, но это уже была жизнь изгнанницы.

Бегство, опасности, бедность, обрушившиеся на французскую императрицу в одночасье, не испугали ее. Главное — она была свободна, единственный сын находился в полной безопасности в Англии, а муж... не-

По одной из версий, он погиб из-за лопнувшей подпруги седла, которую нищая мать купила ему в лавке старьевщика... А Евгения так надеялась, что французский народ одумается и призовет его править страной!

В день окончания Первой мировой войны при известии о поражении Германии уже бывшая императрица сказала:

«Я на коленях благодарю Господа, что дожила до этого дня!.. Он вознаградил меня за все... Теперь я могу умереть с поднятой головой, примирившись с Францией, которой нечем меня больше упрекнуть...»

Скончалась императрица Евгения Бонапарт 11 июля 1920 года. Ее похоронили рядом с мужем и сыном. В пятидесятые годы XIX века в ее честь был назван архипелаг в Японском море, а уже в наши дни — астероид. □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

(продолжение)

Через час езды окончательно развиднелось. Но, если еще вчера вечером угрюмые, свинцовые тучи лишь собирались, то теперь они сплошь затянули небосвод — ряд к ряду, — отчего он был похож на море с пологими, только начинающимися расходиться, ветровыми волнами. Невольно с грустью подумалось: «Хоть бы дождь, в самом деле, не полил! Иначе от влаги, которая быстро глубоко промочит почву, комбайны встанут... А копать-то осталось — всего ничего, — ох!..»

К своему бывшему дому Анатолий Петрович подъехал в половине девятого. Петр, поставил машину на «ручник», спросил:

— Вы надолго?..

— Сам не знаю! А в чем дело?..

— Да надо на полчаса отъехать по личному вопросу!

— Хорошо! Но минут пять подожди — вдруг дома никого нет! — И, выйдя из машины, Анатолий Петрович подошел к зеленой тесовой калитке, на которой появилась не висевшая раньше фанерка с надписью: «Осторожно! Злая собака! Звоните!» Нажал на кнопку — и тотчас в глубине двора раздалось сначала сердитое ворчание, а потом и грозный лай, быстро

перешедший в остервенелый, из-за которого не услышал, как на крыльцо вышла Зинаида, а вот ее тревожный вопрос: «Кто там?!», сказанный знакомым, когда-то таким родным голосом, резанул по душе — и, словно в тоске о недавнем прошлом, в голове вспыхнула мысль: «Да! Не так-то просто начисто забыть десять лет совместной жизни, надежд и разочарования...»

— Это я, Анатолий! — печально отозвался он.

— Подожди минуточку! Я только собаку закрою!..

Калитка распахнулась — и в проеме появилась Зинаида, одетая в наспех накинутый байковый теплый халатик и коричневые босоножки на низком каблуке. Прошедшее после развода время не изменило ее: те же густые, собранные на затылке в узел ржаные волосы, те же большие карие глаза и полные, никогда не знавшие помады губы, может, лишь во взгляде появилась какая-то горечь, что ли...

— Здравствуй! — первым поздоровался Анатолий Петрович.

— И тебе не хворать! — в ответ поприветствовала Зинаида.

И, окинув своего бывшего мужа заинтересованным, оценочным взглядом, резко повернувшись, быстро поднялась на крыльцо, вошла в дом. Анатолию Петровичу ничего не оставалось, как только покорно следовать за ней. В прихожей он снял с себя по сезону сшитую из брезентовой, плотной ткани куртку и, пройдя на кухню, уже без приглашения, словно на правах старого хозяина, сел на стоявшую у стола крашеную белую табуретку, вопросительно посмотрел на Зинаиду. Она, словно ее внезапно охватила морозная дрожь, плотней затянула халатик, глубоко вздохнув, нервно промолвила:

— Наверное, думал, что больше никогда не встретимся, а оно вон как вышло — я тебе сама позвонила!..

— Знаешь, жизнь такая непредсказуемая, никогда и ни в коей мере не угадаешь, что тебя может ожидать даже в самом ближайшем будущем... Всякое может случиться! Только, если тебя это не очень затруднит, — давай все-таки без лишних, да и не нужных предисловий сразу перейдем к сути твоего приглашения. Хорошо?

— Не возражаю! Тем более что разговор будет касаться тебя!

— Даже так?!

— Представь себе... На днях меня навестил некто Зайцев, по крайней мере, при знакомстве важно отрекомендовался как следователь по особо важным делам республиканской прокуратуры.

— Извини, что перебиваю! — сказал Анатолий Петрович. — Но позволь задать тебе прямой вопрос: с какой такой целью столь важный человек,

да еще при исполнении своих суровых служебных обязанностей, к тебе вдруг пожаловал, причем, аж домой?!

— С одной — узнать, когда мы с тобой жили, приносил ли ты кроме зарплаты еще какие-нибудь деньги! — ответила Зинаида и на некоторое время замолчала, испытующе глядя на бывшего, но не забытого мужа! Но он почему-то хранил молчание — и тогда она вновь, только чуть ли не вызывающе, заговорила: — Естественно, я его догадки не подтвердила. И, как мне показалось, этим немало расстроила...

— А как ты это поняла?!

— Да очень просто! Не получив нужного ответа, он бесцеремонно стал склонять меня к написанию на тебя, откровенно говоря, лживого доноса! А когда я возмутилась, то ехидно-злобно заявил, что в своей служебной практике первый раз встречает брошенную женщину, которая отказывается поквитаться с коварным обидчиком! Но, поскольку я ушла во враждебное, по отношению к нему, молчание, он, даже не попрощавшись, ушел! Вот наглец, из чьих слов, можно только догадываться, скольким людям он сломал жизнь, используя подлые методы для успешного продвижения по карьерной лестнице! Ненавижу таких!

Анатолий Петрович, выслушав Зинаиду, с жалостью подумал: «А ведь она действительно продолжает меня любить. Более того — надеется, как на чудо, на мое возвращение! Надо же, как жизнь завязала ее душу на мне покрепче всякого морского узла!..» И он даже хотел спросить ее, не намекал ли Зайцев ей, пусть не так откровенно, как Эльзе, но все же на похотливую близость? Потом поймал себя на мысли: «А мне-то теперь какое может быть дело до ставшего давно чужим тела? Да, впрочем, и души тоже». Устало вздохнув, он лишь сказал:

— Зинаида, спасибо тебе за глубокую порядочность и, несмотря на нанесенную мной тебе и в самом деле обиду, честность! Ты даже представить не можешь, как мне помогла!

— Ну, ты и сказал! Это чем же я таким важным помогла, что заслужила твою благодарность, не скажешь?

Словно не расслышав последнее слово, Анатолий Петрович снова, тронутый до глубины души ее добрым отношением к нему, негромко, на самом выдохе промолвил, едва удержавшись от того, чтобы не взять Зинаиду за руку и крепко ее не пожать:

— Если я говорю тебе — помогла, значит — помогла! И, накрепко знай, что я в долгу перед тобой при любом жизненном раскладе не останусь!.. Думаю, говорить мне, с кем ты прожила столько лет вместе, о твердости данного мной слова, излишне! — и, считая разговор о приходе следователя законченным, тихим голосом, не без грусти, смешанной с отцовской любовью, спросил: — А Игорь, сын, где? В школе?

— В ней, родимой! — ответила Зинаида. — Где ж ему еще в начале учебного года быть! — и замолчала, опустив к полу глаза, на которые навернулись слезы. Однако через минуту, показавшуюся Анатолию Петровичу томительным часом, вдруг ставшим печальным голосом продолжила: — Знаешь, даже и не знаю, что с Игорем делать — совсем от рук отбился, неделя не проходит, чтобы в школу к директору не вызывали; то из-за плохого поведения, то из-за неуспеваемости!.. Вырастет без мужского строгого догляда балбесом!

И снова замолчала, на этот раз как-то задумчиво, так глубоко уйдя в себя, что Анатолий Петрович растеряно спросил:

— Что-то еще более неприятное сын натворил?

— Слава богу, нет! Просто я подумала: не взял бы ты его хотя бы на год к себе, слышала, ты женился на какой-то молодой особе! Думаю, как женщина она бы нас с тобой поняла.

— А что, Зинаида, дело говоришь! Вот, как только закончится уборочная, так я сына в поселок заберу! Там школа не хуже городской, да и преподаватели в основном остались те, у которых я уму-разуму набирался, к Игорю не без души отнесутся! — и посмотрел на свои наручные часы: — О, время-то как бежит! Идти мне надо! Еще раз искренне благодарю тебя! И очень прошу, не провожай!..

Но, когда Анатолий Петрович уже взялся за дверную ручку, Зинаида, не поднимая глаз, почти крикнула:

— Подожди!.. — и, исподлобья бросив на бывшего мужа исполненный тоски, окончательно прощальный взгляд, без вызова, скорей, как бы прося прощения, промолвила: — А я замуж решила выйти!

— Давно пора! Может, хоть с другим будешь счастлива!.. — услышала в ответ — и, едва дверь стукнула о притвор колоды, из ее опечаленных глаз выкатились слезы то ли облегчения, то ли все никак не отпускающего душу страдания по любви своей.

Выслушав Зинаиду и сказав ей на прощание, что торопится, Анатолий Петрович не лгал. Мысленно он уже понял: Зайцев так и не нашел прямых доказательств его вины. И, горя желанием посадить его, как-никак — директора совхоза, даже готов был пуститься, в общем-то, на должностное преступление. А раз так, то и нечего ждать следовательского вызова, — надо самому, не откладывая, тем более, — находясь в городе, свалиться Зайцеву как снег на голову, чтобы он принял окончательное решение!.. А то, что оно именно сегодня пойдет вразрез с его корыстным желанием, сомнений уже вообще не оставалось!

Петр уже вернулся. Анатолий Петрович, прежде чем сесть в машину, внимательно, с тревогой посмотрел на серый небосвод, — он стал еще

мрачнее, еще плотнее затянут свинцовыми, беременными дождем тучами. Ему даже показалось, что несколько капель упали на разгоряченные разговором щеки, едва заметно холодя их... На самом деле — просто воздух стал чрезмерно влажным... Поняв это, Анатолий Петрович мысленно облегченно сказал: «Вот и ладно!..» И уже сидя в салоне, решительно дал указание водителю ехать в милицию, внутренне настраиваясь на непростой разговор-допрос с Зайцевым. Но его — вот невезение! — в это утро не оказалось на месте — он оказывается, со слов дежурного офицера, — вот уже два дня, как работает с ревизионной комиссией на выезде в одной из организаций города, у себя в кабинете будет только не раньше завтрашнего утра.

Но желание в этот приезд поставить точку в непонятно как возникшей переплате, было столь велико, что Анатолий Петрович решил не солоно хлебавши не возвращаться. Только надо было звонком предупредить Марию о своей задержке с ночевкой, а то она не дай бог что подумает!.. Тем более — он не сомневался, что от секретарши, у которой язык, как говорится, без костей, ей уже известно о причине его столь внезапного отъезда в город. Звонить от дежурного не хотелось, да и было не положено, поэтому он, вспомнив о своем товарище юности, поднялся на второй этаж и, постучав в обитую черным дерматином дверь, на которой висела табличка с надписью: «Старший участковый», вошел в кабинет. Тотчас быстро, как по строгой команде, из-за стола встал и шагнул к нему навстречу Геннадий Иванович Егоров, а для друзей просто Гена, тот самый, который в школе учился «через пень колоду», в шестом классе даже был педсоветом оставлен на второй год, и все же с грехом пополам закончил десятилетку.

А поскольку почему-то так и не решил, какую профессию приобрести в учебном заведении, устроился в совхозе молотобойцем, но буквально через неделю кузнец, мужчина с крутым характером, за систематическое нарушение трудовой дисциплины отказался от него. Бригадир отделения, молодая женщина, агроном по образованию, белокурая, со спортивной фигурой и начальственной стрункой, объявила Геннадию устный выговор и, предупредив, что в следующий раз за халатное отношение к труду он будет в обязательном порядке уволен, назначила его рабочим на полив. Но и здесь, работая в ночную смену, он, вместо того чтобы устраивать земляные перешейки на водяном канале, забравшись в укромное место, уснул. В результате капуста осталась не политой, а охочий до сна недо-росль — без работы.

Больше месяца, пока отец не уговорил директора школы взять сына хотя бы сторожем, он сидел дома, как говорится, баклуши бил. Казалось, уж в этот-то раз надо было бы призвать себе же в помощь всю свою муж-

скую ответственность, но не тут-то было! Геннадий додумался устроить из школьных классов комнаты свиданий для поселковых влюбленных парочек! Однако вскоре отцом же и был разоблачен... Поскольку из-за слабого зрения сын оказался непригодным к военной службе, то он, понимая, что только в ежовых рукавицах отпрыска и можно удержать, устроил его в районный отдел милиции рядовым сотрудником. Неизвестно, какая в небе звезда зажглась или, наоборот, отгорела, только Геннадия будто подменили! Он буквально через год как примерный сотрудник, подающий очень даже большие надежды, был направлен в школу милиции, которую успешно окончил — и с лейтенантскими звездочками на погонах вернулся для продолжения дальнейшей службы в родной райотдел.

И вот теперь он, в солидном звании капитана, тридцати трех лет от роду, среднего роста, широкоплечий, с прыщеватым лицом, в черных очках, с жирными, зачесанными набок темными, жирными волосами, порывисто обнял своего самого верного товарища юности. Потом, отступив на полшага, но продолжая держать его вытянутыми, крепкими руками за плечи, широко расплываясь в добродушной улыбке, воскликнул:

— Анатолий, черт! Да мы с тобой сто лет не виделись!

— Нет, больше — двести! — пошутил Анатолий Петрович.

— Вот-вот! А, говорят, был, но не заглянул! — и как-то сразу посуровев, с тревожным сочувствием, знаяще спросил: — Или Зайцев так прижал, что не до меня было?!

— Нет, пока только пробует сделать это!.. Но в желании — защелкнуть на моих директорских руках наручники ему не откажешь!

— Он такой — всех бы пересади! По людским судьбам нещадно прет, словно бульдозер по мелколесью! Будь с ним осторожен!

— Это уж как получится! Сам не хуже меня знаешь, что зарекаться от сумы да тюрьмы — дело ну совсем зряшное!

— И все-таки!..

— Ладно, Гена, не будем опилки пилить!.. Мне надо в совхоз жене позвонить! Своим аппаратом разрешишь попользоваться?

— Еще спрашиваешь! Телефонируй, сколько хочешь, и не забудь Марии от меня привет передать. — И, закрывая сейф на ключ, продолжил: — А я пока по службе к начальнику отделения зайду, а то со вчерашнего дня ему на глаза не показывался... Вознегодует еще!..

Анатолий Петрович, не дожидаясь пока останется один, набрал нужный номер, в трубке пошли длинные гудки. На самом излете их, наконец, прозвучал голос главного агронома:

— Алло! Алло! Говорите, я вас слушаю!

— Виктория Николаевна, привет!

— Здравствуйте! Анатолий Петрович, что вам угодно?..

— Звоню, чтобы спросить: как идет уборка?

— Нормально! Если дождь, который что-то уж больно всерьез собирается, все же не пойдет, завтра к вечеру, а нет, так послезавтра точно, во всех отделениях копку картофеля закончим!

— Ничего не скажешь, порадовала ты меня! А Мария далеко?..

— Рядом, только что вернулась с сортировки!

— Трубочку передай ей!

И тревожно сжался душой, как в ожидании неприятности, но едва услышал родной голос жены, тотчас почувствовал прилив нежности, словно находился с Марией в долгой разлуке, и, торопясь, как будто мог почему-то не успеть сказать самого главного, заговорил:

— Радость моя, хочу предупредить тебя: у меня ситуация в городе сложилась таким образом, что я вынужден здесь заночевать! Но завтра к вечеру, слово даю, как штык буду дома!

— Я все поняла! Поступай по своему усмотрению! — сказала Мария то ли с осуждением, то ли с сожалением.

У Анатолия Петровича захолонуло сердце. И он чуть ли не отчаянно, словно жена была не за сто с лишним километров, а только за плотной дверью, со всей силой легких выдохнул:

— Извини, но ты не о том подумала... Да, я был у Зинаиды, но исключительно по важному для меня, нет, для нас обоих с тобой делу! Вернусь — все объясню! Верь мне! Целую! Люблю!

— Пока! — И в трубке повисла гнетущая, почти кричащая, жаркая тишина!..

В эту самую минуту вернулся Геннадий и, увидев, расстроенное, как бы враз осунувшееся лицо друга, стараясь тотчас поддержать его, полушутливо продекламировал:

— Что так, молодец, не весел, аж головушку повесил?.. — И уже вполне серьезно спросил: — Что-нибудь с Марией стряслось? Или на работе?

— Не волнуйся, у меня все хорошо!.. — ответил Анатолий Петрович, на секунду замолчал, а потом не без иронии добавил: — Когда-нибудь будет!.. Только вот заночевать придется!

— Ну и отлично! Мой диван в гостиной, как в нашей с тобой молодости, всегда в твоём распоряжении! А, впрочем, есть предложение!

— И какое же? — спросил Анатолий Петрович, которого порадовала отзывчивость друга.

— Закатиться к моим знакомым девочкам!..

— Егоров, дорогой! Ну, ты и даешь! Предлагаешь мне, женатому человеку, занимающему ответственную должность, такие вещи, словно,

уже став капитаном и в надежде скоро получить вместо четырех маленьких звездочек на погоне, одну, зато большую, — майорскую, остаешься по отношению к женщинам обыкновенным рядовым!..

— Как это?!

— Очень просто!.. Настоящий мужик, выбрав себе даму сердца, должен служить ей преданно, с честью! В своей любви подниматься и подниматься вверх к такому счастью, когда двое — он и она! — становятся, в радости и в горе, одним духовно целым, а не скатываться по наклонной вниз в жалкие интрижки, пусть и с красивыми, страсть как соблазнительными молодыми особами! Потом — ты же знаешь, что я — максималист, причем, полный! Значит, — имея лебедушку, а Мария для меня именно такой является, я не погонюсь за синичкой! Если думаешь иначе, чем я, то, поверь, у вас с Анной будущего нет!

— Тоже мне пророк нашелся!.. — выслушав друга, несколько нервозно сказал Геннадий. — А меня так и подмывает все больше жить в полном соответствии с совсем даже не глупой поговоркой: «Нет такого мужчины, которой не знал бы чужой женщины...»

— Ну и дурак!.. До вечера!

— А ты куда сейчас едешь?

— В больницу, брата проведать!

— Кстати, как он?

— Очень плох! — дрогнувшим голосом сказал Анатолий Петрович и, резко повернувшись, быстро направился к двери, боясь, что при продолжении разговора проявит слабость...

Но Геннадий, тотчас по короткому, словно выстрел, ответу друга поняв болезненность своего вопроса, лишь взглядом, исполненным глубокого сочувствия, посмотрел ему вслед.

Николаю, как и говорил врач в первую встречу с Анатолием Петровичем, после временного облегчения, вдруг резко стало хуже... Проклятые раковые метастазы, вращая своими безжалостными щупальцами в организм, причиняли такую адскую боль, что даже уколы, которые теперь уже делали больному через каждые три, а то и два часа, лишь притупляли ее. Это хоть и позволяло на час-другой забыться тревожным полусном, но не давало никакой возможности измученному организму отдохнуть — и Николай, вконец обессиливая, с каждым днем неумолимо угасал... Когда-то голубые, большие, светящиеся радостью жизни, глаза, словно краска на солнце, выцвели, — стали мутно-белыми, в зрачках начисто пропали последние искры. Тело настолько высохло, как бы сжалось, что походило на самый настоящий скелет, даже голос, словно от долгого, громкого разговора, сел, стал хриплым. Да Николай уже почти и не говорил — больше

молча лежал с закрытыми глазами, отвернувшись к казенной палатной стене с панелями, почему-то покрашенными не в больничный белый, а в синий цвет, как будто он, отрешаясь от этого мира, мысленно готовился к переходу в другой.

Последний раз, когда Анатолий Петрович навещал брата, его состояние настолько удручающе сказалось на душе, что во время возвращения в вечерних сумерках из больницы, ему показалось: огромное темно-синее небо словно враз опустилось аж до самых сопок — и они, эти природные великаны, опирающиеся на мощные, гранитные скалы, которые от удара шаровой молнии долго исходили над округой широко волновым, наряженным, вибрирующим, словно играющим на воздушных струях-струнах, протяжным гулом, — дрогнули, пригнулись, будто под непосильной, ох, какой же тяжелой ношей... И как бы красиво и приветливо еще ни догорал закат, вкусно облизывая небесный окаем языкастыми красно-золотыми отблесками, как бы ярко уже ни вспыхивали серебристыми точками первые звезды — ничего не могло развеять нависшие в мозгу свинцовыми тучами мрачные думы.

И вдруг, скорей всего, от сознания, что чудес со здоровьем брата, увы, не случится, перед глазами, одна за другой, как на телевизионном экране, стали загораться невыносимо горькие, такие страшные строчки, будто Николай уже перешел в самом деле в мир иной, причем давно: «В тридцать лет он был уже старик,/ так его нещадно жизнь ломала./ Как герою популярных книг,/ дней ему для дела не хватало./ Нынче в небесах его душа/ и глядит приветливо оттуда,/ правый суд по-доброму верша,/ веря в справедливость, даже в чудо./ Пой, весна, на поворотах рек,/ плеткой ливня битая по коже, —/ на земле остался человек,/ на отца до мелочи похожий./ В облака уходит птичий клин, —/ это почта в небо полетела:/ пусть отец узнает, что и сын/ ни секунды не сидит без дела...»

Однако теперь по дороге к брату Анатолию Петровичу, еще не отошедшему от разговора с Геннадием, вдруг вспомнился один, из ранней молодости, эпизод, на первый взгляд — вроде ничего серьезного не значащий, но, тем не менее, заслуживающий некоторого внимания. И вот почему. Как-то поздней весной перед самым закрытием зимника, пробиваемого по Лене каждый год через ледяные, замерзшие торчком, словно вскинутые в небо, частые торосы и метровый, сильно слежавшийся, будто утрамбованный, снег, он по неотложным делам приехал в город. На ночлег решил остановиться у друга юности Егорова, в то время еще холостого, занимавшего комнату в двухэтажном, довольно большом здании милицейского общежития.

Вечером, закончив все дневные дела, друзья радостно встретились, и в беседе о личной жизни каждый из них поведал о своем наболевшем

или о событиях, по какой-то, пусть и несерьезной причине, но все же отражавшихся на ходе текущей жизни. Из рассказа Геннадия Анатолий узнал, что его друг каждое свое дежурство в опорном пункте звонил родителям, чтобы справиться об их здоровье и поведать о своих милицейских, да и просто житейских делах. Поскольку тогда связаться из города с поселком можно было только через центральный телефонный узел, где в основном операторами работали женщины, то у него чисто случайно состоялось заочное знакомство с одной из них, по имени Анна, очень молодой особой. В этот вечер она как раз работала. И Геннадий вдруг предложил поговорить со своей новой знакомой и другу юности, но не просто от нечего делать, а для того, чтобы после теплых, но, в общем-то, ни к чему не обязывающих бесед все же предложить девушке назначить свидание с тем парнем, голос которого ей больше понравится. И он, шутки ради, согласился.

Однако в этот раз женский интерес, как на цыганских картах, выпал не ему. А мог! И тогда... Тогда — нет, лучше об этом не думать! — ведь он, скорее всего, не встретил бы Марию, не назвал бы ее своей женой. Как будто, пройдя через ледяной мрак, в котором птицы, как бы стремительно ни летели, прямо в воздухе замерзали намертво — и камнем падали в жесткий, как наждак, глубокий снег, он, наконец, вышел к лучезарному, жизнеутверждающему свету, от которого стало на душе так тепло, даже жарко, что порой хоть пой! А то, что она, его ненаглядная половинка, как тонкая ветка на шальном ветру, духовно надломилась, совсем не причина для угрызения совести, вплоть до расставания, ведь в том, что ее сила вдруг обернулась слабостью, повинен он, значит ему — и никому другому! — надо, во что бы то ни стало, помочь ей.

28

Подойдя назавтра в самом начале рабочего дня к зданию районного отдела милиции, Анатолий Петрович еще раз не столько тревожно, сколько умоляюще-просительно, словно обращался к Богу за пониманием, посмотрел на свинцовое небо... Да иначе и быть не могло, поскольку, как ни одолевали беспокойные думы о встрече с Зайцевым, другие — твердые, деловые — были исполнены заботой об уборке урожая. Пусть дождь так и не полил, но тучи за ночь стали намного грузнее и мрачнее, чем были вчера. Это говорило, что в любой момент они могли зараз пролиться на землю обильными водяными потоками или, по крайней мере, засеять частыми, мелкими, словно пропущенными через сито, прохладными каплями, из-за почти

полного безветрия способными обратиться в обложной, значит — долго не проходящий дождь.

Но сколько бы времени ни оставалось копки картофеля — на день или даже на полдня, — продолжить ее дальше будет ох как непросто! Хотя бы потому, что люди, уставшие за тяжелую, не менее чем десятичасовую ежедневную работу без выходных, пережидая непогоду, от безделья еще больше притомятся — и для того, чтобы вдохновить их на самоотверженный труд по новой, уйдет немало времени и административных сил. Вот и может запросто получиться так, что, еще не убрав картофель, придется уже приступить к рубке капусты! А какими рабочими силами — еще надо будет хорошо подумать... Тяжело вздохнув, словно ныряя в холодный речной омут, Анатолий Петрович все же вошел в здание районного отделения милиции не с опушенной головой.

Но удачно — Зайцев, как и говорил вчера дежурный, оказался на месте — в том же самом тесном кабинете, с теми же грязными, с серыми подтеками стеклами единственного окна и сидящим за тем же обшарпанным столом. А вот одет он был гораздо теплее: в пиджак коричневого цвета поверх хлопковой рубашки, манжеты которой выглядывали из просторных рукавов, и в шерстяные черные брюки. Справа от дверей на вешалке с тремя металлическими крюками, прикрепленной к давно не беленой стене, висел брезентовый, форменный синий дождевик и такого же цвета шляпа, не полученная по служебному положению, а купленная в вещевом магазине на личные следовательские деньги.

Неожиданное появление Анатолия Петровича, да еще без стука, Зайцева нисколько не смутило. Он лишь, профессионально быстро переключаясь с какой-то служебной мысли, секунду-другую вопросительно посмотрел на него — да и воскликнул:

— А, молодой, подающий большие надежды директор!.. Теперь-то я о вас в полной мере наслышан!.. И первым поздоровался. Услышав в ответ бодрое приветствие, как-то озадаченно посмотрел в глаза подозреваемому, но спокойно, даже слишком, пригласил: — А вы не стойте, присаживайтесь поудобней на уже знакомый вам диванчик. В ногах, говорят, правды нет. Между прочим, я на завтрашнее утро планировал вас вызывать, но раз сами приехали, то мне и хлопот меньше!

И замолчал... Ему явно надо было собраться с мыслями, чтобы как можно тверже начать допрос. Наконец он вынул из папки какой-то документ, отпечатанный на одном листе и, решительно протянув его Анатолию Петровичу, строго, даже сурово спросил:

— Это калькуляцию кто составлял?!

Анатолий Петрович взял документ, внимательно ознакомился с ним и, вместо того чтобы обстоятельно ответить, спросил:

— А разве та же Эльза вам ничего не говорила?

— Я же предупреждал вас, что в этом кабинете вопросы задаю я!

— Извините! И все же?!

— Вот какой упертый! — сказал Зайцев, но решил-таки сделать как бы одолжение. — Допустим, было такое дело! Но мне важно услышать именно от вас природу возникновения калькуляции, поскольку, буду откровенным до конца, непосредственно от верности ответа в полной мере зависит, выйдете вы сегодня из этого здания милиции или нет!

По следовательским сузившимся, как у хищного зверя, готовящегося к смертельному прыжку, глазам было видно, что их обладатель и не думал шутить, поскольку из допросов всех подписавших калькуляцию ответственных сотрудников «Сельхозхимии» у него буквально вчера образовалась уверенность, что их бывший председатель самолично и составил ее. Анатолию Петровичу, хотя он и почувствовал, из чего черпает силу Зайцев, от его угрозы стало настолько не по себе, как будто на него в самом деле пахнуло сырым, тяжелым, как свинец, воздухом тюремной камеры. Но, в свою очередь, и в нем сполна заговорило природное свойство в самый тяжелый, судьбоносный период времени духовно собираться в стальной кулак. И, словно напрочь забыв о грозивших ему последствиях, он снова не ответил, а, стараясь казаться предельно спокойным, сказал:

— Заранее прошу извинить меня, но я все-таки хотел бы узнать, какое отношение калькуляция имеет к переплате?!

— Спрашиваете, какое?! — начал Зайцев, словно страстный охотник, в силках которого окончательно запуталась добыча. — Да самое прямое! Но чтобы не быть обвиненным в голословности, даю вам прочитать заключение комиссии со всеми необходимыми и — что главное! — неоспоримыми расчетами. Пожалуйста!..

Анатолий Петрович медленно, чуть ли не по слогам, прочитал документ аж за пятью авторитетными подписями — и ахнул! Дело в том, что калькуляцией была предусмотрена подноска щелевых блоков в среднем на расстояние четырех метров, а при кладке стен гаража она составила только три! Разница в один метр в пересчете на деньги и составила восемьсот переплаченных рублей! Но поражало не это, а то, что за несколько лет работы, сначала мастером, потом прорабом, у него так и не нашлось времени пересчитать ее! А, как говорится, сколько веревочке ни виться — конец будет... И он, в самом деле, наступил... Увидев по лицу Анатолия Петровича, что тот при дотошном ознакомлении с заключением все больше и больше сдвигал брови, словно окончательно приходил в замешательство, Зайцев с ехидцей спросил:

— Ну а теперь что скажете?! Или все-таки признаете свою вину?!

— Конечно, нет!

— Как так! — воскликнул следователь, но тотчас понизил голос: — Ладно, допустим... Но тогда потрудитесь обосновать свое заявление!

— Да без проблем! Эта калькуляция — не моих рук дело! Она, как я смею предполагать, была составлена в производственном отделе городского строительного-монтажного управления. По крайней мере, копию ее мне передал когда-то работавший там старшим прорабом Виктор Дмитриевич Дурасов. А я, в связи с отсутствием в штате «Сельхозхимии» строительного специалиста, лишь дал указание главному инженеру перепечатать ее и утвердить! Что и было в точности сделано!

Тут пришла очередь и Зайцеву одновременно недовольно и разочарованно хмурить свои черные, но редкие, словно на совесть прополотые капустные грядки, брови, а когда Анатолий Петрович замолчал, то и встать из-за стола, сомкнув в кольцо руки за спиной, несколько раз в глубокой задумчивости пройтись взад-вперед по кабинету. Наконец он остановился перед Анатолием Петровичем и, уже понимая, что доказательная база, выстроенная против него, рвется буквально по всем швам, зачем-то, хотя уже и с грустью, спросил:

— Значит, вы лично калькуляцию не составляли?

— А разве из моего рассказа это непонятно? — услышал в ответ даже не вставшего перед ним подследственного.

— В общем-то, да! Но чем вы можете подтвердить сказанное?!

— А тут и подтверждать нечего! Для того чтобы убедиться в моей порядочности, достаточно сравнить копию с оригиналом!.. До строительного управления рукой подать! Разрешите, — машина моя у крыльца стоит, — я в десять минут обернусь!

— Нет, вы уж посидите! Сделаем иначе! — сказал Зайцев и, выглянув в коридор, крикнул: — Дежурный, зайдите ко мне!

Когда тот зашел, он назвал ему номер калькуляции, строго попросил кого-нибудь из толковых милиционеров отправить в строительное управление снять с подлинника еще одну копию и, необходимым образом заверив, привезти ему, причем как можно скорее. Дежурный, отдав честь, отчеканил: «Слушаюсь! Будет исполнено!» — и вышел, осторожно затворив за собой дверь, как бы выражая этим уважение к высокому, республиканского уровня, представителю прокуратуры.

О чем-нибудь говорить до его возвращения не имело смысла — и Анатолий Петрович попросил Зайцева быть столь любезным, чтобы дать ему возможность ознакомиться с полным актом по всем строительным работам гаража на начало комиссионной проверки. То ли от предчувствия, что перед ним сидит человек, которого, с какой стороны к нему ни подходи,

никак не запишешь в уголовно виноватые, то ли слишком уж уважительно была высказана просьба, но следователь, бросив скучный взгляд на папку с ревизионным актом, протянул ее Анатолию Петровичу. Тот нарочито медленно открыл ее — пухлую, не менее в пятьсот страниц, — и с головой погрузился в дотошное изучение всех подряд документов. И, как вскоре оказалось, совсем не зря! В самом конце большого раздела «Строительные работы» в качестве точных выводов из расчетов-подсчетов комиссии он, не веря своим глазам, удивленно прочитал, а потом — еще и еще, пока окончательно не убедился, что общая экономия при кладке стен, за минусом этой чертовой — будь она неладна! — переплаты, составила одна тысяча двести пятьдесят шесть рублей и девяносто семь копеек! По тем времена сумма совсем не маленькая.

И словно гора свалилась с плеч! Облегченно вздохнув, Анатолий Петрович в упор заявил Зайцеву:

— Что же это вы, уважаемый следователь, мне голову морочите, отрываете меня, директора совхоза, в столь важную уборочную кампанию, без преувеличения являющуюся венцом всех летних сельскохозяйственных работ, от важных государственных дел, — когда при кладке стен гаража строители не только уложились в предусмотренные сметой расходы, но и даже значительно уменьшили их! То есть тем самым позволили сэкономить, а не растратить народные деньги!

— Подождите! Подождите! — Зайцев не дал договорить до конца молодому директору, — Из ваших слов выходит, что руководству «Сельхозхимии» еще надо и премию выплатить! Так что ли?

— Если быть сполна честным и справедливым, то на вашем месте я лично так бы и сделал, — написав соответствующее представление министру сельского хозяйства республики!

— Ну, Анатолий Петрович, вы и даете!.. Во-первых, это в мои функции не входит! Во-вторых, еще неизвестно, какую копию калькуляции привезет наш сотрудник, а, в-третьих, факт переплаты перемещения целевых блоков вы и сами не отрицаете! Чтоб по этому вопросу принять окончательное решение, осталось выяснить: он возник ошибочно или преднамеренно! Так что давайте не будем впустую, так сказать, до окончательного боя, копыя ломать, наберемся терпения — дождемся приезда сотрудника... Думаю, он уже скоро подъедет!

— Пусть будет по-вашему, — смиряя пыл, с трудом согласился Анатолий Петрович. — Только я еще раз должен заявить, что лично у меня никакой заинтересованности в наживе за счет государства никогда не было, нет и, уверен, не будет, какую бы нужду в деньгах я, впрочем, как и все люди, не исключая и вас, порой ни испытывал!

Замолчав, он зачем-то устремил глаза в потолок — и впервые увидел, что тот в самом центре — в коричнево-желтых разводах, следах аварии на втором этаже какой-нибудь отопительной батареи или разрыва шланга, по которому вода подается к унитазу. От этого кабинет показался ему еще мрачнее, еще заброшенной. Невольно подумалось: «Ладно — Зайцев, как говорится, прилетел — улетел, но сотрудники милиции, работающие в этом помещении постоянно, как могут в таких неприглядных, неряшливых условиях работать? Хорошо — пусть и им на порядок наплевать!.. Но ведь они посетителей принимают, работают с ними... Не уважают сами себя... Впрочем, как известно, рыба с головы гниет! Видать, начальник районного отдела один из тех липовых хозяев, о ком обычно презрительно говорят: «Вот человек — ни своровать, ни покараулить!..»

Стоп!.. Стоп!.. А откуда хорошим руководителям взяться, если, к примеру, директора леспромхоза, уважаемого в районе человека, о честности и принципиальности которого я лично, пройдя при нем трудовой путь от плотника до старшего производителя строительных работ, знаю не понаслышке, арестовали без предварительного рассмотрения якобы имеющихся финансовых нарушений. А разве я сам, движимый высоким желанием послужить родному государству на пределе своих возможностей, как говорится, не жалея живота своего, от его же имени справедливо подозреваюсь в совершении уголовно наказуемого деяния?! Конечно, нет! И думать обо всем этом больно, понимать страшно, поскольку, в конце концов, с таким отношением к делу, к людям путь один — в смуту!.. Не приведи боже, ибо, как свидетельствует вся история страны, нет ничего ужасней русского бунта!.. Страшного и беспощадного!»

Между тем минуты — одна за другой, как речные волны, подгоняемые вольным вешним ветром, бежали и бежали! А сотрудника, посланного в строительное управление, все не было и не было. Анатолий Петрович нервно посмотрел на часы — они показывали обеденное время — и, вскинув голову, обратился к делавшему вид, что с головой ушел в какие-то уж очень важные следственные документы, Зайцеву:

— Извините! Но, как говорится, война войной, а обед — по расписанию! Тем более что у меня кишечник слабый... Ваш порученец куда-то запропал — и неизвестно, когда прибудет! Поэтому, если мне не доверяете, или вместе пойдемте в столовую — она буквально через дорогу! — или дайте мне конвой, что ли!

— Не положено!

— Что именно?!

— Конвой! Поскольку вы еще не арестованы!

— В таком случае — и не положено меня задерживать! Так что я пошел... Ровно в два часа, как штык, буду!

Анатолий Петрович, провожаемый недовольным взглядом Зайцева, сознававшего свое бессилие, вышел из кабинета. Столовая, в которую он направился, находилась в одноэтажном каменном здании, гладко поштукатуренном и покрашенном в белый цвет. Имело двухскатную, крытую железными листами кровлю и высокое деревянное крыльцо с шиферным навесом. Высокие, но узковатые окна выходили на улицу, и было видно, что за столиками уже обедало довольно много народу. Из всех городских пищевых заведений эта столовая была знакома Анатолию Петровичу еще с тех лет, когда он, учась в школе механизации, жил в общежитии, находившемся в пятидесяти шагах, и была облюбована им за почти домашнюю кухню. Здесь можно было взять на первое не только украинский борщ или солянку, но даже и сибирские пельмени. А на второе — самые настоящие отбивные, как из свинины, так и из говядины. Свежесваренный, с ароматным дымком — горячий чай можно было пить, с удовольствием поглощая вкусную сдобную булочку, масляно блестящую запеченной корочкой. Но в этот раз Анатолий Петрович, чтобы быстро утолить голод, взял лишь готовую парную котлету с картофельным пюре и стакан густого томатного сока.

Сел за свободный, стоящий в самом углу зала столик со столешницей, покрытой пластиком, и приступил к еде. За все время обеда никто из посетителей к нему так и не подсел — и Анатолий Петрович был очень рад этому, ибо ну совсем не хотелось, чтобы хоть кто-то нарушил и без того неровное течение его мыслей о ходе уборки картофеля, ибо долго собиравшийся дождь, — вот печаль какая! — все-таки пошел — сначала одиночными каплями стал стекать по оконным стеклам, потом, набрав силу, монотонно забарабанил...

Едва Анатолий Петрович, как и обещал, ровно в два часа, войдя в кабинет, затворил за собой дверь, Зайцев встал из-за стола и, бросив удрученный взгляд на наконец-то привезенную копию с подлинника злосчастной калькуляции, не то чтобы примиряюще, но без сурового нажима сказал:

— Знаете, а мне, только что убедившемуся в правдивости вашего заявления, и в самом деле не за что предъявлять вам обвинение в сговоре с этим, как его, Сухих в преднамеренной фальсификации финансового документа! Тем не менее, вам необходимо заплатить свою часть в размере двести десять рублей в счет компенсации нанесенного ущерба — и быть свободным, поскольку в таком случае — даю честное слово! — у меня к вам больше никаких вопросов не будет!

— Не скрою, я рад и благодарен вам за разбор недоразумения по совести! — сказал Анатолий Петрович, довольный заканчивающейся развязкой с переплатой. — Но чего ради я должен из собственного кармана, поверьте, совсем не толстого, выкладывать деньги?!

— Не горячитесь! Факт переплаты за подноску блоков при возведении стен гаража вы сами признали? Или кто-то другой? Нет, сами! Так о чем же еще может идти речь? Я, простите, вас не понимаю!

— А речь должна идти о том, что смета на строительные работы для того и составляется, чтобы не выходить за ее рамки, в том числе и по оплате! В акте черным по белому написано об экономии в одну тысячу двести рублей. Исходя из этого, повторяю: то, что вы предлагаете мне, совершенно не имеет под собой справедливых оснований!

— Пойдите! — перебил Анатолия Петровича Зайцев. — Может быть, я с вами и согласился бы, но трое ваших бывших подчиненных — главный инженер, главный экономист и председатель профсоюзного комитета — уже внесли в кассу свои части! — Увидев изумленные глаза несостоявшегося уголовника, он спросил: — Не верите?! Зря! — и, открыв еще одну пухлую папку, показал приклеенные к листу три чека.

Анатолий Петрович при этом, от досады на своих бывших подчиненных, не пожелавших, как он, до конца аргументированно отстаивать свою несомненную невиновность, в душе грубо выругался, но это было единственное, что он мог себе позволить, ибо при наличии фактов, предъявленных ему следователем, ничего не оставалось, как только разочарованно произнести:

— Вот дурачье! Труссы несчастные!

А Зайцев, как коршун на добычу, наседал:

— Ну так что — будете платить?! — И сам же и ответил: — Будете, ибо иначе в связи с окончанием моей командировки вам придется лететь в Якутск, чтобы уже там, в республиканской прокуратуре, вносить в кассу свою часть денег, а это, как сами прекрасно понимаете, дополнительные расходы! Или вы все-таки ох как богаты?!

Анатолий Петрович, хоть и прижатый к стенке слабостью или трусостью своих бывших подчиненных, скорей всего только потому, что надо было, не теряя больше ни часа, готовиться к уборке капусты, глубоко вздохнул, посмотрел осуждающе в глаза Зайцеву и сказал:

— Пусть в этот раз будет по-вашему!.. В конце концов, не с пустыми же руками вам возвращаться!.. Только мне надо хотя бы до конца рабочего дня время, чтобы у кого-нибудь занять деньги! Дадите?

— Без вопросов!..

— Тогда не прощаюсь!

Пока шло следствие, Анатолий Петрович невольно, с неосознанным чувством вины не раз думал: «Первый секретарь оказал мне такое высокое доверие, положился на меня, а я оказался одним из фигурантов уголовного дела... Обидно!» Поэтому, оказавшись на улице, где разошедшийся

дождь начал понемногу стихать, к тому же подул свежий северный ветер, который рано или поздно должен был разогнать свинцовые тучи, решил идти прямо к Скоробогатову. Уж очень хотелось как можно скорее сообщить ему, что его ставленник перед совестью и честью чист! К счастью, первый секретарь оказался на месте. Освободившись, принял своего молодого товарища. И когда он, слегка смущаясь, с виноватой, словно вымученной улыбкой, с притухшим взглядом, переступил порог высокого кабинета, вышел к нему навстречу, за руку крепко поздоровался, уважительно пригласил сесть к столу. И с интересом, без предисловий, сразу по-деловому, коротко спросил:

— С уборкой картофеля управился?

— Сегодня к вечеру планировал закончить, да только, боюсь, как бы не помешал дождь, что так долго собирался и, как назло, пошел в обед. Хотя, продолжаю надеяться, он не должен успеть промочить землю настолько, чтобы комбайны встали... Но, извините, в этот раз я к вам пришел исключительно по личному делу!

— Какому?

— Даже не знаю, как и сказать! — явно волнуясь настолько сильно, что на лбу выступила потная испарина, ответил Анатолий Петрович.

— А говори, как есть! По пустякам, знаю, беспокоить не будешь! — ободряюще произнес первый секретарь.

И услышал буквально все, что в последний месяц приключилось с молодым директором. Это для него, настоящего руководителя, которой должен не только знать, но и понимать все, что происходит в районе, — и большое, и малое, но часто являющееся судьбоносным, — не стало неожиданной новостью. И все же он как бы осуждающе спросил:

— А что же не пришел сразу, как этот Зайцев тебя, словно рыбу какую-то, за самые жабры взял? Решил, как всегда, справиться сам со свалившейся проблемой на твою голову, тем более в такую ответственную, можно сказать, для всего района, уборочную пору?..

— Именно так!

— Ну и зря! К примеру, как только я узнал об аресте директора леспромхоза, то тотчас пригласил к себе этого, с позволения сказать, следователя по особо важным делам и прямо заявил ему: «Не верю в виновность Алексея Петровича, ну не верю — и все!» А когда тот ответил, что он приехал не в бирюльки играть, а расследовать серьезное уголовное дело — и просил бы меня не мешать, то я ему жестко сказал: «Вот и расследуй, а не шей, как хреновая швея, бракованный костюм! И еще — крепко запомни, а лучше заруби себе на носу, что если твое дело в суде за отсутствием состава преступления развалится, то я, уж поверь, найду возможность снять с тебя погоню!..»

— Круто! — откровенно восхитился Анатолий Петрович. — Но чем же закончилось расследование причин, послуживших основанием для заключения под стражу Алексея Петровича?!

— Тем, что вчера Зайцев все же выпустил его из следственного изолятора, якобы за недоказанностью вины... Ну, не мерзавец ли он после этого?! Самый настоящий! Хоть грош, но оставил в своем кошельке! Но ты бы видел своего старшего коллегу! Когда он вошел ко мне, я его сразу и не признал — таким он стал тонким и прозрачным!.. И совершенно седым, как луны! Даже представить трудно, что ему, бедному, пришлось пережить за месяц нахождения в камере! — И, помолчав, заключил: — Ладно, хорошо хоть так обошлось! И потом, честно говоря, если бы я позволил посадить его, то и мне как непосредственному куратору лесной промышленности одним испугом отделаться ну никак бы не получилось!

И, вдруг вспомнив, зачем зашел к нему молодой директор, которого Зайцеву, как бы он ни хотел, не удалось надолго упрятать за решетку, попросил по громкой внутренней связи главного бухгалтера райкома занести ему в счет зарплаты двести десять рублей. Положив деньги во внутренний карман, принесенные главным бухгалтером, женщиной среднего возраста, довольно высокой, что делало ее небольшую полноту как бы и незаметной вовсе, и горячо поблагодарив за них первого секретаря, Анатолий Петрович уже хотел, было, раскланяться, но Скоробогатов вдруг круто повернул разговор:

— Знаешь, не знаешь, но вчера прошло совместное заседание бюро райкома и президиума райисполкома. Так вот, из-за большого неурожая капусты во многих хозяйствах мы, по согласованию с руководством алмазной компании, приняли решение о том, что, во избежание срыва обеспечения горожан этим важным, особенно в условиях нашей жестокой зимы, необходимым продуктом, сколько бы ни уродилось его в твоём совхозе, сполна — до последнего кочана! — поставить на районную овощную базу. Впрочем, скорей всего, этого делать не придется, ибо рабочие коллективы практически всех городских организаций сами подчистую вырубят капусту и на своем транспорте вывезут ее, да еще и с превеликой радостью! Тебе со своими специалистами лишь остается четко организовать расстановку людей по участкам с обеспечением необходимого контроля, чтобы ни один килограмм не ушел на сторону. Поскольку для этого много ума не надо, заранее поздравляю с достойным началом директорской деятельности на сельскохозяйственной ниве!

— Значит, вы во мне не ошиблись?!

— Извини, но пока могу только искренне сказать, что неуклонно и упрямо продолжаю верить в твои недюжинные лидерские способности, кото-

рые, будем вместе надеяться, со временем позволят тебе вырасти в большого руководителя! Так что, дорогой человек, — дерзай! — и дальше не утомимо зажигай на житейских небесах рукотворные звезды. Да и когда это делать, если не в молодые годы?!

— Спасибо за добрые слова, а то я с дутым уголовным делом даже и не знал, как вам на глаза показываться!

29

С каждым часом северный порывистый ветер, так неожиданно подувший, все крепчал и крепчал! И вот, словно пропускаемый через аэродинамическую трубу, загудел стройно, мощно! Он больше, как еще не набравшийся жизненного опыта щенок, не гонялся за отдельной тучей, а, развернув свои невидимые крылья во всю небесную ширь, отодвигал огромный дождевой фронт все дальше на юг. Но полюбоваться чистой, словно протертой влажной ветошью, синевой было невозможно, ибо осенние, ранние сумерки, быстро сгущаясь, опустились на землю. Каждый человек, попавший в ветровую власть, от протяжно и нудно гудящих проводов электролиний, от всхлипывающего хлопанья кровельного листового железа, от стонущего скрипа качающихся, облетевших до последнего листочка, деревьев, охватывался такой глубокой тоской, что вспоминались родные, близкие и хорошо знакомые лица давно ушедших в мир иной людей. Временами даже всерьез казалось, что вокруг кроме смерти нет ничего!.. И только смутное сознание невозможности этого не позволяло отчаянью, перехватившему спазмами горло, как в самом настоящем неутешном горе, обернуться горькими рыданиями.

Из-за словно жалующегося, натужного гудения двигателя, гулко-го шелеста бешено вращающихся колес «уазика» Анатолий Петрович лишь по сильной, морщинистой ряби луж, выхватываемых из темноты фарами, включенными на дальний свет, мог представлять, насколько силен ветер. Это его одновременно и радовало, и настораживало, ведь вслед за старыми, так и не выплакавшимися до конца дождевыми тучами, могли запросто, пусть через некоторый временной интервал, но все же появиться новые... Может, и еще грознее, еще наводненнее. Его душе, за час тряской дороги успевшей пережить все неслучайно случайное, произошедшее с ним в течение последних, показавшихся слишком уж длинными, суток, так лишавшее покоя и равновесия, теперь, когда о нем можно было забыть, словно о дурном сне, хотелось думать о хорошем, исполненном лучезарного света и благодатного тепла...

И, словно по воле свыше, мысли о Марии, как сухой порох, ярко вспыхнув в воспаленном, сильно уставшем мозгу, стали все больше и больше овладевать им, пока он в полной мере не почувствовал, как же соскучился по ней, своей милой, дорогой женщине. Пусть еще не понять: судьбе не судьбе, счастью не счастью... — тем не менее ничего другого и желать не хочется, кроме охватившей всю душу какой-то прежде не знакомой, горячей не костром на ветру, а, словно равнинная, широкая река, текущей в сердце величаво светоносной, высокой любви, казавшейся дорожке и выше, чем небеса. Мгновенно, словно огневой всплеск пикообразной молнии, словно сами собой сложились и ярко высветились в мозгу, сокровенные стихи: «Тоскую по твоим рукам,/ дарящим радость.../ Тоскую по твоим губам,/ улыбке, взгляду.../ И с жаром небосвод молю:/ о, сделай милость —/ убей в душе тоску мою/ и грусть-унылость./ Всей верностью своей души,/ всем пылом страсти —/ и я на свете заслужил/ права на счастье./ И я хочу, чтобы сполна —/ из дальней дали —/ меня с надеждой у окна —/ без срока ждали...»

Но стихи, в которых Анатолий Петрович выплеснул всю душу, не сделали слабей желание как можно скорей увидеть Марию. И ему, хотя и понимавшему: Петр сам, торопясь домой, гонит и гонит машину на грани риска, — что можно было понять, не глядя на спидометр, а по брызгам, веером с резаным треском разлетающимся по обочинам дороги, заливавшим лобовое стекло, словно струи грозового ливня, из-за чего приходилось то и дело включать суматошно бегающий взад-вперед очиститель, все-таки казалось, что машина больно уж медленно едет. Он порой даже хотел сам сесть за руль, чтобы, как в недалекой юности на кольцевых автогонках, придавив педаль газа до упора, выжать из двигателя, и так работающего на высоких оборотах, скорость, на какую он только способен. Но каждый раз вовремя сдерживался, понимая, что, как бы сильно он ни соскучился по любимой жене, все же это возвращение из города — не тот исключительный случай, когда можно управлять машиной безоглядно, за пределом разумного...

И тут яркая путеводная звезда Анатолия Петровича, но, увы, благоговейная к нему исключительно в крайних случаях, когда вечный шекспировский вопрос: «Быть или не быть?» неожиданно встает ребром, словно пытаясь нарочно уменьшить его пыл скорейшей встречи с любимой, заставила уже саму душу вдумчиво, не без тревоги, глубоко погрузиться в стихотворную образную стихию: «Вспоминала ли ты — меня/ в час, когда поднимала тост/ и пила, судьбу не кляня,/ за сияние наших звезд?../ Вспоминала ли ты — меня,/ встав смурной, в тяжелом жару,/ когда солнце шары огня/ уж раскатывало по двору?/ Вспоминала ли ты — меня/ поздно вечером, перед сном,/ чтобы звезды, к себе маня,/ охраняли твой сон и дом?../ Вспо-

минала ли ты — меня,/ принимая с тоской гостей,/ что ввалились средь бела дня/ с целым ворохом новостей?/ Вспоминала ли ты — меня,/ вспоминала ли? Говори!/ Но лишь ветер летит, звеня,/ и в лесу свистят снегири...»

Но вот душа, отпылав, словно листовое осеннее пламя, замолчала — и Анатолию Петровичу впервые за долгие последние десять лет всерьез подумалось, что жизнь несколько месяцев назад сделала такой крутой, такой стремительный, как соколиный взлет, поворот, так вдохновенно повлекла его за собой в водоворот высоких чувств и ярких событий, где, видимо, без поэзии, этого одного из немеркнущих светов любви, выстоять ну никак невозможно... И все-таки к чему это приведет — к новому горькому разочарованию или наконец к восхитительному счастью реализации сполна своего писательского таланта — оставалось только мучительно гадать. А, может быть, все же на этом суетном свете счастливо выживать выпадет не в стихах, а в любви — не зря же она с такой силой охватила мою душу? О, как бы знать!

Наконец из-за крутого поворота выехали на плотину, возведенную на месте старой мельницы. С нее, огромной, довольно-таки сильно возвышающейся над местностью, были хорошо видны в вечерней, густой синеве золотисто-серебряные, переливающиеся, как новогодняя гирлянда, многочисленные огни поселка. Машина, проехав еще с полкилометра, свернула с трассы на грунтовую проселочную дорогу, а еще метров через двести с крутолобого взгорка нырнула в небольшую лощину, поросшую густым, молодым сосняком — и вот он, ставший родным, еще один дом... Во всех комнатах горел яркий свет. Окно в кухне почему-то Мария не зашторила — и сквозь прозрачный, легкий, иссиня-белый тюль было хорошо видно, что в кухне она находилась не одна, — еще какая-то женщина сидела за обеденным столом.

— Анатолий Петрович! — произнес Петр. — Вы в городе с радостью сказали, что уборку картофеля в совхозе закончили!

— Да! Об этом мне сообщила Кокорышкина, когда я из приемной первого секретаря райкома ей позвонил! А в чем дело?

— Хочу у вас до начала массовой рубки капусты попросить несколько отгульных, а то жена своим ворчанием прямо поедом ест! Даже стала требовать, чтобы я вернулся на грузовую машину, мол, и денег больше буду домой приносить, и сын вконец не забудет, кто же у него отец.

— Значит, так и не примирилась с твоим-моим бешеным графиком работы?! Что ж, она и в самом деле по-своему права! Не зря в народе говорят: «Телеге нужна смазка, а женщине — ласка!..» Отгулы даю, только, чтобы завтра тебя не тревожить, перед тем, как пойдешь домой, еще съезди на ГСМ, заправь машину и, вернувшись, поставь ее под окнами, а ключи зажигания сунь под водительское кресло!

— Спасибо за понимание!

— Да ладно! — сказал Анатолий Петрович, а про себя подумал: «А вот меня-то хоть кто-нибудь на самом деле понимает до конца? Наверяд ли!..» И, глубоко вздохнув, открыл дверцу и вышел на свежий воздух.

Как он ни торопился войти в дом, невольно посмотрел на небеса — и очарованно замер... Даже здесь, в низинке, чувствовалось, насколько все еще силен ветер, шумящий в голых кронах деревьев, словно вихрь, клонящий их из стороны в сторону. Управившись с остатками листьев, упрямый ветер всерьез взялся за постаревшую желтую хвою — и она, не выдержав его напора, отлетала от веток и, кружась в воздухе, стремительно уносила в вечернюю почти непроглядную темноту. Но в непостижимо глубокой, загадочно чернеющей выси, словно великое множество горошин по полю, были рукой Создателя рассыпаны мигающие, словно сигнальные лампочки, беспрерывно, стойко горящие чистым серебряным светом, зрелые, как поздние яблоки, звезды.

Выстроившись в крупные созвездия, легко узнаваемые с земли, они, как мощный магнит, своей неопишуемой красотой притягивали к себе восхищенный взгляд — хотелось обрести могучие крылья, чтобы, хотя бы на чуть-чуть приблизиться к ним, собрать полные пригоршни небесного, живительного света — и, словно живой водой, омыться им. Нет, не из страстного желания вместе с этим стать бессмертным, а из неутолимой жажды пусть всего лишь на миг, но прикоснуться душой к одной из великих тайн Вселенной... Вдруг сначала одна, потом и вторая звезда сорвались с небосклона и, сгорая на лету, так быстро стали приближаться к земле, что Анатолий Петрович даже не успел загадать какое-нибудь заветное желание, как они потухли, казалось, над самой головой. Душу сжала досада, но она была настолько незначительной, что тотчас забылась, едва он открыл дверь в дом.

Не раздеваясь, из чистого чувства любопытства, встал на пороге кухни и увидел сидевшую к нему спиной, но тотчас оглянувшуюся на шум в коридоре поселкового главного врача.

— О, кто у нас в гостях! Ирина Дмитриевна, добрый вечер!

— Здравствуйте, Анатолий Петрович! А я вот забежала после работы на огонек к Марии, поговорить, так сказать, по душам!..

— Не оправдывайтесь! И правильно сделали, что в своем времени, спрессованном до бессонницы неотложными медицинскими заботами, нашли час-другой для, скажу так, укреплению женской солидарности, за что я вам премного благодарен! Да и моей любимой жене с вами, надеюсь, всегда найдется о чем горячо поговорить! — добродушно, с теплой улыбкой на тонких — волевых губах вымолвил Анатолий Петрович, а сам то и дело посматривал на Марию, при его появлении зачем-то вставшую

из-за стола. В своем новом вечернем темно-синем платье с короткими рукавами, с вьющимися каштановыми волосами, туго стянутыми на затылке резинкой, отчего красивое лицо, полностью открывшись, казалось, лучилось светоносно, а ее хозяйка обвораживала таким очарованием, что только присутствие чужого человека помешало Анатолию Петровичу страстно обнять жену за точеные плечи и слиться с ней в трепетном, сладостно долгом поцелуе.

— В народе говорят, голодный мужчина — злой! — не без напряжения в голосе сказала Мария. — Правда это или нет, но давай, муж, который, надеюсь, не объелся чужих груш, скорей раздевайся, мой руки — и за стол! Я тебя кормить буду!

— Дорогая, верь не верь, но никаких чужих фруктов со вчерашнего дня не ел! — поняв ревнивый намек супруги в отношении посещения Зинаиды, в шутку ответил Анатолий Петрович.

И уже через пять минут сел за стол, на свое, ставшее за лето привычным, место — справа от окна, лицом к Марии. Взял в руки вилку, чтобы утолить, и правда, всерьез разыгравшийся голод, но, словно вспомнив об очень важном, воскликнул:

— Дорогие женщины, а что это мы всухую будем ужинать, когда, по крайней мере, для меня, сегодняшней день — праздник! — И, опережая возможный вопрос: «Какой именно?!», продолжил: — Во-первых, успешно завершилась уборка картофеля, понятно, не без моего — шучу! — четкого руководства! Во-вторых, наконец-то расследование уголовного дела, о котором, вы, Ирина Дмитриевна, уверен, пусть недостаточно верно, но все же порядком наслышаны из поселковых пересудов, доказало, что я перед законом чист как стеклышко! А то, что мне нанесен моральный ущерб — это не считается, переживем! Какие мои годы — еще впереди и не такое может быть, как говорится, от тюрьмы да от сумы не зарекайся!.. Во! — наговорил целую кучу... А для чего, спрашивается? Для того, чтобы обосновать желание — немного, хотя бы легким вином, отметить, как я обоснованно сказал, праздник!.. Мария, не смотри на меня такими удивленными глазами, а скорей ставь на стол хрустальные бокалы. Кстати, дорогие женщины, что будете пить?!

— Ну, раз такое дело, то я выпила бы шампанского!

— Я тоже! — поддержала Марию Ирина Дмитриевна.

— Ну а я, с вашего разрешения, милые дамы, останусь верен своей строгой привычке — и выпью сухого грузинского вина! — весело сказал Анатолий Петрович. И тотчас отправился в гостиную...

Не прошло и минуты, как он вернулся к столу, не садясь, умело открыв одну бутылку за другой, налил женщинам шипучего напитка в бокалы,

себе в стакан — вина и осторожно — наполненный до краев! — подняв его, бодро, словно на собрании трудового коллектива, сказал:

— Как говорится, за этим дружеским застольем самозванцев нам не надо — председателем, то есть тамадой, буду я! И в первую очередь, конечно, предлагаю первый тост — за вас, милые дамы!

И, с радостью чокнувшись с заметно повеселевшими женщинами, медленно — один за другим — сделал несколько глотков, слегка причмокнув, довольно сжал губы, несколько раз провел по небу языком, как бы по терпкому вкусу окончательно определяя выдержку вина. Сел и с жадностью приступил к вкусно приготовленной женой еде. Но через пару минут, под довольным взглядом Марии, аппетитно дожевывая кусочек отбивной, поднял глаза на Ирину Дмитриевну:

— А теперь прошу вас сказать несколько слов!

— Ой, я, честное слово, совсем произносить тосты не умею, да и не знаю их!.. — простодушно воскликнула она, при этом ее нежно-бархатные щеки зарделись красной рябиной, а в больших, голубых, широко открытых, глазах вспыхнули застенчивые звездочки-искринки. — Но из уважения к вам, Анатолий Петрович, так уж и быть... Только, пожалуйста, дайте хоть немного собраться с мыслями!

И, помолчав с минуту, в течение которой почему-то вопросительно посмотрела на Марию, наконец глубоким, грудным голосом произнесла: — Я, наверное, теперь и не вспомню, прожив в поселке уже шесть лет, сколько при мне в этом бедном совхозе сменилось директоров... Так вот я хочу предложить выпить за то, чтобы на вас, Анатолий Петрович, кадровая чехарда закончилась! Здоровья вам, стойкости, веры в свои силы, ну и, конечно, семейного счастья!

— Хороший тост! — одобрил хозяин дома. — Только, надеюсь, желая мне долго руководить совхозом, вы, Ирина Дмитриевна, не имели в виду всю жизнь... И поскольку без любви счастья не бывает, то я еще хотел бы выпить и за мою ненаглядную супругу...

Естественно возражений не последовало — и по кухне от согласно сдвинутых бокалов невидимыми, широкими волнами поплыл тонкий, словно колокольный, хрустальный звон. Он был настолько пронзительно долгим, что, мягко отражаясь от чисто побеленных стен, поднимаясь к потолку, нежно ласкал слух, весело тешил душу... Вдруг Мария всплеснула, как лебедь крыльями, точеными руками:

— Ах, что это я забыла!.. — И, достав из холодильника большую гроздь винограда, положила в тарелку, стоящую посреди стола. — Буквально сегодня в сельповский магазин впервые за осень завезли фрукты, вот я и купила немного этой узбекской вкуснятины! Угощайтесь!..

— Я вижу, южный фрукт еще и необычайно красив, — сказал весело Анатолий Петрович. — Каждая виноградинка насквозь так золотисто светится, что даже отчетливо видны темно-коричневые, величиной со спичечную головку ядреные семена! За это обязательно надо выпить! Моя дорогая супруга, думаю, настало самое время и тебе произнести следующий тост! Или я что-то тороплюсь?!

— Нет, нет, самое время! — воскликнула Ирина Дмитриевна.

— Хорошо! Только я буду предельно краткой — давайте выпьем за наших любимых, незабвенных родителей!

После того, как бокалы были осушены до дна, Мария любезно предложила еще выпить и по чашечке свежесваренного индийского чая. Все согласились. За его медленным распитием вприкуску с шоколадным печеньем разговор за столом вошел в русло обыденных тем: о предстоящей зиме, о необходимости запастись дровами, о делах в больнице и, конечно, о последних поселковых новостях, произвольно, как в голове побластится, порожденных «всезнающими» домохозяйками и потому часто не вполне соответствующих истине... Даже вспомнили об ухудшившемся здоровье генерального секретаря... Вдруг Ирина Дмитриевна, посмотрев на свои ручные, с тонким коричневым ремешком, круглые маленькие позолоченные часы, звонко воскликнула:

— А время-то — уже двенадцатый час пошел! Вот я загостилась, так загостилась! Идти надо, а то муж, очень переживающий за меня, вот-вот на поиски бросится! — Потом в ее взгляде невольно зажглась тревога, и она сказала: — На улице-то давно по-осеннему круто сгустилась тьма непроглядная, а я, вот какая непредусмотрительная, даже фонарик с собой не взяла! Как же пойду?!

— Да не переживайте! — ободряюще ответил Анатолий Петрович. — Я вас провожу! Тут идти-то до вашего дома не больше десяти минут!

— Согласна — недалеко! Но через лес ведь!..

— О чем речь!.. — И, сняв с вешалки демисезонное, коричневое драповое пальто, как интеллигентный, галантный кавалер, на правах хозяина заботливо помог Ирине Дмитриевне, из-за высокой груди казавшейся немногим полноватой, одеться.

Расставаясь, женщины не обнялись, как настоящие подруги, а только тепло сказали друг другу: «Пока!»

На улице в самом деле предполуночная тьма сгустилась до непроглядности. Пришлось даже остановиться, чтобы глаза хоть немного привыкли к темноте. Ветер заметно ослабел — теперь он дул, пусть и напористо, но ровно. Зато влажный воздух похолодал настолько, что при глубоком дыхании изо рта клубами валил пар, и Анатолий Петрович, невольно

поежившись, зарылся подбородком в глухой воротник холщовой куртки. И не зря — сразу почувствовал уютное тепло, исходившее от тела. Но — странно! — если на земле стоял такой мрак, что хоть глаз коли, то небеса были залиты матово-серебристым светом сполна вызревших, словно августовские яблоки, многочисленных звезд. Глядя на них, невольно казалось, что любая из них от тяжести вот-вот могла сорваться — и со светящимся световым хвостом понестись к земле...

«Небесный свет шуршит, как сено, течет, как птичье молоко!» — своими стихами подумал Анатолий Петрович и, взяв под руку спутницу, пошел с ней напрямик сначала по своему огороду, потом по тропинке через молодой густой сосняк — на соседнюю улицу Лесную, недавно отстроенную на земле, отвоеванной у вековой тайги, где в двухквартирном доме жила со своей семьей главный врач поселковой больницы. По дороге, ступая осторожно, чтобы невзначай не оступиться на какой-нибудь палке или не споткнуться об один из многих пеньков, оставшихся после вырубки, они почти не разговаривали, но у самой калитки, прежде чем расстаться, на Анатолия Петровича, словно он услышал настораживающий глас с небес, касающийся его с Марией отношений, в последнее время ставших и в самом деле натянутыми, сошло какое-то озарение и он, уже пожимая женскую руку, вдруг произнес:

— Ирина Дмитриевна, к сожалению, из-за злых языков родни моей первой жены, Мария не очень-то спешит с завязыванием новых знакомств. Но с вами у нее это как-то удачно получилось — и я очень рад! Ведь она имеет возможность общаться, притом что каждое, от души сказанное слово может быть по-дурному истолковано. Понимаю — то, о чем я спрошу, может поставить вас в неловкое положение, но не сделать этого мне чрезвычайно трудно, поскольку теперь, когда многие треволнения позади, меня все сильнее гложут мысли, что последние полтора месяца Марию не то чтобы подменили, но она стала со мной какая-то замкнутая, — скажу так, больше слушает, чем сама говорит! Хотя, честно говоря, она мне недавно пояснила свое душевное состояние, но поскольку сделала это как-то уж неубедительно, то, может, вы каким-то образом знаете, что ее, в самом деле, гнетет, волнует?

Вместо того, чтобы глубоко помолчать минуту-другую, принимая решение выложить как на духу все, чем могла поделиться с ней Мария, Ирина Дмитриевна лишь с болью посмотрела на озадаченного своего провожатого. И, мельком посмотрев по сторонам, словно их в самом деле мог кто-нибудь случайно подслушать, недоуменно, как ни старалась приглушить голос, все же громко воскликнула:

— Анатолий Петрович, извините, но вы меня спрашиваете о том, о чем все последнее время только и судачат в поселке!..

— Я вас не понимаю! Нельзя ли конкретней?!

— Можно! Пусть Мария на меня в сердцах обидится, но этого завравшегося городского дон-жуана надо хорошенько проучить!

— Вы о ком?..

— О Хохлове, бывшем главном агрономе совхоза, который с того времени, как перевелся в район, вашей жене прохода не дает! В неделю раз, а то и два, когда вы уезжаете по отделениям или в город, как бы по работе наведывается в управление! Видите ли, он воспылал негасимой любовью к Марии — и ради нее готов бросить семью! И вообще, он, видите ли, крайне удивлен, как это она, с такой утонченной натурой, может терпеть такого грубого, неотесанного мужлана, то есть вас!

Чувствуя, как в душе начинает закипать, не ревность, нет, а уязвленное мужское самолюбие, Анатолий Петрович все же из последних сил, стараясь быть хладнокровным, перебил врача:

— Я все понял, кроме одного: а что же моя половинка, — как она сама-то относится к ухаживанию пылкого сердцееда?!

— Вы же сами прекрасно знаете, что если мужчина любит глазами, то женщина — ушами! — желая оправдать Марию, ответила Ирина Дмитриевна. — Вы настолько с головой ушли в работу, что домой только ночевать приезжаете. Ну, по чести вспомните, когда в последний раз признавались в любви своей, как вы сказали, половинке, чем твердо подтверждали ее?! А этот Хохлов, как заведенный, — и в глаза, и по телефону все клянется и клянется в верности и вечности своих сердечных, прямо-таки негасимых чувств. Возносит до самых небес удивительную красоту своей возлюбленной, ой, не так сказала! — вашей жены! Вот она и, как бы это правильнее выразиться, в настоящее время словно стоит на каком-то распутье...

Едва прозвучали эти последние слова, промчавшиеся, как огневая шаровая молния, в мозгах, нестерпимо больно обжигая и взрывая ровное течение мыслей, Анатолий Петрович, не попрощавшись, вообще ничего не сказав, резко повернулся и быстро, будто страшно боялся, что его могут внезапно против стальной воли остановить, зашагал прочь. Ирина Дмитриевна, крича ему вслед, призывала не горячиться, не ломать раньше времени дров, но он ее больше не слышал — с такой огромной силой раненое сердце кипящей кровью зашумело у него в ушах. □

Окончание следует.

Юлия Буранова

ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Двадцать первое. Ночь.
 Понедельник.
Я давно засыпаю одна.
А когда-то, быть может,
 в сочельник,
Я ждала у окошка тебя.

Сердце щемит тоскою безликой,
Все, что было тогда — западня.

Я теперь просто сердцем
 отшельник
Вспоминаю, себя же браня:

Патриаршие и можжевельник
В Сторожах, на углу.

 Без тебя,
Уготована участь двуликой,
И в глазах у меня темнота.

ВОСПОМИНАНИЯ

На Спиридоновке таинства-воспоминания храм,
Где разговорами пряталась от одиночества к Вам.
Ходила путями избитыми, пытаюсь понять — почему
На этой планете счастливые уже не нужны никому.

И манят меня воспоминания, и просят: не забывай,
Что будут еще расставания, что будет, возможно, и рай.

ПОСВЯЩЕНИЕ MEIN M

Ваши пальцы — вензеля,
Только тронуть их нельзя.
Показать души смятенье —
Ах, оставьте мне виденье!

Пусть внутри души растет
И, возможно, расцветет
Неземное чувство это,
Так воспетое поэтом.

О СПОРТ, ТЫ — МИР!!!

Моя спортивная карьера была короткой, но судьбоносной.... Все началось с того, что в 11 лет меня отчислили за «профнепригодность» из хореографического училища. А все потому, что за лето я вдруг взяла и вымахала до 160 сантиметров. Войдя после каникул в балетный класс, я оказалась тем самым «слоном в посудной лавке», все девочки были мне по плечо, а мальчики где-то по грудь. Педагоги в отчаянье схватились за головы.

— Какое несчастье, какая девочка была! Какие данные: подъем, шаг и выворотность!!!

— А какая тонкая нервная организация! Вы помните, как на вступительных экзаменах она под «Арлекино» танцевала. Целый спектакль сыграла!

— А если она и дальше так будет расти? Что нам делать? В партнеры штангиста или баскетболиста приглашать? Нет, хватит, уже с Ченчиковой намучились!

Годом раньше Пермское хореографическое училище окончила Ольга Ченчикова, эта очень талантливая девушка была явно великовата для балета — рост 173 сантиметра. Сейчас это, конечно, вызывает улыбку, но для середины 70-х это явный нонсенс, считалось, что балерина должна быть ростом, максимум, 165 сантиметров, прозрачна и невесома! Правда, прекрасной Ченчиковой ничто не помешало стать прима-балериной Мариинского театра, а меня вот изгнали из балетного «рая».

Мама отнеслась к этому достаточно спокойно, только плечами невнятно пожалала. Счастье дочери ей представлялось иначе, примерно как-то

так: медицинский институт, диплом врача, муж — бравый военный и парочка здоровеньких карапузов. Какой балет, зачем он и к чему? А если кому-то не известны нюансы, как воспитывают «гадких утят», чтобы они превратились в «белых лебедей», то вот примерный распорядок дня:

В общей спальне стоят 20 кроватей.

Звонок в 7 утра. Девочки вскакивают, как подорванные, и стайкой бегут умываться холодной водой.

7.30 — нечто легкое, под названием «завтрак».

8.00 — Утренняя разминка в балетном классе.

9.00 — Школа. Уроки.

12.30 — Обед. Недолгий отдых.

13.00 — Основные занятия у станка.

15.30 — Отдых. Подготовка домашнего задания.

16.00 — Полдник.

16.30 — Балетный класс.

18.00 — Ужин.

19.00 — Свободное время. Письмо домой.

20.30 — Подготовка ко сну.

21.00 — Отбой.

И это только начало. С каждым годом предметов и дисциплин становится все больше и больше: классический и народный танец, дуэтный танец, современная хореография, сольфеджио и прочее, и прочее... А старшие классы еще и в вечерних спектаклях театра участие принимают. Злобные и тощие мегеры орут на тебя круглосуточно: «Подбородок поднять, плечи опустить, живот втянуть, попу подобрать!» А если что не так, то линейкой, по той самой несуществующей попе. Ежедневная муштра и беспрекословное подчинение! И так каждый день, месяц за месяцем, год за годом... Думаю, парней в «краповых беретках» как-то более нежно воспитывают. Посему, довольная и счастливая, я вернулась из интерната домой, и только что на радостях пяткой не крестилась. А первого сентября пошла в самую обычную среднюю школу. Но недолго музыка играла!!! Учительница физкультуры, Тамара Ивановна, некоторое время наблюдала, как я лихо бегаю стометровку, летаю в высоту и в длину, а затем пригласила к нам на урок каких-то двух важных дядей. Они погоняли меня по школьному стадиону, пощелкали секундомерами, помяли мышцы на руках и ногах, попросили отжаться и на турнике подтянуться. Покивали головами и дружно заявили:

— Перспективная. Отличный костно-мышечный аппарат!

Тамара Ивановна вызвала в школу мою маму.

— Как вы смотрите на то, что ваша дочь будет жить и учиться в спортивном интернате олимпийского резерва? Там отличные условия! Для

будущих чемпионов государство ничего не жалеет! — Она заметно волновалась. — Тренер юношеской сборной нашего края сказал, что у девочки большие возможности....

— А как там с дисциплиной?— поинтересовалась мама.

— Это же спорт! — воскликнула Тамара Ивановна. — Дисциплина — самое главное!!

Матушка облегченно вздохнула и дала свое родительское благословение. Собственно, на это у нее были веские причины. Откинувшись из «хореографической» казармы, я вела себя как «дембель-вэдэвэшник». То есть дралась в школе и во дворе, с мальчиками и девочками, по поводу и без повода. С легкостью посылала противнику «батман» в челюсть, а из «падебуре» нога с махом уходила в ухо. Дня не проходило, чтобы рассерженные родители вместе с рыдающими отпрысками не являлись к нам домой для восстановления справедливости.

— Ирина Сергеевна, вы же интеллигентная женщина, уважаемый педагог, повлияйте на дочь! А то ведь не девочка растет, а Петлюра какая-то!!!

Моя бедная мама краснела и бледнела, горячо извинялась и клятвенно обещала до конца дней своих заниматься с покалеченными «чилдренами» английским, французским и сделать из них настоящих полиглотов. А мне грозила кулаком и обещала:

— Вот в спортивной школе тебя уму-разуму научат!! Будешь так беситься, на цепь посадят!!

— А я ее перегрызу и убегу! — отвечала я.

Но, как ни странно, в «олимпийском инкубаторе» мне очень даже понравилось. Во-первых, кормили там на славу! Каждый день мясо, рыба, фрукты и соки, горький шоколад давали. Оно и понятно, будущему чемпиону жиры, белки и углеводы жизненно необходимы. И ребята нормальные, никаких тебе сплетен или интриг, которыми даже самые маленькие артистки уже с пеленок в совершенстве владеют. А здесь все просто, на вопрос: «Ты че?» — нужно отвечать «Да ниче!» — и сразу бить в бубен. Но этого не произойдет, если будешь вести себя честно, правильно и нос не задирать. А уж тренер, так тот просто — отец родной! Трясется над тобой и как молитву повторяет: «Ты лучшая, ты лучшая!! Надо работать и все получится! Ты будешь первой и победишь!!» Меня сначала хотели к гимнасткам определить, но потом высшие чины посоветовались, данные мои проанализировали и вынесли окончательный вердикт — худая, выносливая, вредная и упрямая, как сто чертей, а значит — легкая атлетика, бег. Но не какой-то там жалкий спринтер, а настоящий стайер — «марафонец». Для меня и моего уже тогда цветущего пышным цветом «индивидуализма» это было самое лучшее! Никаких тебе скользких мячей, хитрых

лент, коварных спортивных снарядов, команды единомышленников, с которыми нужно все время дружить и договариваться. Когда бежишь, ты — один! Перед тобой только дорога, и все зависит только от тебя и от твоих сильных послушных ног. Тренировались мы, конечно, очень много. Бегали в жару, в дождь, в снег, по стадиону и по пересеченной местности, ускоряя и замедляя темп. Но мне тогда все это казалось просто игрой или развлечением.

А летом еще и на сборы поехали, база в лесу находилась, речка рядом, тренер нас купаться отпускал и в ближайший дом отдыха вечером кино смотреть водил. Все было бы прекрасно, если бы не одно «но»... Была в нашей возрастной группе некая Галка. Так себе девочка, ничего особенного, и на тренировках показатели средненькие. Но как только случались какие-то более или менее значимые соревнования, она не бежит, а летит, даже ногами земли не касаясь, и в результате всегда первая, а я — вторая. Сначала меня это расстраивало, потом злило, а однажды так взбесило, что я изловила ее в раздевалке, прижала к стенке и устроила допрос с пристрастием.

— Говори, что у тебя за секреты? Гимнастика специальная? Диета? Что??!!

Галка хныкала, ныла и уверяла меня, что ничего особенного она не делает. Зарядку утром, дыхательные упражнения, растягивается, все как все. Очень булочки с марципаном любит, нам их нельзя, но она иногда себя балует. Но я была настойчива, и Галка, наконец-то, сдалась:

— Ладно, скажу... есть у меня один секретик. Я когда бегу, о немцах думаю....

— Че? О каких немцах? — оторопела я.

— О фашистах! — пояснила Галка. — Представляю, что я — партизанка и несу донесение в отряд, а за мной немцы гонятся. Поймают, пытать будут. А вдруг я не выдержу?

— Ну ты и дура! — только и смогла сказать я. Волшебное слово «мотивация» мне тогда было не знакомо, а вскоре я об этом вообще забыла.

Осенью начались общегородские соревнования между всеми спортивными школами и объединениями. Юных «марафонок» ждал кросс в 7 километров по лесополосе, канавки и ложбинки, спуски и подъемы, шишки и сучки под ногами, короче говоря, все тридцать три удовольствия. Я усиленно готовилась и решила — сдохну, но буду первой!! Сначала мы бежали все вместе, общей группой: «спартаковки», «динамовки», «трудолички» и мы — «олимпийки». Иногда кто-то слегка уходил вперед, кто-то сознательно отставал, силы берег. Но головой крутить и на соперников смотреть нельзя, надо быть сосредоточенным, собранным, темп правильный держать и дыхание контролировать. А самое главное — терпение! Но я краем

глаза на Галку все же косила. Как она и что делает? Когда до финиша оставалось чуть больше километра, Галка вдруг махнула своей тощей косичкой и рванула вперед, а я, естественно, — за ней. Мы быстро оторвались от основной группы, обогнали бегущих в авангарде и оказались на лесной тропинке совершенно одни. Прямо передо мной маячила Галкина спина, кажется, только руку протяни и дерни за куцую косицу, но нет... она все удаляется и удаляется, а я никак не могу ее догнать. Во рту пересохло, перед глазами цветные круги плывут, а сердце стучит так, словно собирается выскочить и в лес убежать. Я почти вслух повторяла: «Ноги, о мои ноги, не подведите меня, ноги!» Хотя было бы логичнее взывать: «О боги, боги!» — но кто ж тогда это знал. В какой-то момент в голове взорвался воздушный шарик, и меня осенило, я вспомнила — немцы! Она же опять от немцев убегает!! И такая злость накатила, такая яростная ненависть, что, если бы могла соперницу убить, убила бы. Разом, как в сказке «По щучьему велению, по моему хотению», в ушах зазвучал грозный рокот моторов, а перед глазами понеслись и замелькали кадры из фильмов про войну. Нас догоняла колонна мотоциклистов, мрачные фрицы в надвинутых на глаза касках давили на газ, и машины ревели, словно злобные бешеные звери. А слева и справа колонны бежали солдаты в серых шинелях с автоматами на груди, и каждый держал на поводке собаку. Мохнатые немецкие овчарки заливались хриплым лаем, скалили слюнявые зубастые пасти. От такой пощады не жди, кинется и сразу в горло вцепится! А в головной машине гордо восседал офицер — горбатый носклов и прозрачные глаза убийцы. Вот он медленно поднимается, вытягивает вперед руку в кожаной перчатке и указывает на нас. Дорога как раз под горку пошла... самое удачное место, чтобы стрелять. Собаки лают, моторы режут, гортанная немецкая речь, и тут команда: «Огонь!!» — и длинная автоматная очередь. Мое видение было таким ярким и таким реальным, со всеми звуками и запахами, что я, закрыв голову руками, соскочила с тропинки и метнулась в кусты. А бегущая впереди меня Галка запнулась, упала и кубарем покатилась под горку. Как любил говаривать наш тренер: «Если соперник упал, так и... с ним! Вперед, только вперед к победе!» Пробежав около 100 метров вперед, ноги сами развернули меня назад.

— Вставай! — Я схватила Галку за воротник олимпийки и с силой дернула на себя. Она привсталала, охнула и снова опустилась на землю.

— Нога...

— Бежать можешь?

Галка подняла на меня глаза и отрицательно покачала головой. Одежда, руки, лицо все перепачкано жидкой грязью, на губах кровь, наверное, прикусила, когда падала. С пригорка послышался топот ног, к нам при-

ближались две девчонки с синими ромбами на груди, «динамовки» — наши основные соперницы.

— Беги,— прошептала Галка, — беги, кто-то из нас должен дойти... Я их задержу!

И я побежала... Через несколько секунд за спиной послышался истощенный визг. «Дерется она с ними, что ли?» — подумала я и оглянулась. «Динамовки» затормозили и остановились перед павшим на землю соперником. А хитрая Галка вцепилась им в ноги, рыдала и стонала, умоляла не бросать ее одну в лесу на верную погибель. Девочки были совершенно деморализованы и явно не знали, что делать.

До финиша я добралась легкой трусцой, даже дыхание не сбивала. Получила долгожданный золотой кружочек на ленточке и расписную бумажку. Да и с Галкой ничего страшного не случилось, растяжение лодыжки, пару недель в плотной повязке, и можно снова тренироваться. А меня ждали областные, краевые, региональные и республиканские соревнования, и это только начало... Живи, да радуйся! Но меня мучили какие-то смутные сомнения... А была ли моя победа честной и спортивной? С одной стороны, ничего плохого я не сделала: соперницу в спину не толкала, подножку не ставила, она сама споткнулась и упала. Но я-то знала, что, находясь на самом высшем пике раздражения и ненависти, моя фантазия приобрела как бы реальную форму и уничтожила соперника. И что теперь? Всякий раз, когда нужно будет победить, призывать на помощь из глубин души моей всех демонов? Нет, я так не хочу!! От этой бесконечной рефлексии я вдруг заболела, а, может, наоборот, поправилась. Честолюбивые помыслы, амбиции, азарт борьбы, жгучее желание быть всегда первым — все это вдруг испарилось, исчезло и стало неинтересным. В 13 лет я легла на диван, открыла «Фауста» Гете и заявила, что из этого состояния и положения меня даже начало Третьей мировой войны не сдвинет. Как стая рассерженных птиц, вокруг меня носились родители, бабушки, «отец родной»-тренер. Обещали все блага мира, уговаривали, увещевали, грозили, пугали...

Но мне было все равно, пришло время искать свой путь...

Свой путь, где не надо будет биться в кровь за 1, 2 или 3 место, шагая для этого по головам и хребтам. Путь, который именно твой, свыше предназначенный и предначертанный. И уж если так хочется стать «лучшим», то сражаться придется, скорее всего, не с абстрактным противником или агрессивным миром, а с самим собой. Чтобы, как завещал великий Чехов, день за днем, месяц за месяцем, год за годом выдавливать из себя «раба» и «врага»...

P.S. Сегодня мой рост всего 165 см, вешу я 50 кг, обожаю балет и очень уважаю спорт.

Интересно, а где сейчас Галя? Как она и чем занимается? □

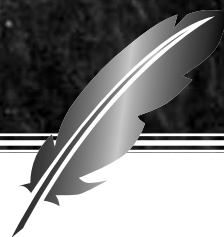
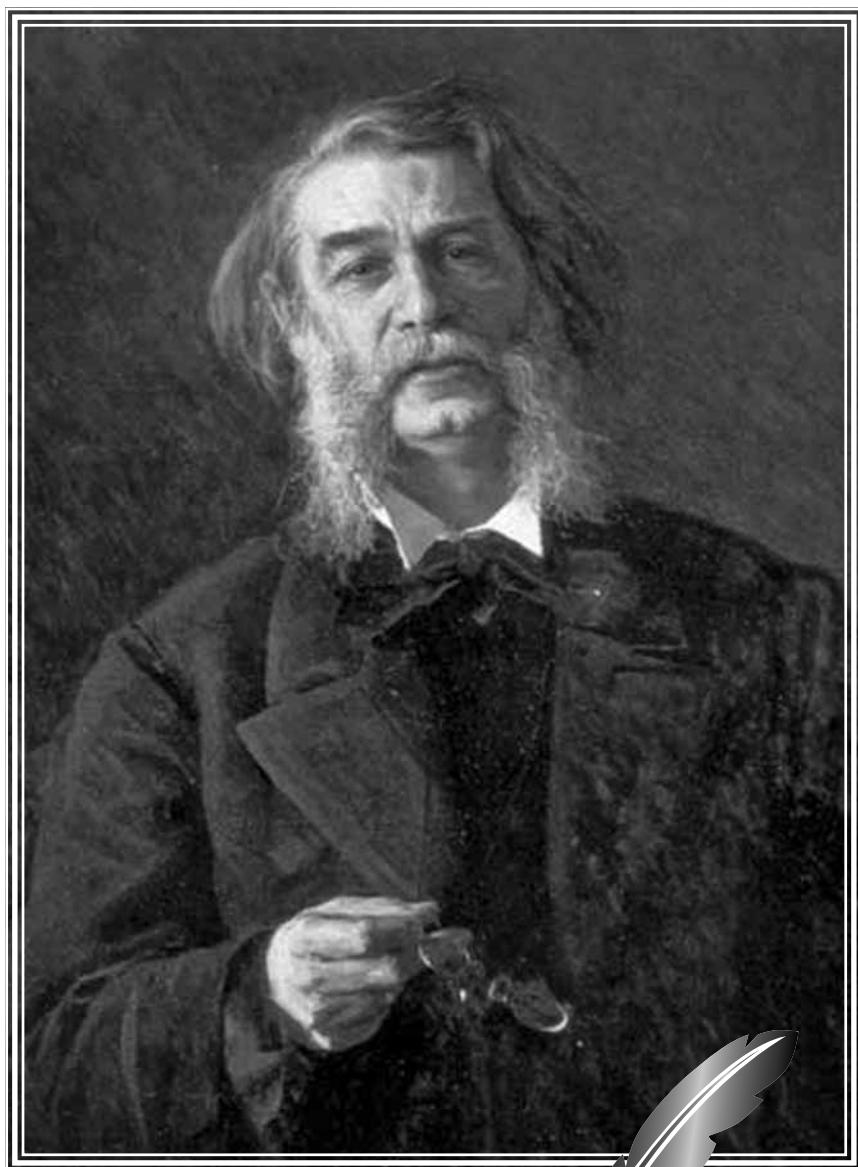
Юрий Осипов

Д.В. Григорович

Автор непревзойденных бытописательских очерков и обличительных повестей до восьми лет не говорил по-русски. Родным языком мальчика являлся французский, и сам он был наполовину француз по матери, Сидонии Петровне, дочери казненного на гильотине во время якобинского террора роялиста де Вармона.

*Портрет
Дмитрия Васильевича
Григоровича работы
И. Крамского*

Отец будущего живописателя социальных контрастов, отставной гусар и мелкий помещик, служил управляющим в имении матери известного литератора В. Соллогуба.

ОПАСНЫЙ СОЧИНИТЕЛЬ

С одного из лучших портретов И.Крамского на нас устало смотрит холеный немолодой мужчина с пышными седыми бакенбардами и в темном сюртуке. Темный же щегольской галстух подпирает концы белоснежной сорочки. Кисть правой руки с зажатым в ней пенсне слегка выдвинута вперед, как бы в характерном жесте спора с невидимым собеседником.

Глядя на портрет этого вдумчивого, самоуглубленного человека, не скажешь, что перед нами записной весельчак, душа общества. А ведь именно такой репутацией пользовался у современников Дмитрий Васильевич Григорович, чьи острооты распространялись по всему Петербургу. Просто проницательный художник сумел разглядеть за импозантным обликом светского льва внутренний мир крупного писателя-гуманиста.

Расхожему представлению о Григоровиче как о «гуляке праздном», между делом занимающимся сочинительством, главным образом, способствовала его исключительная общительность и щедрость натуры при невероятном обилии друзей и знакомых. Белинский, Достоевский, Тургенев, Некрасов, Л.Толстой, Панаев, Боткин, Дружинин, Анненков, Островский, Писемский, Погодин... Казалось, не было в северной столице заметной личности, причастной к искусству, словесности, публицистике, с которой Дмитрий Васильевич не был бы знаком накоротке. Понятно, что когда в Петербург приехал Александр Дюма, именно Григорович показывал ему достопримечательности города на Неве.

Между тем творчество Григоровича занимает свое особое место в столь богатой на таланты русской литературе сороковых-пятидесятых годов XIX века, и его произведения по праву вошли в отечественную классику.

Дмитрий Васильевич Григорович родился 19 (31) марта 1822 года в селе Черемшан Ставропольского уезда Симбирской губернии. Отца, устроившего затем семью в Каширском уезде Тульской губернии, он лишился рано и вырос на руках матери и бабушки, которые дали ему французское воспитание, в результате чего он еще и в молодости недостаточ-

но хорошо владел «великим и могучим» и говорил с легким французским акцентом.

Восьми лет от роду его отвезли в Москву, во французский пансион, по окончании которого перевезли в Петербург и определили в инженерное училище. Скучные дисциплины, казарменный распорядок да строевая шагистика угнетали

любопытного мальчика. Единственной отрадой для него в стенах училища оказалось знакомство с также учившимся там Федором Достоевским. Это судьбоносное знакомство, переросшее затем в прочную дружбу, способствовало раннему пробуждению в Григоровиче острого интереса к литературе. Выйдя из училища, они даже одно время снимали вместе квартиру в доходном доме Пряничникова на Владимирской улице, где ныне расположен Государственный музей Ф.М. Достоевского.

Очевидное отсутствие склонности к точным наукам побудило вскоре

Дмитрия начать долгие поиски своего призвания, своего места в жизни. Какое-то время он небезуспешно учился в Академии художеств, где свел близкое знакомство с Тарасом Шевченко. Потом служил в канцелярии петербургских театров и даже пробовал стать актером. Сближение с театральным миром привело юношу к переводам модных французских водевилей, в чем он весьма преуспел. От переводов Григорович перешел к сочинению небольших рассказов. Два из них — «Собачка» и «Театральная карета» появились в «Литературных прибавлениях»

к журналу «Русский инвалид» и были еще очень слабы в художественном отношении.

«Сделаться литератором казалось мне чем-то поэтическим, возвышенным», — с усмешкой вспоминал он много лет спустя в своих мемуарах. Но до настоящего писательства ему тогда еще было далеко. На первых порах приходилось заниматься лите-

жавина), приходившегося Григоровичу дедом.

На следующий год все наследники, до того не сумевшие договориться, съехались в деревне Мармонка Тетюшского уезда Казанской губернии, куда прибыл и Дмитрий Григорович с матушкой и младшим братом Кронидом. На сей раз переговоры прошли успешно, и Григоровичи

О

чевидное отсутствие склонности к точным наукам побудило Дмитрия начать долгие поиски своего призвания, своего места в жизни. Какое-то время он небезуспешно учился в академии художеств, где свел близкое знакомство с Тарасом Шевченко. Потом служил в канцелярии петербургских театров и даже пробовал стать актером. Это сближение с театральным миром привело юношу к переводам модных французских водевилей, от которых он постепенно перешел к сочинению собственных небольших рассказов

ратурной поденщиной, которая хоть и давала некоторый заработок, однако удовлетворения не приносила. Как, впрочем, и неожиданно свалившиеся на голову хлопоты по разверстке, согласно новому законоположению, земельных наделов в подмосковном Зарайском уезде. В 1838 году матушка за старостью лет передала старшему сыну бразды правления их фамильным имением, которым, в силу природной раздражительности, отказался заниматься отец. Он также поручил жене представлять его в деле о наследстве А.В. Страхова (племянника Г. Дер-

вступили в права своей долей наследства. Впоследствии она не раз выручала писателя, в особенности, к старости, когда он вышел из моды и печатался редко.

Этот характерный эпизод относится к тому немногому, что известно о личной жизни Дмитрия Васильевича, избегавшего сообщать о ней даже в обширных «Воспоминаниях», посвященных разнообразным встречам с выдающимися людьми века. Они тоже не оставили сведений о том, как жил Григорович в разные годы, и сосредоточились на его литературной и общественной деятельности.

В 1841 Григоровичу посчастливилось встретить Некрасова, издававшего в тот период различные сборники. И вот в юмористическом альманахе «Первое апреля» за 1846 год появилось коллективное произведение трех авторов: Достоевского, Григоровича и Некрасова «Как опасно предаваться честолюбивым снам». А рядом — уже самостоятельная вещь начинающего писателя «Штука полотна». Это было начало его литературной карьеры.

кованный в первой части альманаха, который стал своеобразным манифестом новой литературной школы. Она получила название «натуральной». Писатели «натуральной школы» сосредоточили внимание на простых людях, их будничном повседневном существовании. «Чиновник» Некрасова, «Петербургский дворник» Даля, «Старьевщики» и «Кухарка» Кокорева — эти названия говорят сами за себя. Подобно им, «Петербургские шарман-

❖ **В** 1841 году Григоровичу посчастливилось встретить Некрасова, издававшего в то время различные сборники. И вот в юмористическом альманахе «Первое апреля» вскоре появилось коллективное произведение трех авторов: Достоевского, Некрасова и Григоровича «Как опасно предаваться честолюбивым снам». А рядом — уже самостоятельная вещь начинающего писателя Григоровича «Штука полотна». Это было началом его литературной карьеры

Постепенно приходила известность. Спустя некоторое время Некрасов сделал ему почетное предложение принять участие в публицистическом альманахе «Физиология Петербурга», куда давали свои произведения такие именитые авторы, как Белинский и Даль. Григорович рьяно взялся за сбор материала. Его заинтересовала жизнь уличных музыкантов, и он тщательно изучил «натуру».

В результате родился очерк «Петербургские шарманщики», опубли-

щики» Григоровича написаны в манере добросовестного журналистского расследования. Социальные причины бедственного положения людей городских низов автор не рассматривает и до художественных обобщений пороков николаевской России еще не поднимается.

Работая над «Шарманщиками», Григорович постигал секреты литературного мастерства. Достоевский прочел очерк в рукописи и указал, в частности, на сухость фразы «Пятак упал к ногам». «Надо было ска-

зять, — заметил Федор Михайлович, — пятак упал на мостовую, звеня и подпрыгивая...» «Замечание это, — писал позднее Григорович, — было для меня целым откровением». Умение, по словам Белинского, «подмечать и схватывать характеристические черты явлений и передавать их с поэтической верностью» писатель продемонстрировал в уже достаточно зрелой повести «Деревня» (1846), посвященной участи крепостного крестьянства. Форма очерка уже стесняла писателя, и в «Деревне» он сделал попытку перейти к сюжетному повествованию, хотя «очерковость» еще давила и проявлялась в том, что душевный мир героини занимал автора куда меньше, нежели внешние подробности деревенской жизни.

Несмотря на это, повесть Григоровича сразу же принесла ему громкую литературную известность. О ней восторженно отзывался Белинский, а Тургенев назвал ее «первой по времени попыткой сближения нашей литературы с народной жизнью».

Еще больший успех выпал на долю «Антон Горемыкина», напечатанного в 1847 году в некрасовском «Современнике». По сравнению с «Деревней», это был значительный шаг вперед в художественном отношении. Причем автор здесь уже не только проникновенно изображал народные страдания, но и подводил читателя к мысли, что терпение крестьян не беспредельно и может кончиться новой «пугачевщиной». Пер-

воначально в финале повести доведенные до отчаяния мужики брались за дреколье. Цензура, однако, не пропустила в журнал этот вариант финала. Но и в «урезанном» виде она производила сильное впечатление.

Современники встретили эту повесть как важное общественное событие. Тургенев, Салтыков-Щедрин, Герцен, Толстой называли «Антон Горемыкина» в числе произведений, повлиявших на развитие русского демократического движения и открывших новые литературные горизонты для эпического романа из народной жизни.

«По достоинству» оценил повесть Григоровича и особый Комитет по делам печати, зачислив «Антон Горемыкина» в разряд «наиболее опасных сочинений года», в одном ряду со статьями Белинского и Герцена. Григорович не испугался и продолжал оставаться верным своему мировоззрению, сформированному «Натуральной школой». Другое дело, что нужно было как-то обходить цензурные рогатки. Впрочем, не ему одному.

1848 год знаменовал для России начало «мрачного семилетия». Напуганный французской революцией, Николай I усилил до предела гнетущее давление на либеральное движение и общественную мысль. Появился новый цензурный устав, получивший среди литераторов название «чугунного». Любое проявление вольнодумия жестко каралось.

Выслали из столицы Салтыкова-Щедрина, вынужден был эмигрировать Герцен, подвергся разгрому кружок Петрашевского, над участниками которого, включая Достоевского, инсценировали жуткую процедуру расстрела, а затем отправили их на каторгу. Белинского от каторги спасла смерть.

В такой обстановке затрагивать в литературном творчестве крепостное право нечего было и пытаться. Тем более что Григорович пользовался в чиновничьих кругах репутацией «неблагонадежного». «Цензурные дела так плохи... — отмечал он в 1850 году, — подавать мои повести не совсем безопасно». Речь шла о сатирических повестях и рассказах о пустопорожних людях большого света — «Похождения Накатова, или Недолгое богатство», «Свистулькин» и других. Не достигала былой обличительной силы и новая повесть Григоровича из крестьянской жизни «Четыре времени года» (1849), где он старался не касаться мрачных сторон деревенского быта.

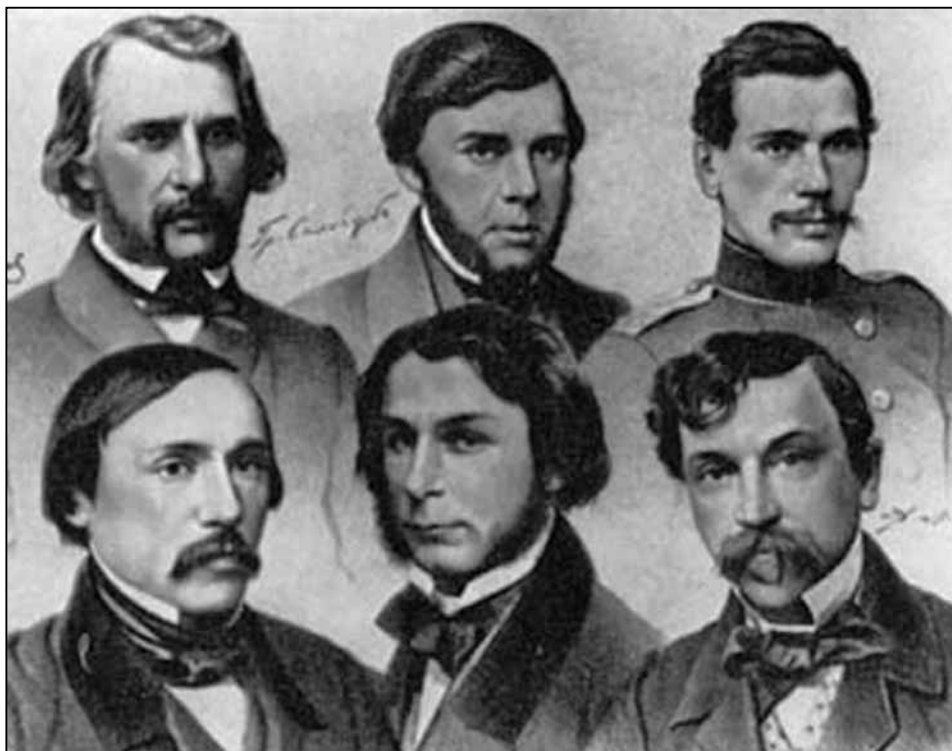
Глубоко подавленный, он подумывал даже оставить литературу, однако не писать уже не мог. «Кто литературы отведает, — признавался он в одном из поздних писем, — тому она всасывается в кровь и становится насущной потребностью в жизни». Откликаясь на зреющую литературную тенденцию, Григорович попробовал свои силы в создании произведения «большой формы», отражающего современную действительность. В 1852 году вышел его роман «Проселочные доро-

ги», повторяющий фабулу «Мертвых душ» — путешествие героя по провинциальной России. Ориентировался Григорович и на сатирическую манеру Гоголя, но мало что смог добавить к уже сказанному великим писателем. При этом его роман страдал композиционной рыхлостью и затянутостью.

Неудача первого романного опыта, однако, не обескуражила автора, и он предпринял еще одну попытку широкого изображения «живых сил нации» в романе «Рыбаки» (1853), по несколько раз переделывая написанное. «Рыбаки» убедительно показали также новую общественную силу — пролетариат. При этом у Григоровича резко изменилось отношение к исконной «народной кротости». В следующем романе «Переселенцы» он изобразил тип смиренного мужика уже безо всякого сочувствия и винил во всех выпадающих на его долю бедах именно крестьянское долготерпение.

«Народность» вливалась в эти произведения критического реализма вместе с типичным русским пейзажем, песнями, поговорками, пословицами, отражающими национальное самосознание великороссов. «Переселенцы» вышли в 1856 году с подзаголовком «роман из народного быта». После смерти Николая I и ожидаемой отмены крепостного права все общественные надежды устремились на народ. Григорович уловил в романе это господствующее настроение, высказав мысль о возможности улучшения жизни крестьян путем гуманно-

Группа писателей журнала «Современник»: И.С. Тургенев, В.А. Соллогуб, Л.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, Д.В. Григорович, И.И. Панаев

го обращения с ними помещиков. Увы, филантропических паллиативов для реального решения этой наболевшей проблемы было явно недостаточно, как отмечал в своей рецензии доброжелательно в целом встретивший «Переселенцев» Чернышевский.

Захваченный развернувшейся в литературной жизни борьбой идей и направлений, Дмитрий Васильевич, по всей вероятности, упустил личное счастье, лишив себя семейных радостей и тепла домашнего очага. Его семьей сделалась на долгие годы редакция некрасовского «Современника». Искушенный в издательском бизнесе Некрасов навязал ему так называемое «обязательное соглашение», согласно которому Григорович, Тургенев, Островский и Толстой должны были отдавать все свои новые произведения только в некра-

совский журнал. Кроме очевидной коммерческой выгоды это соглашение способствовало консолидации ведущих писателей эпохи вокруг самого прогрессивного и значимого печатного органа тех лет. Дмитрий Васильевич понимал важность подобного шага и писал Некрасову: «Радостно принимаю предложение ваше...»

В «Современнике» Григорович опубликовал в 1857 году остросатирические «Очерки современных нравов», в которых ставил диагноз нравственной болезни тогдашнего чиновничьего сословия — бездушие, карьеризм, низкопоклонство. С большим интересом был встречен читателями и злободневно-обличительный рассказ «В ожидании паром», рисующий фигуры либерала, помещика-крепостника в компании отставшего от жизни обедневшего дворянина.

В известной мере отставшим от жизни почувствовал себя в середине 50-х годов и сам писатель. На это настроение наложилось его предчувствие надвигающегося творческого кризиса. «Никогда еще не сомневался я в себе так сильно, как теперь; бывают дни, что я совершенно падаю духом», — признавался он в письме к критику и переводчику А. Дружинину, возглавлявшему группу консервативных литераторов — приверженцев «чистого искусства», которые боролись с влиянием Чернышевского и других революционных демократов.

В начале нового десятилетия, когда в редакции «Современника» произошел раскол между группой писателей-дворян и молодыми радикальными разночинцами, Григорович решительно поддержал первую группу и покинул журнал. С той поры он крайне неприязненно относился к лидеру литераторов-разночинцев Н. Чернышевскому, который, в свою очередь, подверг его и Тургенева резкой критике в статье «Не начали ли перемены?»

Шла борьба мировоззрений, определившая характер общественного движения и развития литературы бурных шестидесятых годов XIX столетия. Григорович оказался исключен из этой борьбы, поскольку цельным мировоззрением не обладал, что и явилось причиной надвигающегося спада его творческой активности. Надеясь обрести душевное равновесие, он принял предложение морского министерства совершить и описать, по примеру

Гончарова, дальнейшее плавание на военном корабле.

В 1858 году Дмитрий Васильевич вступил на борт эскадренного броненосца «Ретвизан» и побывал вместе с ним в Дании, Германии, Франции и Испании. Путешествие не принесло ему ожидаемых результатов, путевые заметки остались незаконченными. Григоровича, всегда опиравшегося в своем творчестве на русскую действительность, не могли захватить красоты чужих земель в момент, когда на родине решался судьбоносный вопрос отмены крепостного права.

Пореформенные реалии вновь оживили воображение стареющего писателя, выпустившего в 1864 году роман «Два генерала». Роман стал убедительным свидетельством того, что никакого урока из нового уклада помещики не извлекли. Символом их ретроградства и косности, впечатляющим образом оскудения дворянской России становится в романе старая помещичья усадьба — «ненасытный верзила», по определению хозяев, готовая вот-вот рухнуть, невзирая на постоянные починки доморощенных плотников.

А вот, в отличие от Тургенева, печалившегося оскудению и распаду «дворянских гнезд», Григорович изобразил поколение «новых людей», идущих на смену отживающему классу, в карикатурном свете. Он не увидел в революционно настроенной молодежи того благородства, честности и тех твердых убеждений, которыми наделил Тургенев Базарова в романе «Отцы и дети». Воз-

можно, поэтому автор остался неудовлетворен так и не оконченным романом. Критика тоже отнеслась к нему холодно.

Взвесив все обстоятельства, Дмитрий Васильевич посчитал для себя необходимым распрощаться с литературой и отдаться служению «другой музе». В 1864 году он принял предложение занять пост секретаря «Общества поощрения художников». «Искусство, — писал Григорович, — увлекало меня всегда не менее литературы, быть мо-

лярные конкурсы среди учащихся, победители получали возможность продолжать образование на казенный счет. Любимым детищем Дмитрия Васильевича явился созданный им под эгидой Общества художественный музей. Пресса утверждала, что он «смело может быть поставлен наряду с лучшими подобными же музеями Европы». Эта неустанная деятельность отнимала все силы и время. «Общество поощрения художников» и Рисовальная школа вновь заменили старому писателю семью.

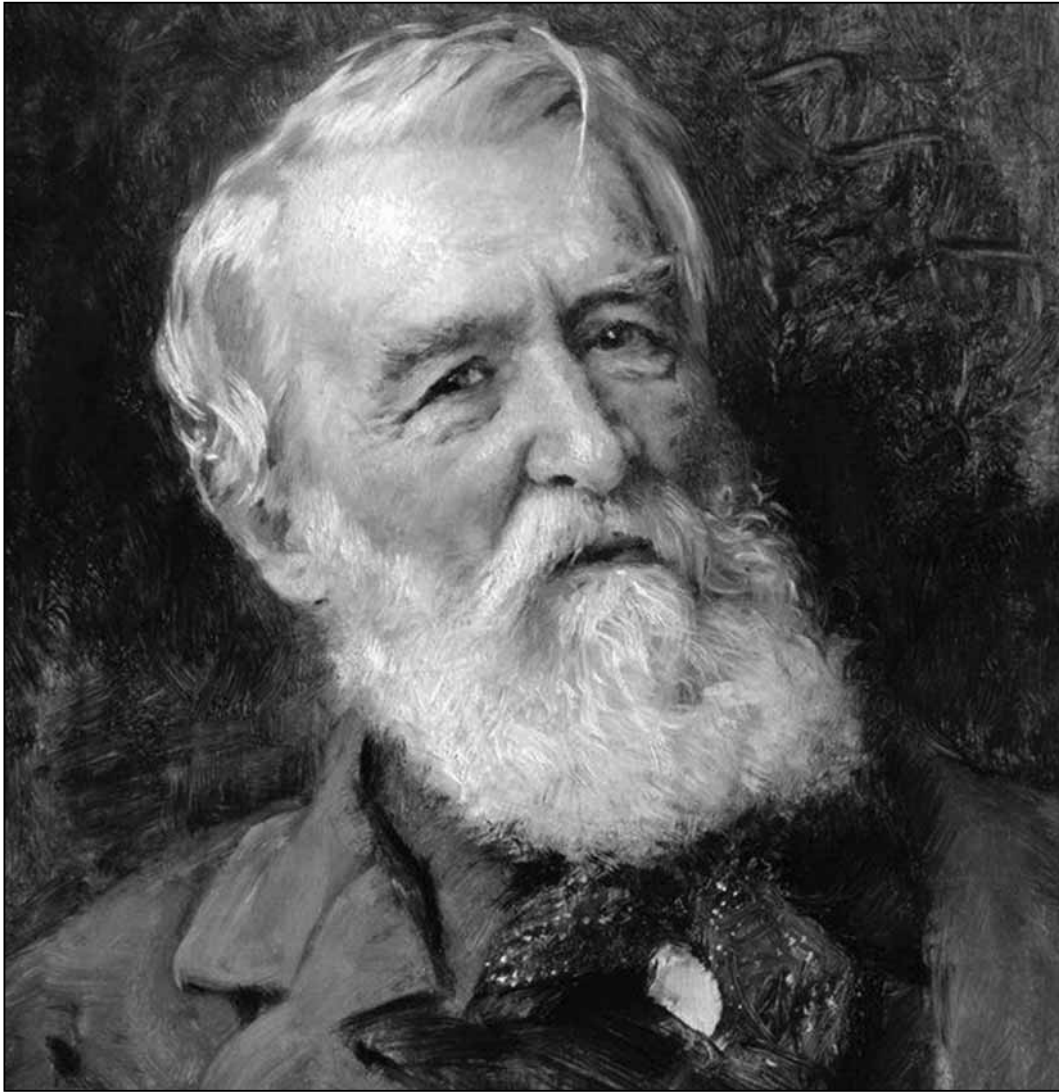
Так как критика холодно принимала его романы, Дмитрий Васильевич решил навсегда распрощаться с литературой. Минуло целых два десятилетия, прежде чем имя Григоровича вновь появилось в печати. Его новая повесть «Гуттаперчевый мальчик» была названа критиками «маленьким шедевром». Даже уже смертельно больной Тургенев откликнулся на ее выход прочувствованным письмом автору

жет, даже более». С юных лет он собирал произведения живописи и снискал репутацию большого знатока и эрудита в кругах коллекционеров. Ему принадлежит ряд искусствоведческих статей, посвященных русской и европейской живописи. Причем сам писатель обладал недюжинными художественными способностями.

В Рисовальной школе при Обществе новый секретарь собрал сильнейших художников-педагогов, благодаря его заботам упорядочились выставки, стали проводиться регу-

Деятели искусства оценили заслуги Дмитрия Васильевича. В 1881 году Попечительский совет Общества принял решение установить скульптурный бюст писателя в созданном им музее, чему до тех пор не было примеров.

Минуло целых два десятилетия, прежде чем имя Григоровича вновь появилось в печати. Причем столь длительное молчание не сказалось на мастерстве писателя. Его новая повесть «Гуттаперчивый мальчик» (1883) была названа критикой «ма-

леньким шедевром». Уже смертельно больной Тургенев откликнулся на ее выход прочувствованным письмом автору.

В этой повести Григорович поднял волнующую тему обездоленного детства. Период бурного роста капитализма в России 80-х привел к разорению массы мелких кустарей и ремесленников. Появилась армия безработных, чьи дети обречены были стать беспризорными. Как наглядный пример этому Григорович описал историю жизни маленького циркового артиста, лишившегося детства. Описал без сентименталь-

ности и морализаторства, отказавшись даже в духе критического реализма от благополучной развязки.

Повесть «Гуттаперчивый мальчик» пережила свое время. Искренняя человечность и напряженный, драматичный сюжет обеспечили ей две киноэкранизации — в 1915 и 1957 годах. К сожалению, то был последний взлет писательского таланта Григоровича. Он, стоявший прежде в одном ряду с Тургеневым, Некрасовым, Островским, тяжело воспринимал потерю статуса «властителей дум», но имел мужество винить в этом только себя. Зато литературное

чутье и безупречный вкус Дмитрий Васильевич сохранил в полной мере. В 1885 году он прочел в «Петербургской газете» рассказ «Егерь» никем еще не признанного автора А. Чехонте, подвизавшегося во второсортных журналах, и сразу же разглядел в нем искры подлинного дара.

«Я сам отлично помню, — свидетельствовал А. Плещеев, — как носился Дмитрий Васильевич Григорович с этим рассказом... читал его во многих литературных кружках, прочтя автору славную будущность». Для Чехова, который поначалу жаловался на поверхностные суждения критики, похвала и участие маститого литератора старшего поколения было особенно дорого.

Тогда же Григорович вновь попробовал свои силы в качестве литературного переводчика. Его перевод повести П. Мериме «Этрусская ваза» по сей день остается непревзойденным и включается во все издания произведений французского классика.

Книгой же, которая подводила итог творческого пути писателя, явились «Литературные воспоминания» (1892). В них Дмитрий Васильевич стремился дать представление о пестрой литературной жизни 40-х и 50-х годов, жалуясь в письме на препятствия, мешавшие ему в конце века при создании мемуаров. «Я встречался со столькими людьми, что поневоле приходится иногда касаться живых. Тут как быть? Трудная задача — куда труднее, чем писать роман...» Возможно, поэтому «Литературные воспоминания» Гри-

горовича обрываются на середине, 1864 годом, годом, когда он временно отошел от литературы.

Подходила к концу плодотворная одинокая жизнь большого светлого человека, страстного обличителя общественных пороков и, вместе с тем, мечтательного идеалиста. Примечательно, что книги его приняла и сохранила в памяти именно та «сермяжная Русь», литературному служению которой он посвятил свое перо. В день пятидесятилетия творческой деятельности Дмитрия Григоровича представитель народа приветствовал юбиляра следующими словами: «Один из тех серых мужиков, кому вы сделали столько добра, хочет поблагодарить вас за ваши труды».

Крупнейший дореволюционный российский юрист, судья, государственный и общественный деятель А. Кони в статье «Памяти Д.В. Григоровича» отмечал его удивительную порядочность, благородство и широту натуры. «Чуждый зависти и крайнего самомнения, способный сознаваться в своих промахах и ошибках, дружелюбно, вопреки господствующим нравам, отзывавшийся о товарищах по перу, он... блестящий собеседник, приковывавший к себе общее внимание и овладевавший им всецело...»

Скончался Дмитрий Васильевич 3 (15) января 1900 года в возрасте 77 лет и был похоронен на Литераторских мостках Волковского кладбища. Лучшие книги его по-прежнему занимают свое место на полках библиотек и в школьной программе по литературе. □

Анри Рачков

ЮЛЕНЬКА

(Из «Книги воспоминаний»)

Я не собирался рассказывать о своих возлюбленных. Но моим планам помешала увиденная как-то по телевидению небольшая передача, посвященная беседе с известным режиссером Александром Бурдонским, известным, между прочим, не только своим творчеством, но и, пожалуй, еще более тем, чьим сыном он является.

Боже, как же она похожа на своего родного, а вернее сказать, сводного брата! И еще больше — на его отца. Юленька встала передо мной, как живая...

Познакомились мы с ней на обычной вечеринке. Мы с Володей Кл. были сослуживцами и друзьями. Оба — по разным причинам — лишились своих жен и надеялись обрести новых. Он позвал меня в гости. В простенькой двухкомнатной квартире хрущевской пятиэтажки в Марьиной роще мы нажарили бифштексов и ждали приглашенных им гостей. И вот появляются две молоденькие девушки («Они из циркового училища», предупредил меня хозяин). Та, что поменьше, привлекла мое внимание. Плотненькая, ладненькая, то ли цыганочка, то ли евреечка, а может, и грузинка. Нет, определенно не цыганка, подумал я, и не еврейка.

Она как уставилась на меня взглядом своих темных глаз, так до самого конца нашего небольшого пиршества больше и не отпускала. «Пойдем, погуляем», — предложила она, и я с удовольствием согласился.

Вышли из душного помещения на свежий воздух и пошли по улицам. Она, по ее словам, «артистка цирка», сейчас не работает. Ей 20 лет. Забрели в какие-то темные трущобы, не помню, то ли Арбата, то ли Центрального рынка на Трубной. Была поздняя осень. Темно, хоть глаза выколи. Какие-то старые строения барачного вида, хибары.

— Куда идем? — спрашиваю.

— Хочу показать тебе одно место.

Место оказалось серьезно затерянным. Ходили по не освещенным дворам, натыкались на какие-то бараки, стучали. Я уже тянул ее за руку: «Пойдем — безнадежно». Но она упорно старалась проникнуть сквозь наглухо закрытые двери. Мне стало страшновато. Хоть тогда и не было такого дикого разгула преступности, но все же. Вдруг сказала: «Нашла!» Что нашла? В такой темноте? Постучала в какой-то старый-престарый подъезд. Никто не отзывался. Еще раз — с тем же успехом.

— А кто там живет?

— Старые цирковые артисты. Я как-то раз была у них...

— Всего один раз? И нашла в такую ночь?!

Я хотел снова потянуть ее за руку, но внутри дома вдруг что-то шевельнулось, скрипнуло.

— Зайдем в гости! — обрадовалась она.

— В гости? Глубокой ночью?

Сквозь двери проник звук:

— Кто там?

— Бабуля, это я, Юля!.. С другом.

В дверную щель выглянула старая женщина:

— Это ты? Откуда? Так поздно?

Мы вошли в комнату. Юля осмотрелась и спросила:

— А где дед?

Дед уже накинул на себя какой-то серый в лохмотьях халат и сидел в старом кресле. Лицо его показалось мне знакомым, похожим на виденного когда-то в детстве на арене цирка клоуна. Даже фамилию припомнил, иностранная, вроде Андерсен...

Жилище было бедное, хозяйка засуетилась, на столе появились наполовину заполненная бутылка с вином, рюмки.

Юля стала расспрашивать про отца: жив ли, где он? Старики сказали, что точно не знают, но люди говорят — был выпущен из заключения, одинок, мотался пьяный по Казани, там и умер, прямо на улице... Она громко заплакала.

Имя названо не было, но из разговора можно было уже догадаться, о ком шла речь. Я, представленный как друг, должен был быть, конечно, в курсе, поэтому и произнес с важным видом:

— Я тоже слышал, что Василия Сталина освободили, он крепко пил. — И еще добавил: — Его нашли мертвым в канаве.

Старики промолчали, а моя знакомая зарыдала:

— Значит, так и не увижу его...

Я подумал, что она специально привела меня сюда, чтобы другие подтвердили, чья она дочь. Но я еще плохо знал ее. Она на самом деле давно хотела посетить стариков, чтобы что-нибудь узнать об отце. А лезть в «родственники» никогда не собиралась, да и самолюбие не позволяло... Характер у нее был такой. Мы встречались потом с ней с разной частотой еще долгие годы. И я узнал его во всей красе.

Ей было 20, мне — ближе к 40. Но нашими отношениями целиком управляла она. Не командовала, никогда не скандалила, но делала всегда только то, что хотела. Приходила, когда хотела, и уходила тоже, когда хотела. К сожалению, пила много. Приучилась, наверное, в цирковом училище, которое уже бросила. Вот главная причина, почему я все не мог решиться на женитьбу. Она же очень хотела этого, но никогда даже не заикнулась. Пожалуй, только раз, о котором расскажу позже. Долгое время держала меня, как на привязи.

Как только заведется у меня лишняя десятка (у нее денег никогда не было), пропивали ее в кафе-мороженом на Арбате. Заказывали по сто грамм коньяка, мороженое и сидели, тихо общались, обоим было уютно и комфортно. Потом она пропадала днями, а то и неделями. Приходила обычно выпившая, но мне казалось (и теперь кажется), что физически мне не изменяла... А меня однажды «застукала».

Я пригласил в свою келью на втором этаже хрущевской пятиэтажки одну перспективную даму. «Перспективную» — в смысле возможной женитьбы и поездки в длительную заграничную командировку. И вот тут как раз и является Юленька. Естественно, выпившая. Звонит. Я приложил палец к губам, киваю даме, мол, нас нет. Но моя милая не уходит. Догадалась, что мы здесь, продолжает стучать, ходит под балконом, кричит: «Вы здесь! Откройте!!» Я знал, что не отстанет, поднимет скандал на весь дом. Кивнул знакомой: «Будете уходить, захлопните дверь». Спустился вниз, взял сразу притихшую подружку за руку, она была смущена и послушно последовала за мной. Сели в метро, и я проводил ее домой.

Переночевал у родителей, наутро вернулся домой, там — ни дамы, ни даже записки...

Юлина мама была испанка, вероятно, из той волны испанских беженцев, что прибыла к нам после прихода к власти Франко еще в конце 30-х. Работала в цирке, кем, не знаю, умерла в 28 лет. («Я тоже умру в 28», любила говорить Юля. Ошиблась, это случилось в 56). После ее смерти Юлю, по ее путаному рассказу, то ли старший брат, то ли дядя, о котором она вспоминала с неприязнью, увез на родину, но, видно, наткнувшись на ее трудный характер, поспешил вернуть обратно в СССР. Ее удочерили мамыны друзья: Александр Леонтьевич (по фамилии, похожей на Шапиро, это уже меня

подводит память) и его жена «доктор наук по математике», как сказала про нее Юля. Отчество взяла у приемного отца, а национальность и фамилию — у такой же мамы. Получилась Юлия Александровна Н — ва, зырян-ка. Оба родителя работали в системе цирка.

Проживала Юленька в большой коммунальной комнате на 6-м этаже огромного сталинского дома на Рочдельской улице, недалеко от метро «Краснопресненская». По случаю ее дня рождения в ней собрались приемные родители и их друзья, как видно, работники Госцирка, с детства знавшие именинницу и ее маму. В центре внимания явно была виновница торжества, а не явно — моя персона. В ее честь звучали шумные тосты, громкие поздравления. При этом в комнате висела какая-то недосказанность, чудились произнесенные молчаливые намеки.

После застолья, когда гости разошлись, Александр Леонтьевич имел со мной «доверительный разговор». Вы знаете, кто она, сказал он, и знаете ее характер. Поэтому я надеюсь на вашу порядочность и не стану вмешиваться в ваши отношения... Решайте сами.

Еще бы он вмешался! Она давно уже была абсолютно самостоятельна. И жила по своим собственным законам. А жениться на ней было невозможно. Я ведь собирался ехать за границу, а там она могла выкинуть... ну, бог знает что. Хотя бы смотаться куда угодно... С Александром Леонтьевичем мы встречались потом не один раз, отношения были очень дружелюбные, он подарил мне теннисную ракетку, врученную ему приезжавшими к нам знаменитыми теннисистами. Но никогда больше никаких намеков не делал.

А способности у Юли, при ее невежестве, были необыкновенные. Однажды она сильно удивила меня. Мы проталкивались сквозь человеческое многолюдье на подходе к метро «Александровский сад». Были уже у ступенек, когда она вдруг говорит: «Вон твоя жена». «Какая еще жена? Что ты несешь?..» «Она остановилась... Смотрит на тебя...» Я обернулся — действительно на небольшом расстоянии в толпе стояла Мила. Что было делать? Подошел:

— Откуда ты?.. Ну, как поживаешь, как наша Маша?..

— Ладно уж, иди... Вон, тебя подружка ждет, — ответила она, махнув рукой, и отвернулась.

Как Юля могла узнать жену, которую никогда не видела, да еще в толпе людей?.. Спросил ее. «Да ведь ты же сам показывал мне ее фотку!» С трудом вспомнил, действительно, как-то по ее просьбе дал посмотреть фотографию, содранную из какого-то удостоверения, и тут же отобрал обратно. С одного взгляда узнала ее среди множества проходивших людей! Чудеса, да и только!

В другой раз одна моя хорошая знакомая из библиотеки ТАСС вдруг спрашивает: «Что это ты подослал ко мне свою подружку?» Оказывается,

Юленька подсмотрела в моем блокноте ее телефон, позвонила, познакомилась. Потом даже подружилась, уговорила встретиться, и только когда стала расспрашивать про меня, тем и проговорилась. И как же ей, незнакомке, удалось договориться о встрече с такой осторожной Валентиной?

Да и знакомства у нее были удивительные. И весьма разнообразные...

Вдруг говорит:

— Хочешь, познакомлю тебя с Булатом?

— Каким еще Булатом?

— Окуджавой.

— А откуда ты его знаешь?

— Ну, хочешь?..

— Нет, не хочу. Кто я — и кто он!.. У них там поэзия... вольница. А я — служащий: на работе — от и до...

Она почему-то считала меня кем-то из их среды, достойным элиты. Верила в мой несуществующий талант. А в конце была, кажется, сильно разочарована...

В другой раз спросила:

— Ты знаешь артистку Окуневскую?

— Слышал... Была такая. Кажется, даже — народная... Про нее еще говорили, у нее что-то с самим Сталиным было... — Совсем забыл тогда, что ведь и она имела к нему какое-то отношение.

— Хочешь, познакомлю?..

— Будет тебе, ее, наверное, давно и в живых-то нет.

— Нет, с живой...

Я это и всерьез не принял, уже и думать перестал... Вдруг звонит мне в ТАСС: приходи, тут от тебя неподалеку... Я даже не понял толком, для чего идти, но она уговорила, дала адрес. Я, заинтересованный, после работы пришел...

Действительно, в одном из домов Арбата, в большой комнате с роскошной старой мебелью — сидит перед высоким зеркалом еще моложавая приятная женщина, похожая на Окуневскую, которую и видел-то, может, всего один раз когда-то много лет тому назад в театре.

— Вот... Он хотел с вами познакомиться, — объявила Юля.

— Ну, что ты... — Я не знал, куда деться от смущения.

Окуневская сидела на тумбочке перед зеркалом и наводила марафет, прихорашиваясь. Вместе с поджидавшим ее невысоким мужчиной театрального вида они собирались отправиться на какой-то банкет. Она внимательно посмотрела на меня и пригласила нас пойти вместе с ними.

— Что вы, какой банкет, я служу, завтра на работу к 9...

— Тогда я пойду с вами одна, ведь можно, да?

И Юля, обрадованная согласием, захлопала в ладоши.

Потом я пытался расспросить ее: ну, что там было и как. Она стала смеяться:

— Ну, пили, ели, танцевали под музыку... Потом спать легли.

— Это в каком смысле?..

— В прямом. — Она продолжала хихикать, и я ничего больше от нее не добился.

Были у нее знакомства и иного рода. Как-то пригласила к себе на Рочдельскую. Не хотелось идти, но уговорила. Разделся в коммунальном коридоре, захожу: ба, целое бабье царство! На столе — водка, простенькая закуска. На тех же местах, где еще недавно сидели родственники и друзья ее матери, теперь за столом расселись малоприятные девицы, среди них — Юленька. Хихикает. При моем появлении все смолкли и уставились на меня. Та, что постарше, заорала:

— Ты что же это пустой пришел, без бутылки?! Такой, сякой, разэтакий! — И все матом!

Я с изумлением посмотрел на свою подружку — что происходит? А она смеется, остальные тоже пьяные, тоже смеются. Мне бы надо было развернуться да уйти, но я смалодушничал, решил показать себя «своим парнем». Присел, даже, кажется, выпил рюмку. Потом, когда все уgomонились, поднялся и ушел. А потом все никак не мог понять, для чего она все это устроила? Только позже дошло — она же отомстила за ту даму, с которой меня «застукала». Подумала, что у меня с ней что-то серьезное.

Какое-то время мы не виделись, потом она вдруг заявляется ко мне и говорит:

— Я залетела! Буду рожать!

— Ты с ума сошла! Не смей и думать! Ты же знаешь мое положение, как я смогу помогать?...

— И не надо, обойдусь без твоей помощи...

Я пытался еще ее уговорить, даже пригрозил:

— Смотри, останешься одна!

Но она уперлась: «Рожу и все тут!» Развернулась и ушла.

Шли месяцы, она не появлялась. Я уже (втайне даже с некоторым сожалением) подумал, что все утряслось. И вдруг — категоричный звонок:

— Приду к тебе на два-три дня пожить!

Пришла — уже с большим животом и предупредила:

— Если что начнется, вызовешь «скорую помощь».

Оказалось, все время колебалась, и только теперь приняла окончательное решение. Эти дни были, пожалуй, самые мирные в нашей жизни. Так ничего и не сказала о том, что с собой сделала. Но когда я уже почти

примирился с новым положением, начались преждевременные схватки. Я вызвал «скорую», которая увезла ее в роддом.

Позже навестил ее в роддоме. Животик уже сдулся, она была весела и верховодила среди девиц-рожениц. Рассказывала о враче-акушере:

— Это квадратный детина с огромными волосатыми ручищами, но такими нежными, что все девки в него влюбились!

— Ну а ребенок? Кто родился?

— Мальчик. Еще живой, в закрытой люльке.

«Живой!» Я почувствовал, как во мне что-то поднимается. К черту все! Женюсь! Помчался искать врача — действительно, горилла — небольшого роста, но огромный. Бросился к нему, словно к отцу:

— Спасите!

— Невозможно, — понимающе покачал он головой и добавил: — Раньше надо было думать, молодой человек!

Потом я расспрашивал Юленьку: «Ну как, похоронили?» Отвечала неохотно: «Какое там... Их там куда-то отвозят...» Грех так и лежит на душе...

А ведь могла обмануть, скажет кто-нибудь. Но я был убежден и тогда, да и сейчас тоже: нет, не могла... Не так скроена...

После всего она все-таки вышла замуж и родила сына. Позвонила мне и похвасталась:

— Вышла за генеральского сынка! Приходи — сфотографируешь меня с сыном в коляске...

Я пришел в садик между Рочдельской и метро, сделал несколько снимков, все отдал ей. Теперь жалею, что ни одного не оставил себе...

Думал, успокоилась, наконец. Но, видно, не все у них там было ладно. Я уже женился на Нине Ивановне, справляли какой-то праздник или день рождения, уже не помню.

Вдруг Юля неожиданно зачем-то позвонила и бросила в трубку:

— Я сейчас приеду.

Пришла — выпившая, конечно. Увидела жену и, похоже, расстроилась. А я подумал: «Так-то, чем я хуже?» Вела себя отвратительно, приставала к гостям, всем мешала. Пришлось мне позвонить ее мужу. Он вскоре пришел — невысокий паренек крепкого телосложения, довольно приятный лицом. Действовал решительно: пытался увести, она не подчинялась, прижал при всех к полу, похлопал по щекам, она сделала вид, будто потеряла сознание. Представляю, как эта безобразная сцена была унижительна для нее... Кончилось тем, что он поднял ее на руки и унес.

Так, видно, ничего у них и не вышло. Зато остался сын. Уже в злополучные 90-е она опять мне позвонила:

— Максим — успешный коммерсант! Продает машины, хочешь, подарю тебе одну?.. — И еще, якобы, сын купил дом на Рублевке.

В последний раз она появилась, когда я был уже на пенсии. Позвонила, конечно, под градусом: можно, возьму тачку и приеду?

Я знал, все равно приедет, и спросил жену:

— Помнишь, я тебе рассказывал про Юлю, она хочет приехать...

Жена, женщина любопытная и решительная: а пусть приезжает!

Приехала... с «хвостиком» — вместе с какой-то послушной девицей и с бутылкой дорогущего коньяка.

Сели за стол, выпили. В ходе беседы Юля сказала, что хорошо меня знает. Жена тут же в ответ: «Я лучше...» — «Нет, я лучше...» — «Нет, я!» Обе были достаточно просты, вот и сцепились...

— Дуры!! — заорал я. — Замолчите же, наконец!

Потом пошел провожать ее с «хвостиком». Она остановилась и говорит:

— Дальше не надо, возьмем тачку.

Я молча повернулся и направился к дому, но на отдалении остановился — захотелось посмотреть, что будут делать. Они немного постояли на улице и пошли в метро. А я подумал, значит, денег нет, а зачем тогда коньяк? Все то же желание — пофорсить...

А жена до сих пор не может простить:

— Как ты мог допустить, она же так грубо с тобой разговаривала!

Но я-то знал, просто злилась из-за ревности...

...Прошло еще много лет, она давно уже не звонила. Позвонил я, интересно было, как там она? Долго никто не подходил. Наконец — женский голос. Попросил позвать Юлю. На том конце провода поколебались, потом ответили:

— А ее нет.

— Когда можно позвонить?

Опять колебание. И ответ:

— Она умерла...

— Когда?! — сразу перехватило в горле. Этого я никак не ожидал.

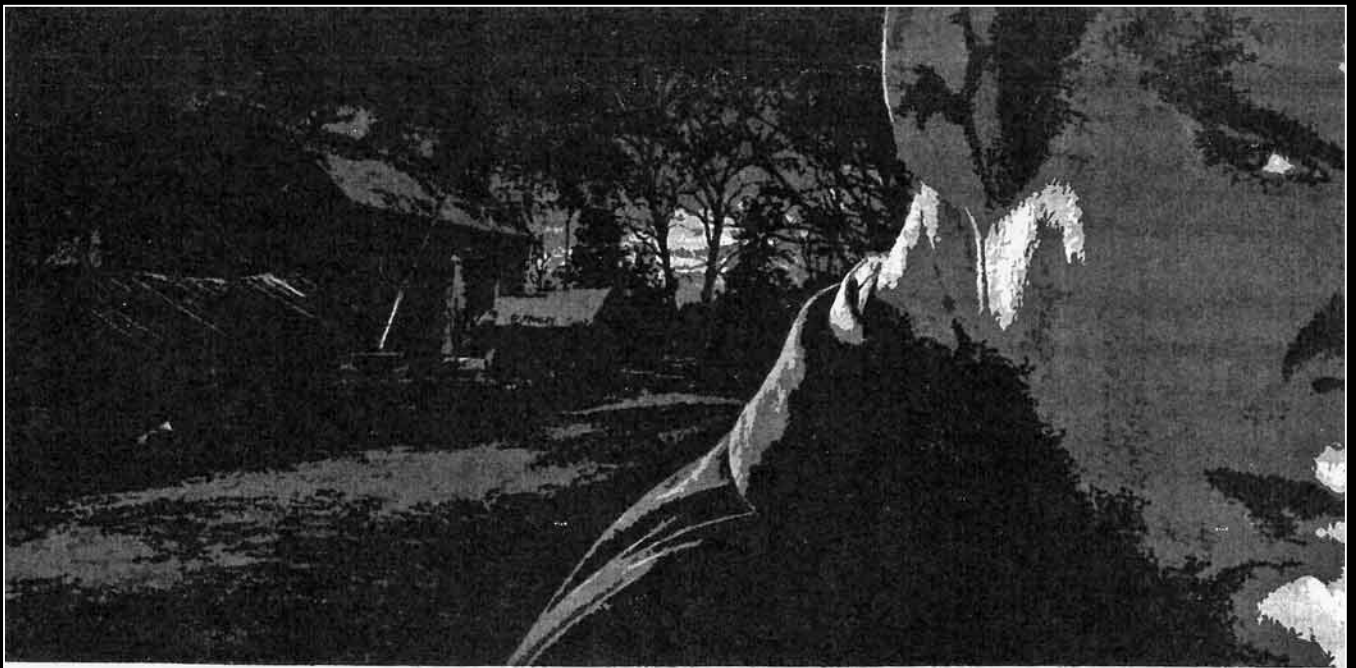
— Недавно.

Судя по всему, отвечала не родственница, прислуга. Я представился, рассказал, что старый друг, давно не звонил. Спросил, отчего умерла — много пила? Да... Сколько ей было лет? 56... А кто с ней жил? Сын...

— А я его еще в коляске фотографировал.

Оставил для сына телефон: может, позвонит, если захочет.

Не позвонил... □

Белый лебедь

ГЛАВА 6

Сергей ничего не боялся. Он был почти счастлив. В нем появился росток надежды на взаимность.

Анализируя ситуацию с арестом, Сергей все еще надеялся, что произошла какая-то ошибка или нелепое стечение обстоятельств. Но почему Вера говорила тогда, во время свидания, что из-за нее могут быть неприятности? Значит, это проделки сумасшедшего генеральского сынка? Неужели и отец — солидный генерал — ввязался в эту грязную историю? По-другому не получается. Офицер же сказал, что с Биндюренко все согласовано. Все равно какая-то ерунда. С ним все можно было решить проще, не устраивая цирк с отравлениями...

В полицейском участке происходили странные вещи. Сергея почему-то не допрашивали, а сразу посадили в «обезьянник», и вот уже шесть часов он томился в ожидании развязки.

В камере кроме него находились два странных персонажа, совсем не похожие на преступников. Они играли в карты. Один из них — Кирилл, как он сразу же дружелюбно представился Сергею, — походил на выпускника военного училища: с короткой стрижкой, угловатый, но хорошо накачанный парень. В его взгляде не было злобы и коварства, которые так легко выдают уголовника. При знакомстве он даже слегка смутился, а перед раздачей карт стал нервно хрустеть суставами пальцев. Сергей обратил внимание, что карты он сдавал неуверенно, путаясь, как будто не играл в них много лет.

Второй же, сорокалетний тип, именовал себя Трофимом и больше походил не на асоциальный тюремный элемент, а на священника, но только

Окончание. Начало в №4, 2017 г.

очень неприятного и неряшливого. Выделялась в его отталкивающем облике спутанная, как будто долгое время не мытая черная борода и выпуклые, как от базедовой болезни, большие мутноватые голубые глаза.

Оба соседа были немногословны, даже друг с другом, и очень странно напряжены. Они как будто чего-то ждали, перекидываясь в «дурака» и крайне неестественно, картинно изображая из себя завсегдаев тюремного мира...

Наконец в камеру вошел дежурный офицер и объявил, что звонил следователь, и разбираться со всеми будут только утром.

Сергей понял, что спорить бесполезно. В его памяти стояли полные слез глаза любимой девушки.

«Нет, мне надо идти до конца. Я обязан выжить, чтобы хотя бы еще раз увидеть Веру...» — подумал он.

В десять часов вечера Сергею очень захотелось спать. По армейской привычке, он нашел для себя относительно удобную позу в состоянии сидя, закрыл глаза и погрузился в сон. Ему снилась Она. Вера бежала по поляне в цветастом сарафане и что-то пела. Сергей не слышал ее голоса. Вместо него звучала завораживающая органная музыка Баха. Она вдруг посмотрела на Сергея своими огромными неземными глазами, в которых читался крик о какой-то чудовищной опасности, и он, мгновенно проснувшись, услышал шорох, будто кто-то тихо крался к нему. Школа внешней разведки тренировала реакцию на подобные шумы. Северов слегка приоткрыл глаза, но на доли секунды не успел отреагировать... и почувствовал удар по голове, а пара сильных рук стала душить его.

«Хорошо, что успел проснуться, — мелькнуло в голове. — Вера предупредила». Спящий человек всегда уязвим. У него отключены центры координации, и справиться с ним очень легко даже ребенку.

Сквозь темноту, царящую в камере, Сергей по бороде без труда узнал Трофима и на автомате, как на тренировке в разведшколе, применил болезненный прием — молниеносный удар одновременно в область глаз и солнечного сплетения. Потные руки на шее разжались, и Трофим со стоном схватился за глаза. В этот момент Сергей увидел силуэт другого человека, заносившего над ним нож. На этот раз он успел быстро среагировать и ударом ноги в грудь откинул нападающего в глубь камеры...

«Чтоб тебя... Все-таки задел, зараза, по касательной! — ругнулся про себя Сергей, почувствовав боль в боку. — Таких неумех я в Афгане пятерых укладывал в штабеля, как дрова, а сейчас пропустил пустяковый удар — старею...»

В тишине камеры раздавались ласкающие его слух стоны и мольбы о пощаде. Трофим и Кирилл, зажавшись от страха и боли, сидели в углу.

У Трофима был серьезно сломан нос и выбита челюсть. Он закрывал лицо ладонями, по которым стекала кровь. Кирилл, схватившись левой рукой за правую, которая болталась у него как плеть, подвывал от нестерпимой боли.

— Это больно, ребята. Вам повезло. Обычно я живых не оставляю. Привычка. А сейчас вы мне расскажете, кто и зачем заказал меня, — ухмыльнулся Сергей, но, услышав шаги охранника в коридоре, тут же отпрянул к стене и, схватившись двумя руками за бок, всем видом показывая боль от тяжелого ранения, присел недалеко от двери.

В камеру влетел здоровенный, под два метра ростом, полицейский с дубинкой в руках и нервно выкрикнул:

— Всем встать, руки за спину, лицом к стене!

Картина побоища так поразила стража порядка, что он непроизвольно опустил дубинку и от удивления по-детски раскрыл рот.

— Осторожно, он опасен! — воскликнул Кирилл, но было поздно.

Сергей неожиданно встал во весь рост и первым ловко атаковал полицейского, нанеся ему кулаком прямой удар в голову. Удар был такой силы, что великан потерял координацию и упал, ударившись головой о бетонный пол. По его неподвижному состоянию было ясно, что он потерял сознание.

— Это уже вышка! — произнес, хохоча в истерике, Трофим, вытирая струящуюся из носа кровь своей грязной бородой. — Тебе, бизнесмен, конец!

— Ты еще угрожаешь, грязная борода! Я сказал, что живых не оставляю! — Сергей безжалостно схватил Трофима за сломанный нос: — Быстро говори! Кто приказал убить меня? Говори, убью!

— Аааа! Пусти! Я, я... не знаю. Мы — офицеры Госбезопасности Украины. Вопросы не задаем. Это приказ.

Сергей по глазам понял, что он говорит правду, посмотрел на жалкий вид ноющего от боли Кирилла, забрал ключи от камеры из кармана здоровяка и, выходя из нее, произнес зловещим шепотом:

— Будете кричать — вернусь и убью!

Он без труда нашел в сейфе полицейского участка свои вещи. Все: телефон, паспорт и даже деньги, аккуратно сложенные в стопку, — как будто ждало своего законного хозяина. Пистолет и телефон охранника тоже пригодится. Вызвав «скорую» для незадачливого полицейского, Сергей через минуту покинул участок и был на свободе. Чтобы обезопасить себя от погони, пришлось бежать около трех километров. Рана ныла, и кровопотерю Сергей ощущал все больше и больше по слабости и головокружению. «Видимо, зацепило, зараза, какой-то крупный сосуд. Лишь бы не потерять сознание».

«Спасение беглеца — это безлюдные переулки» — так их учили в спецшколе. Через двадцать минут Сергей был уже далеко, в безопасном месте.

Теперь можно и позвонить. Первый, кто пришел на ум, это Степа, но он, наверное, тоже в «кутузке». Сергей все же набрал номер, правда, позвонил с телефона полицейского. Степан долго не брал трубку. «Наверняка отобрали телефон», — подумал Сергей, и в этот момент гудки неожиданно прервались тишиной.

— Алло, Степа, это я, — с надеждой произнес Северов.

Последовало непродолжительное молчание, а потом в трубке раздался то ли радостный, то ли удивленный голос Степы:

— Шеф? Шеф, вы где?

— Ты на свободе? Говори без подробностей, просто «да» или «нет», — четко скомандовал Сергей.

— Да, шеф, меня пытали, пытали и выпустили. То есть... — заикаясь, произнес Степан.

— Не болтай! Я на улице Янтарная. Подберу тебя...

Сергей оглянулся по сторонам и заметил в самом конце улицы знакомое здание цирка. Недалеко от него они со Степой несколько дней назад меняли валюту.

— Помнишь цирк рядом с обменником?

— Да.

— Вот там. Через десять минут.

— Есть, шеф! — по-военному ответил охранник.

Водитель такси с испугом смотрел через салонное зеркало на испачканного в крови человека, сидящего на заднем сиденье автомобиля, и мучительно думал, как поступить в этой ситуации: вызвать полицию или довезти раненого, куда он сказал. «По закону, надо сообщить... А вдруг хорошо заплатит? Одежда-то дорогая. Может, сознание потеряет, тогда все деньги заберу. Ну а если полиция спросит, скажу: ночь, не разглядел пассажира...»

— Не вздумай звонить в полицию, — словно прочитав его мысли, сурово предупредил Сергей. — А надумаешь узнать размер моего кошелька — убью!

— Угу, — промычал водила.

Степан с испуганным видом стоял перед зданием цирка и озирался по сторонам. Увидев Сергея, он неуверенно сел в машину и запричитал:

— Ну и зверье! А Олька-то моя того — не умерла в больнице. Все «особисты» лгали. До свадьбы девка доживет. И деньги на свадебное путешествие пригодятся. Отравилась где-то, но я ни при чем, вино-то не может быть плохим, «Медок» двухтысячного года. Шеф, давайте поедем в больницу. Кровища у вас так и хлещет. В таком виде нас возьмет первый же пост.

— Ты думай, что делать, а не причитай, — жестко отрезал Северов.

Внезапно из переулка прямо за ними выскочила полицейская машина с «мигалкой».

— Как они нас нашли? — удивился Сергей и пристально посмотрел в глаза Степе.

— Я не знаю, шеф! Клянусь мамой, не знаю!

— Я не буду убегать от полиции. Это статья! — дрожащим голосом заявил таксист.

Сергей, не отвечая ему, открыл окно и, как в голливудских фильмах, двумя выстрелами в колеса остановил полицейскую машину. Затем повернулся к водителю и спокойно проговорил:

— Видишь, они уже нас не преследуют. У тебя дети есть?

Таксист кивнул, от страха резко нажал на газ, и машина скрылась в темном переулке.

— Дай телефон! — приказал Степе Северов.

Тот удивленно протянул мобильник, и Сергей, открыв окно, выбросил его на асфальт вместе с телефоном полицейского.

— Мой телефон, шеф!.. — отчаянно закричал охранник.

— Так будет спокойнее.

— А ваш телефон, шеф... Они же тоже его установили... — жалобно проскулил Степан.

— Мой — с защитой, так что «дурака» не включай! — сказал Сергей, но, немного подумав, выкинул и свой: так все же безопаснее. — Что дальше делать будем?

— Надо сдаваться, шеф. Когда разберутся, вас отпустят, как меня, — испуганно посоветовал Степа. — И вообще, меня от крови с детства мутит, шеф.

— Заткнись! Где живет Вера?

— Вера? Что? Откуда я знаю? — заикаясь, ответил охранник.

— Не ври — ты мне докладывал!

— Доложил и забыл! Я ж с похмелья был, да еще «Медка» накатило.

Сергей сосредоточился, пытаясь вспомнить ситуацию, когда Степа называл ему адрес. Профессиональная, тренированная память не подвела: улица Декабристов, двенадцать, квартира два.

— Шеф! Вы — бог! — восхитился Степан. — И все-таки — давайте сдадимся! Мы ведь ее не травили. Она сама где-то всякой гадости нажралась, а в отключке про вино ваше наговорила. Олька-то таких напитков сроду не пила, поэтому и подумала, что от вина того... А сама просто грибами со своим женихом слегка притравилась. А мы из-за нее в крови, шеф.

Сергей, не слушая телохранителя, спокойно скомандовал таксисту:

— Поехали на Декабристов, двенадцать!

Вскоре машина остановилась рядом с пятиэтажным домом.

— Вот тебе сто долларов. Будешь молчать — через пять дней на твой мобильный переведу еще двести. А если заложишь — найду и пристрелю.

— Угу, — только и смог промычать испуганный водитель и, сорвавшись с места, исчез в ночи.

Сергей подошел к подъезду и набрал на домофоне цифру «2». Было уже три часа ночи. Ему долго не отвечали, но, наконец, раздался знакомый голос:

— Вас слушают.

— Это Сергей.

Дверь тут же открылась, и они быстро вошли внутрь. На первом этаже у распахнутой настежь двери уже стояла Вера, поджидая их. Она была в белом шелковом халате, вся такая теплая, такая домашняя, такая приятельная. Волосы, собранные в пучок, делали ее еще моложе, совсем девчонкой. Они источали какой-то завораживающий запах полевых цветов и морского заката, наполненного свежестью романтической ночи.

— Что произошло? — испуганно спросила она и, не дождавшись ответа, скомандовала: — Быстро снимайте грязную одежду, я застираю! И бегом в ванную на обработку раны!

Сергей молча подчинился.

— Слава богу, рана неопасная, но шов я наложу. Будет немного больно.

— Боль от ваших рук — это сладость! — нарочито весело произнес Северов.

— Не болтайте, больной! Вы мешаете доктору, — улыбнулась Вера.

— Ну, шеф, вы и орел! Такая рана — и бровью не повели! У вас болевой шок, шеф, он может вызывать психическое расстройство. Может, водки выпить? — предложил Степа.

— Степан прав. Без наркоза сейчас будет очень больно. У меня есть спирт, — сказала Вера.

— Давай разведу. Я мастер по водке, не хуже Менделеева, — услужливо проговорил охранник.

Сергей выпил сто граммов самодельной водки и отдался в руки любимого доктора.

Боли он практически не чувствовал. Лежал и думал о судьбе, благодарил бога, сведшего его с Верой, пусть даже и при странных жизненных обстоятельствах, пусть даже в последний раз.

— Вот и все, рану обработала. Через неделю все заживет. Теперь о наших делах. Ольга жива, ее откачали, но яд действительно был в бутылке вашего вина. Дуреха решила попробовать дорогого вина, когда заносила таблетки в вашу палату — вас как раз на процедуры возили.

— Да я ей и лучше вина наливал, когда... — некстати заметил Степа.

— Помолчи! — прервал его Сергей. — Как туда мог яд попасть, не думал?

— Да я, шеф...

— Вывод один: вас пытались отравить. Видимо, это проделки моего жениха, хотя... нет, это был другой мужчина, — холодно произнесла Вера, заканчивая перевязку.

— Убил бы его! Такую девку чуть не загубил... — разразился стенаниями Степан.

— Так кто же хотел меня убить? — задумчиво покачал головой Северов, но не успел продолжить свою мысль, так как неожиданно раздался настойчивый звонок в дверь. Подойдя к окну, он осторожно выглянул и воскликнул: — Так и есть, полиция! Нам надо бежать!

— Лучше сдадимся, шеф! — заканючил Степа. — Мы ж не Рэмбо, к тому же вы ранены. Вера, скажи шефу, что надо цивилизованно разрешить эту ситуацию. Денег дадим в конце концов. Я берусь все уладить. Они же стрелять будут. Умирать не хочу! Я еще жениться хочу.

Сергей был сосредоточен, спокоен и, казалось, не слушал никого.

— Быстро уходим через кухонное окно! — приказал он Степе.

— Это полиция! Откройте дверь, или мы будем ломать! — грозно кричали за дверью.

— Подождите минуту! Я в ванной, дайте хоть смыть пену! — заспанным голосом очень артистично отозвалась Вера, на ходу бросая в сумку документы и необходимые вещи.

— Вы не должны бежать с нами, — пристально глядя на нее, произнес Сергей.

— Я никуда не бегу. Я выполняю клятву Гиппократу — сопровождаю больного, — решительно ответила она и улыбнулась.

Это было сказано таким уверенным тоном, что Сергей понял бессмысленность какой-либо дискуссии и в знак согласия кивнул.

Пока полиция терпеливо ждала, беглецы выпрыгнули в окно и по узким темным переулкам побежали в сторону трассы.

— Вера, вам нельзя идти с нами, вы становитесь пособником преступника, — сделал последнюю попытку Сергей.

— Это из-за меня тебя преследуют. Запомни, я давала клятву Гиппократу, а ты — мой больной. Пошли! — ответила она и уверенно повела беглецов по тропинке вдоль трассы в неизвестном направлении.

— Мы снова перешли на «ты»? — заметил Сергей.

— В этой ситуации так удобнее. Нам не до церемоний, — спокойно ответила Вера.

— А мне не подходит эта ситуация. Я Гиппократу не клялся. Пособником тоже быть не хочу. Шеф, поймите, я ради вас готов на все, но сидеть в тюрьме не хочу, и быть убитым из-за этой девки тоже не хочу. Это не входит в мои служебные обязанности, — протестующе, даже немного истерично возмутился Степа, но при этом послушно ковылял за девушкой.

— Ты — мой телохранитель! Или тебе подробнее объяснить условия контракта? — с угрозой отреагировал Сергей.

— Да, с юмором здесь плохо... — неожиданно веселым голосом произнес Степан. — Я же шучу, шеф. Куда я без вас? Вы ведь для меня — все!

Тем временем Вера увидела проезжающую по трассе машину и подала знак, чтобы они спрятались. Сама же остановила частника и, улыбаясь, что-то сказала ему. Тот, оглядев девушку с ног до головы, улыбнулся в ответ и открыл дверцу машины. Через секунду все беглецы уже были в машине...

ГЛАВА 7

Водитель, бегло осмотрев своих новых пассажиров, ничего не стал комментировать и только спросил:

— Куда едем?

— В город Олевск, — строго произнесла Вера.

— Такого не слыхал! — встревожился водитель.

— Это Полесский природный заповедник, весь мир о нем знает, — пояснила девушка.

— Так это же Житомирская область! Вы что, с ума сошли? Это больше тысячи километров. Это часов пятнадцать пути.

— А мы — путешественники, и никуда не спешим, — с иронией заметила Вера.

На Сергее была надета еще мокрая после стирки рубашка, но он этого не чувствовал. Потеря крови давала о себе знать. Голова кружилась, и все его тело волнами наполнялось слабостью.

— Через километр свернем направо и поедem по проселочной дороге, — командовала Вера.

— Я не поеду в эту глушь! Вы говорили, три километра по трассе, — запротестовал водитель и стал тормозить.

— Поезжай молча вперед, — грозно прошептал Сергей и пистолетом указал направление движения.

Тот побледнел и, не произнося ни слова, нервно нажал на газ.

Так они ехали по бездорожью более трех часов. Каждая кочка острой болью отдавалась в ране Сергея. Он морщился от боли, но молчал. Вера тоже молчала, но, видимо, чувствовала, как ему сейчас тяжело. В какой-то момент Сергей почувствовал, как ее рука коснулась его руки, и боль неожиданно начала вроде бы отступать. Он даже незаметно для себя задремал.

Наконец машина остановилась рядом с населенным пунктом Ивантевка. Водитель получил пятьсот долларов и, счастливый то ли от заработка, то ли от чудесного освобождения, помчался в известном только ему направлении.

Несколько минут беглецы стояли в некотором замешательстве. Ивантевка не подавала почти никаких признаков жизни. Под неярким светом луны просматривались очертания домов, во многих ставни были закрыты. Только одиночные переключки собак говорили о наличии обитателей в этом поселении.

— Это село особое. Здесь ставни закрывают даже днем, — сказала Вера.

— Почему? — спросил Сергей.

— Никто не знает. Но здесь мы в относительной безопасности. Дальше нам надо идти около десяти километров через лес, — бодро объявила она.

— Куда мы идем, черт возьми? Я хочу знать наш план спасения. Почему на тачке не доехали? Какая это безопасность — по лесу ночью шастать... — заикался охранник.

— Водитель может нас сдать, — поддержал Веру Сергей. — Завтра наверняка по телевидению объявят розыск, и тогда за вознаграждение таксист расколется.

— Нас уже не найдут. Туда нет дороги, только через лес, а лес хранит тайну праведных людей, — тихо пояснила девушка.

— Какой-то бред! «Туда» — это куда? Куда мы идем, в конце концов? «Дороги туда нет...» — передразнил ее Степан. — Идем куда-то «туда». А как мы ночью это «туда» найдем? Я ведь отвечаю за безопасность! — не унимался он.

— Уже наотвечался! Меня чуть не отравили при таком великом охраннике! Какая тебе разница, куда идти? Иди себе и помалкивай, — перебил его Сергей.

— Сейчас полиция пойдет по ложному следу, будет вылавливать нас по адресам моих родственников, — пояснила Вера. — А это место никто в мире не знает, оно надежно скрыто от чужих глаз. Туда никто и никогда не доберется. Там живет моя прабабушка. О ней тоже никто не знает.

— И твой Леня? — съязвил Степа. — Он, наверное, будет очень недоволен твоими ночными приключениями с двумя мужиками. — И неожиданно очень неприятно и нервно рассмеялся. Его все больше раздражала уверенность девушки, и он пытался хоть как-то уколоть ее, унижить при шефе.

— Это вас не касается. Не искушайте свою судьбу. Вы и так нагрешили, — сухо ответила Вера, уверенно следуя по едва видимой тропинке.

— Шеф, что она выводит меня из себя? Почему вы этой колдунье доверяете? Какой-то чертов лес!

— Это очень хорошо. Значит, мы уже в полной безопасности. Каждый видит его глазами того, кто у него в душе. Если, Степан, он для вас чертов, то стоит задуматься о проблемах вашей души, — улыбнулась Вера. — А ведь он может стать и прекрасным. Прислушайтесь к этой завораживающей тишине!

— Зачем ты меня спасаешь? — неожиданно спросил Сергей.

— Ты меня об этом сам попросил, тогда у моря. А просьбы у воды в нашем роду священны. Они были священны издревле на Руси.

— А сколько лет твоей прабабушке? — поинтересовался Степа.

— Она говорит, что девяносто семь, но, сколько на самом деле, никто не знает. Я думаю, намного больше.

— Шеф, помните, как мы Дом престарелых посещали, ну, подарки всякие дарили?

— Не помню, — грубо отрезал Сергей.

— Так там старушка одна была прикольная, — не обращая внимания на тон шефа, продолжил Степа. — Мы приходим, а она говорит: «У меня сегодня день рождения. Семьдесят лет». Мы так и опешили. Подарок ей быстро организовали. Она рюмочку нам наливает. Все старики и старухи тоже ее поздравляют. А главный врач тихо нам шепчет: «Она семь лет назад семидесятилетие отмечала и, того, свихнулась на этой почве: с тех пор у нее каждый день — день рождения». Ну, мы и хохотали! Помните, шеф?

— Прабабушка живет одна? — серьезно спросил у Веры Сергей, не реагируя на рассказ охранника.

— Нет, не одна. Она живет вместе с природой.

— Колдунья такая же, как ты? — пошутил он.

— Нет! Она настоящая ясновидящая, а я лишь начинающая, но со временем способности, возможно, разовьются и у меня.

Даже в темноте Сергей увидел, как Вера улыбалась.

— К ста семи годам разовьются? Приду к тебе лет через восемьдесят и буду у тебя о своем будущем консультироваться, — ухмыльнулся телохранитель.

— Может быть, и раньше... — задумчиво ответила девушка. — К ста пяти! Все дружно рассмеялись, и нервное напряжение стало спадать.

Сергей впервые в жизни шел ночью через лес. У него возникло ощущение нереального и прекрасного мира вокруг. Лес жил своей таинственной жизнью. Каждую минуту пути их сопровождали странные звуки обитателей неведомого лесного царства. Ему казалось, что лес лечит его каким-то невидимым бальзамом.

— Такое ощущение, что за нами кто-то наблюдает, — задумчиво проговорил он.

— Это правда. Жители леса следят за нами. Они такие же, как и мы, только более тонкие в своих ощущениях, так как живут в гармонии с природой, — сказала Вера.

— Хорошая шутка, — отозвался Степан. — Я не пойму, как ты, Вер, ориентируешься в лесу, здесь же темень непроглядная. Мы не заблудимся?

— Я чувствую, куда надо идти. Нам осталось около часа пути.

Тамара не находила себе места. Вроде вся операция была под полным контролем, но все равно ее не покидало плохое предчувствие.

Агент сообщал ей, что муж деморализован, в затяжной депрессии. Ищет понимания у случайных людей. Нашел себе очередную девчонку, но, как всегда, экономит деньги. Хочет обольстить «на халяву». Дошел в маразме жадности до полевых цветов. Отравить его не удалось. Сейчас он в полиции по обвинению в покушении на убийство молодой девчонки.

Тамара понимала, что победила Сергея, но эта победа не принесла ей ожидаемого удовлетворения. Она с нежностью посмотрела на Олега, спящего рядом на удобном итальянском диване. Он немного приболел, и Тамара сама запретила ему отправляться в опасную поездку в Крым. Для этого есть агенты-убийцы. Его здоровье пригодится для наслаждений, а грязную работу пусть делают профессионалы. Сергей, можно считать, уже мертв. Из тюрьмы его не выпустят. Теперь Олег принадлежит только ей. Он не будет больше зарабатывать на жизнь, развлекая других женщин. Он будет купаться в ее любви. Быстрее бы переоформить права на яхту и самолет, и тогда весь мир увидит золотые кудри ее ангела.

Агенты подтвердили, что Сергей схвачен за отравление какой-то девушки. Его постараются ликвидировать. Одно слово — профессионалы, мастерски подставили. Такие агенты стоят больших денег. Так ему и надо. Сам виноват. Надо хорошо подумать, где его лучше похоронить, когда он умрет в тюрьме. Наверное, все же на Троекуровском. Не стоит жалеть денег, надо сделать все прилично и достойно, чтобы все оценили. На Ваганьковском тоже дорого, но престижно. В конце концов, ради престижа семьи она готова заплатить. Это хорошая капитализация имиджа. И детям будет приятно, что отец лежит на Ваганьковском. Друзья будут им завидовать. По сравнению с размером наследства, похороны — это копейки. Завтра же она займется приготовлениями. Лишь бы лицо ему не искорежили — она об этом особо просила украинских агентов — иначе прокуратура может заинтересоваться. Хотя агенты — молодцы, предоставляют весь комплект документов для захоронения «под ключ». Нет необходимости и гроб

открывать. Нет, закрытый гроб всегда вызывает в обществе пересуды. Надо все сделать по-человечески, по-христиански.

Неожиданно раздался телефонный звонок, и в голове тут же промелькнула мысль: «Ну, вот и все. Заказываем похоронную музыку».

Но, к ее огромному удивлению, знакомый голос агента взволнованно сообщил, что Сергей бежал, избив и покалечив трех лиц, находящихся при исполнении. Бежал в неизвестном направлении. С ним девушка-врач и телохранитель. Объявлен розыск, но они как сквозь землю провалились.

Тамара повесила трубку. Руки у нее тряслись. «Бес, он — бес! Как они могли его упустить? Наемники называются, не смогли убить, просто убить одного ублюдка, пусть и профессионала. Мир идет к катастрофе. За такие-то деньги и убить, тупицы, не могут. Позорные псы! К черту их гарантии, их уверения, что все под контролем! Болтуны! Но он приговорен в любом случае. Он ранен и без медицинской помощи сдохнет, как пес: без лекарств никакой врач не поможет. Днем раньше — днем позже, это не важно. Пусть побегает, пострадает. А мы пока с котенком поиграем». Она ласково потрепала золотые кудри спящего молодого человека. Тот открыл глаза и произнес сквозь сон:

— Моя королева. Я люблю тебя. Я мечтаю о тебе. Иди ко мне, королева!

Забыв обо всем, Тамара растворилась в жарких объятиях прекрасного принца.

Проходя сквозь лесную чащу, Сергей и Вера вспоминали о детских годах, студенческой жизни, приключениях — словом, обо всем, кроме событий сегодняшнего страшного дня. Хотелось забыть про все. И это Сергею удавалось. Он не чувствовал боли, он был опьянен счастьем. Вера рядом с ним. Они идут вместе в направлении новой неизведанной жизни. И только Степа шел молча, о чем-то угрюмо думая и что-то неразборчиво бурча себе под нос.

— Вот мы и пришли, — вдруг произнесла Вера.

Перед глазами беглецов, как в сказке, неожиданно открылась большая поляна, озаренная ярким светом луны. Свет луны был такой яркий, что Сергею показалось, будто это солнце, и уже начался рассвет. Посреди поляны стоял небольшой бревенчатый дом с причудливыми узорами на резных ставнях, что придавало ему налет лубочной сказочности.

Вера поднялась на крыльцо и уверенно постучала в дверь. Она тут же открылась.

— А я тебя заждалась, внучка, — ласково произнесла хозяйка, обнимая Веру и бросая изучающий взгляд в сторону гостей.

Лицо ее было трудно рассмотреть из-за темноты в доме. Только маленькая масляная лампа освещала деревянную избу и не по годам молодую, легко двигающуюся фигуру женщины.

— Вы устали. Ложитесь спать. Я вам постелила, — властно произнесла прабабушка Веры. — Знакомиться будем утром.

— А как вы узнали, что мы придем, да еще на троих расстелили? — удивленно спросил Степан.

Женщина не удостоила гостя ответом и куда-то мгновенно исчезла.

— Бабушка все знает. Ничему не удивляйтесь. Ложитесь спать. Вот в этой маленькой комнате. А я лягу в комнате бабушки. Вот и снадобье для раны бабуля приготовила. Я сейчас ее обработаю, и к утру рана обязательно заживет. Вот посмотрите, завтра уже швы сниму.

— А откуда она узнала, что я ранен? — вырвалось у Сергея.

Вера не ответила, загадочно улыбнулась, молча обработала рану и бесшумно исчезла.

Сергей действительно сразу же почувствовал от мази облегчение. Его потянуло в сон, и, стоило только закрыть глаза, как он сразу погрузился в мир грез...

В эту странную ночь Сергей видел сон из своей прошлой жизни. Аспирантура. Резкий поворот судьбы. Служба в разведке. Спецзадания в «горячих» точках. Гибель товарищей и врагов. Крушение Советского Союза. Вынужденная демобилизация. Неожиданный уход в бизнес. И там, в бизнесе, война скрытая, но не менее жестокая и циничная, чем в «горячих» точках. В сознании протекали давно, казалось, позабытые видения его криминального восхождения в бизнесе. Он с трудом узнавал этих людей с перекосившимися от мучений лицами: партнеры по бизнесу, обманутые вкладчики, девки-содержанки — все они походило на привидения из фильма ужасов, снятого по чужой, не его, истории жизни. Они ничего не говорили, а только с лютой ненавистью смотрели на Сергея, улыбаясь безобразными, искривленными от страданий ртами. Потом образы стали удаляться в какую-то клокающую бездну, и перед ним неожиданно возникла жена с детьми. Они стояли, глядя на Сергея сверху. Он хотел встать, но сил не было. Они смеялись отвратительным громким смехом, а потом Тамара громко зашипела:

— Скоро сдохнешь, как собака! Вот повеселимся!

Сергей от ужаса проснулся и открыл глаза. Над ним стояла пожилая женщина с молодыми голубыми глазами и по-матерински, по-доброму улыбалась.

Он не испугался этого неожиданного появления, а, наоборот, с облегчением вздохнул, вырвавшись из мира ужасных грез.

Теперь, придя в себя и ощутив реальность, Северов смог спокойно рассмотреть хозяйку дома. На вид ей было не больше семидесяти. Она была одета в легкое синее сатиновое платье. Его поразили идеальная осанка и полное отсутствие старческой сутулости. Волосы были скрыты под ярко-голубой косынкой. Правильные черты лица делали ее доброе лицо аристократичным. Морщин совсем немного, но они нисколько не уродовали ее лицо, а придавали ему выражение мудрости и доброжелательности. Но особенно удивительными были глаза — молодые и веселые, они светились изнутри таким бирюзовым светом, что Сергей невольно залюбовался ими и непроизвольно улыбнулся.

— Что, страшно грехи свои видеть? Не переживай: прошлое — это мост в будущее, и если он, конечно, не гнилой, то это всегда подмога, — нарсапев произнесла хозяйка. — Меня зовут Прасковья Ивановна. Я прихожусь Вере двоюродной прабабушкой. Вижу, тебе уже полегчало.

— А меня зовут Сергей, — робко проговорил он. Рана действительно не болела, но это его уже нисколько не удивляло.

— Умывальник на улице. Рот полощи травяной настойкой, она в голубом пузырьке. Очищает зубы лучше любой пасты. Ты же в прошлом служивый, так что командую на твоём привычном языке. Жду тебя на летней веранде через десять минут.

Сергей, еще до конца не придя в себя от удивления, быстро надел брюки и вышел на улицу. «Откуда она знает, что я бывший военный?» — мелькнуло в сознании.

Яркое солнце ослепило глаза. Он подошел, как ему было велено, к деревянному умывальнику, взял деревянный стакан и прополоскал рот обдающей восхитительной свежестью настойкой. Умываясь, каждой клеточкой ощущал, как вода обжигает ему лицо и как его разум наполняется какой-то новой, не познанной доселе энергией.

Сергей не заметил, как сзади к нему подошла Прасковья Ивановна, и невольно вздрогнул, услышав ее мелодичный голос:

— На, выпей водицы. Она у меня вся намоленная, но и ты поблагодари и похвали ее за заботу о тебе.

— Это как? — не понял Сергей.

— «Спасибо, любимая вода, за заботу. Я люблю тебя». И так три раза. И только потом пей. Так делай всегда, тогда сможешь заменить отравленную воду в себе на «живую». Не будешь делать — медленно отравишься той же водой.

— Почему?

— Вода — она живая, и если к ней с добром, то она добром тебя потчует, болезни изгоняет. Вода тебе жизнь дала. Она твоя истинная мать и защитница.

— Спасибо, вода... — прошептал Сергей.

— Любимая вода. Ведь без любви какая жизнь, — подсказала Прасковья Ивановна.

— Да-да, простите. Спасибо, любимая вода, за заботу. Я люблю тебя!

— Молодец, пей! А слов для воды не жалея. Это я тебе для примера сказала, что говорить. А ты не стесняйся. Чем больше добра скажешь, чем больше любви передашь, так и к тебе все это душевным и физическим здоровьем вернется. Вся наша тайна бытия — в воде.

Вода действительно была очень вкусная и чуть сладковатая.

— Сладковата она от добра и любви, правильные твои слова, — заметила Прасковья Ивановна, и Сергей даже вздрогнул от неожиданности: «Она читает мои мысли! Она колдунья!» Он тут же подумал о Вере. Где она?

— Они пошли собирать ягоды и грибы, — ответила на его мысли хозяйка, — а мне надо с тобой серьезно поговорить, пока их нет.

Женщина властно указала на скамейку, на которую Сергей тут же послушно сел. «Она читает все мои мысли, — снова подумалось ему. — И это не страшно, а приятно. Главное, чтоб мысли были светлыми».

— Не бойся. Если мысли праведны, то и нечего бояться. Господь тоже читает твои мысли, но ты Его почему-то не боишься и грешишь. Но Он прощает людские слабости.

Сергей не знал, что ответить, и промолчал, опустив голову, как школьник. Он чувствовал, что перед ним сидит Учитель, способный изменить его жизнь.

— Я хочу рассказать тебе о Вере. Ты должен знать, что это особая девушка, одна из ярких представителей нашего великого рода. Он знаменит крепкой связью с водой, а, значит, и с Богом.

Сергей слушал мелодичный голос Прасковьи Ивановны, и каждое ее слово оседало где-то внутри его души, как лечебный бальзам.

Хозяйка поставила перед Сергеем деревянную кружку с ароматным лесным чаем, затем плетеную из бересты вазочку, наполненную самодельным, оказавшимся необычайно вкусным песочным печеньем с начинкой из черничного варенья.

Некоторое время она таинственно молчала, будто собираясь с мыслями, а потом снова нараспев заговорила:

— Вера появилась на свет двадцать восемь лет назад неподалеку отсюда, в нашей родовой деревне Водица. Поэтому и фамилия у нас одна — Водицыны. По преданию, мы не имеем права даже при замужестве менять свою фамилию. Поэтому наш древний род — вечный. Фамилия — это половина тебя. В ней закодировано послание Бога и предков к твоей миссии

в земной или неземной жизни. Я ведь не знаю, на какую планету тебя пошлет Всевышний в следующей жизни...

— А я — Северов.

— Это великая фамилия. Север — это чистота, это хранилище человеческих ценностей, и ты должен думать о той чистоте, которую обязан нести людям. Фамилия Северовых всегда ценилась на Руси за непокорный характер ее носителей, за стремление к справедливости, к добру. Бог наделил Северовых многими талантами. Представители вашего рода — поэты, живописцы и даже ученые. Чистота — сестра воды, и эта связь рождает жизнь во всей Вселенной. Чистота с водой всегда идут вместе. Они спасают мир от трагедии. Вера поэтому без страха привела тебя сюда. Но тебе придется пройти большой путь, чтобы очистить свой дух и плоть и соответствовать своему роду.

— Я поправлюсь?

Прасковья Ивановна не ответила на его вопрос и продолжила:

— Вера стала третьим ребенком в семье. Отец ее был художником и рисовал чудесные картины. Он был очень религиозным и очень добрым, но прямым человеком. Это часто мешало ему в жизни. Он никак не мог приспособиться к новому времени — времени наживы, переживал из-за распада Советского Союза и, так и не приняв перемен, вскоре ушел в монастырь. Вере было всего десять лет. Его картины мать Веры Анастасия распродала задешево, а сейчас они стоят целое состояние, и Иван Северов представлен в лучших галереях мира.

— Отец Веры был Северов? — удивился Сергей.

— Да, это представитель одной из ветвей вашего огромного в прошлом рода. Это тоже причина, по которой ты здесь. Так вот, Анастасии было сорок три года, когда она стала ждать Веру. Беременность проходила тяжело, у нее было очень высокое давление, и врачи боялись, что и мать, и ребенок погибнут. Отца и мать врачи заставили дать расписки, что только они несут ответственность за здоровье роженицы и ребенка. Но во время родов Анастасия вдруг увидела свечение над роддомом и сошедшую с небес Деву Марию с Младенцем на руках. В тот момент она поняла, что все будет хорошо.

Вера родилась абсолютно здоровой. У нее с рождения был ум взрослого человека. Она много читала, но почти не общалась со своими сверстниками. Дети из-за ее странностей посмеивались над ней, поэтому она ни с кем не дружила, общалась в основном с кошками и собаками. А однажды ночью, когда ей было шесть лет, она увидела на стене звездочку, которая постепенно превратилась в тоннель, и из него вышла ее умершая бабушка по отцу. Так как Вера ее очень любила, она не испугалась. Но когда бабушка

предложила пойти с ней, ей все же стало страшно, и она укрылась с головой одеялом. Тогда бабушка сказала, что Вера еще не готова к встрече с ней, что она придет в другой раз, и исчезла. Утром Вера рассказала об увиденном родителям. Они были обеспокоены галлюцинациями ребенка и запретили Вере вообще идти на какие-либо контакты с бабушкой. Хотя я предупреждала Анастасию не мешать Вере идти своим путем к Богу, она хотела сделать из нее обыкновенного ребенка. Но это не под силу никому.

Спустя два года старшему брату Николаю, которому уже исполнилось девятнадцать, и его молодой жене попала книга о медитации, и они предложили Вере вместе с ними поэкспериментировать. Первое упражнение заключалось в том, чтобы представить себя лежащим в расслабленном состоянии на облаке. Вера сразу ощутила, что действительно лежит на облаке, что воспарила над Землей. Она увидела Землю с высоты птичьего полета, а потом увидела, как уносится от Земли в другие далекие галактики. И вот перед нею Дева Мария с Младенцем, которая передает ей Младенца на руки и говорит, что именно Вера станет матерью пророка, который скоро появится на Земле.

А потом вдруг она увидела Творца. Он сказал Вере, что она избранная и должна стать проводником знаний, которые спасут цивилизацию от разрушения...

Когда Вера очнулась, то сразу рассказала о своем видении родителям. А те еще больше испугались и запретили ей заниматься медитацией и вообще говорить об этом кому-либо.

В ту пору на их семью обрушились огромные беды. Отца разбил обширный инфаркт, он получил инвалидность, перестал рисовать и начал сильно выпивать. Ему давали полгода жизни.

У Анастасии же, не по дням, а по часам, развивалась тяжелая форма глаукомы. Она ходила по дому на ощупь. Вера очень переживала и пообещала родителям больше не искать никаких «контактов». Но с тех пор, помимо своей воли, она стала видеть души умерших людей, души растений, камней, стала слышать голос творца. Он предложил девочке выбор: она принимает знания, необходимые для спасения человечества, и Бог тогда излечивает родителей, тем самым доказывая ей, что Он реально существует и может творить чудеса, или же Он оставляет Веру и не спасает родителей.

Она согласилась принять знания. И вот через два дня, когда в доме собрались все члены семьи и психиатр, к которому родители обратились за объяснением причин странной «болезни» девочки, вдруг над домом появилось какое-то разноцветное свечение. Огни вращались по кругу, а потом на землю спустился луч. Анастасия вышла на улицу, чтобы посмотреть на него, и неожиданно поняла, что прозрела...

Через какое-то время отец тоже почувствовал улучшение. Вместо отведенного врачами полугода жизни он и сейчас жив-здоров, трудится в иконописной мастерской в уральском Афоне.

Теперь Вере регулярно стали приходить знания, которые она спешно записывала, а Анастасия их систематизировала и оформляла в рукописные книги, в которых содержались постулаты жизни человечества.

Создатель неоднократно демонстрировал Вере чудеса. Приблизительно в это же время исчезла старшая сестра Веры Катя. Родители знали только, что уехала она на стажировку в Италию. Два года о Кате ничего не было известно. И тут Вере приснился сон, что ее сестра стоит в ванне, а чей-то голос говорит, что она и ее друг связаны с мафией, которой они задолжали огромную сумму денег, и ее хотят убить. Единственный путь к спасению — это возвращение домой, в Крым.

Вера взмолилась, чтобы Бог помог спасти сестру. На следующий день она увидела написанный на сером облаке номер телефона и все рассказала маме. К тому времени все в семье верили в дар Веры. Анастасия позвонила по этому номеру и услышала голос дочери. Она пыталась вразумить ее вернуться домой, но Катя отказывалась общаться. Тогда трубку взяла Вера и рассказала сестре о том, что ей грозит. Она говорила так убедительно, что Катя ей поверила и вернулась домой. Сейчас она очень счастлива, и у нее родилась двойня.

Таких историй о Вере можно рассказывать бесконечное множество. В них — вся ее жизнь.

— Я люблю ее, — непонятно зачем, неожиданно произнес Сергей.

— Я знаю это, но полюбить Вера может только чистого человека, а ты испачкал грязью пороков светлое имя своих предков. И Бог решил забрать тебя, чтобы ты не творил зло на Земле.

— Я тяжело болен?

— Да. Как и все злые люди, предавшие предназначение своего рода творить добро. Злоба, нажива, жестокость разрушают божественную воду в человеке, и она превращается в яд. Яд отравляет тело, и человек умирает. Так Бог спасает человечество от зла. Все очень просто и справедливо.

— Неужели ничего нельзя изменить? — спросил пораженный Сергей.

— Надо превратить яд в тебе в божественную воду, и тогда ты будешь здоров. Но это редко получается у злых людей.

— Но как это сделать? — воскликнул он.

— Только любовью. Ты должен полюбить все, что тебя окружает. Ты должен научиться любить людей, природу, каждое мгновение жизни. Ты должен научиться улыбаться не только лицом, но и душой. Прощать всех и улыбаться. Это будет твоя настоящая и искренняя молитва, послан-

ная Богу. Я уже дала тебе божественной воды. Она вступила в борьбу с ядом в тебе, но победить зло может только твоя душа. Если бы Вера не знала, что есть шанс тебя излечить, она не привела бы тебя ко мне.

— А Вера умеет лечить?

— Она умеет все, но Создатель запретил ей спасать людей. Человек обязан сам спастись, Вера только помогает знаниями. Вот так просто устроен мир. Люди не хотят познать истинное счастье, и поэтому убивают друг друга и себя. А счастье — оно в любви, любовь горит вечностью в душе человека. Ты же видишь, как горят глаза у Веры?

— Да! Они потрясающие, — тихо произнес Сергей.

ГЛАВА 8

— Вы о чем, бабуля, секретничаете? — неожиданно раздался голос Веры.

— О счастье и любви, — улыбнулась старушка.

— А мы принесли самых вкусных грибов и самых сладких ягод! — весело сказала Вера.

Она была одета в деревенский сарафан и была так обворожительна в нем, что Сергей не мог не улыбнуться.

Старуха поймала его улыбку и прошептала:

— У тебя начинает получаться. Вот так улыбайся всегда.

— Шеф, а шеф! Я такое видел впервые! Зайцы к Вере как ручные кролики подбегали! Такое в цирке не увидишь, шеф! Здесь жизнь какая-то чудная! — громко, заливисто расхохотался Степан.

— Ты что со Степой сделала? — не удержавшись, тоже засмеялся Сергей.

— Это большой секрет. Да, Степа? — серьезно произнесла Вера и пристально посмотрела ему в глаза.

— Да, да, да. Огромный секрет, — почему-то сконфузился Степан и, видимо, почувствовав голод, обратился к Прасковье Ивановне с вопросом: — А вы здесь только ягоды, пироги и грибы едите?

— Не только. Еще орехи, дикий мед, козье молоко, сыр и множество блюд из него. Едим все, что не убивают. Ягоды, грибы, молоко — это все подарки природы, — улыбнулась Прасковья Ивановна.

— А мясо и рыбу — ни-ни?

— Я не могу есть себе подобных. Убийство и поедание ближнего — это грех. Кровь от этого портится, болезни наступают.

— Какие же они ближние — рыбы? — удивился Степа.

— Они состоят, как и мы, из божественной воды, живут в божественной среде, а значит, они наши близкие родственники. Когда они умирают,

божественная вода превращается в яд, и люди незаметно для себя травятся, поедая братьев. Поэтому так мало и живут, хотя по природе должны жить не менее трехсот лет.

— Нет, нет, рыбы мне не братья! — запротестовал Степан.

— Это наши лучшие братья: они живут в своей скрытой от нас, но прекрасной цивилизации добра и гармонии. Их отношения друг с другом более чисты, чем у людей. Наше сознание не способно понять глубину их жизни. Отбирать жизнь у другого существа Бог никому не позволял. Это страшное преступление!

— Но существуют же хищники! — не унимался Степан.

— Хищники очень мудры. У них своя миссия. Они различают добро и зло. И карают злые, больные души. А человек не способен отличить злую, а значит, уже больную, душу от доброй и убивает всех подряд. Убивает добро и красоту на земле. Хищники — это борцы со злом. Они очищают себя от яда единственным противоядием — добротой. Именно доброта заставляет их каждый день бороться со злом. И это основа веры. А сущность всякой веры состоит в том, что она придает жизни такой смысл, который не уничтожается смертью.

— Всем известно, что волки не нападают, а даже спасают беременных женщин, но расправляются с охотниками. Так вот, оказывается, почему! — воскликнул Сергей.

Но его фраза повисла в воздухе.

— Нам нужно будет провести здесь месяц, — нарушив тишину, обратилась Вера к бабушке. — Потом будет видно, что делать.

— Я на траве месяц не продержусь! — заскулил Степан.

— А у вас нет выбора, — кротко улыбнулась Вера, на что он лишь испуганно кивнул.

— Хорошо, внучка. Живите, сколько пожелаете, — произнесла Прасковья Ивановна. — Заодно постараемся вылечить Сергея. Да и Степе нужно о многом поразмышлять.

Сергей понимал, что Бог дает ему последний шанс, и был счастлив целый месяц быть рядом с Верой и просто любоваться ей. Но он даже не предполагал, что ему придется познать столько жизненных смыслов за это короткое время.

Тамара пребывала в приподнятом настроении. Брак — единственная азартная игра, благословляемая церковью. И эту игру она выиграла окончательно. Бог помог. Через две недели она сможет выйти замуж за любимого человека. В церкви, ставя по привычке свечи о здравии и упокоении, она подумала о Сергее, особенно крупно вывела его имя в поминальной

записке и поставила свечку на канун, как будто подписывая ему окончательный приговор.

Агенты доложили, что дело сделано. Объект тяжело ранен и вместе с девчонкой-любовницей бесследно исчез. Без операции в больнице он не выживет, а больницы по всей Украине оповещены. Скорее всего, он уже давно сдох или стал добычей местных бандитов. У кого денег много, тот долго незаметно путешествовать не сможет.

Украинцы обещали уже через неделю выдать свидетельство о смерти и прислать для приличия «грузом 200» какого-нибудь бомжа. Тамаре не терпелось сообщить приятную новость детям, но нужно было подождать на всякий случай еще неделю.

«Идиот, и умереть по-человечески не смог, — думала она, стоя перед распятием в храме. — Через все в жизни прошел. Пули его облетали, как заговоренного, а на девке, обыкновенной врачихе, и сдулся. Гниет где-нибудь в овраге со своей новой шлюхой. Удивительно, как Степа не убежало. Наверняка убил его, изверг. Против лома нет приема. Надо порадовать моего принца. Сегодня же поедем делать шопинг для Канаров. Чтобы с палубы нашей яхты сходили молодой принц и блистательная принцесса. И весь мир будет завидовать этому счастью. Любовь победит и, наконец, вырвется на свободу. Спасибо Тебе, Господи, за справедливость!»

Вот уже пять дней Сергей заново учился жить. Вся окружающая обстановка, оторванность от цивилизации заставляли его смотреть на жизнь по-другому. Каждый день они с Верой ходили в лес и подолгу наблюдали за жизнью его обитателей. Удивительно, но животные не боялись Веру, они воспринимали ее как часть их мира. Сергей впервые в жизни видел на свободе забавных, любопытных зайцев, оленей, косуль, и даже медведица с медвежатами играли неподалеку от них на лужайке. Вера никого не боялась. Она объясняла Сергею, что все животные чувствуют человека, его мысли и намерения. Если человек агрессивен, он выделяет легко уловимые всеми обитателями леса, осезаемые ферменты и некую биоэнергетику зла, и они стараются убежать. Если человек боится, животные тоже это чувствуют и понимают, что страх рождается пороками, и этого человека, как жалкое существо, надо убить. А если он любит, то его никогда не тронут. Запах и волны любви считаются священными в мире животных. В этом гармония и мудрость природы.

Четырнадцатое октября — день рождения Сергея — отмечали особенно весело. С утра на комодке прямо напротив его кровати благоухали цветы. Нет, это был не срезанный букет полевых цветов, а искусно высаженное в огромный глиняный горшок удивительное соцветие полевого разнотравья, источающего неповторимый, божественный аромат гармонии

цвета и запахов. Сергей долго не мог оторвать от букета взгляда, смотрел на него и беспричинно счастливо улыбался. Он улыбался этим цветам, этому миру, этому дню, этому мгновению. Если счастье есть, то оно заключено именно в таких сладких минутах объяснения в любви всему миру, который, в свою очередь, объясняется в любви тебе. Сергей уже не только понимал это все рассудком, но и чувствовал душой, кожей, всем своим существом.

Умывшись «живой» водой, он вышел на крыльцо и увидел восхитительный рассвет, подаренный Создателем именно ему, в его день рождения. Он налил в деревянную кружку еще немного воды из крынки, стоящей рядом с умывальником, но, тут же забыв про воду, замер от восторга.

Вокруг поляны, заливаясь невероятными трелями божественного оркестра, пели птицы. Сергею показалось, что этим огромным и совсем не импровизированным оркестром исполняется высшая симфония жизни. Говорят, что классическая музыка — это Бог, и она являет собой человеческое переложение божественной симфонии природы. Живой оркестр певчих птиц и неподражаемых звуков леса тоже поздравлял Сергея с днем его вхождения в мир земной жизни, и он пронзительно ощутил каждой клеточкой своего тела, как любит его этот мир.

— Видишь, все сегодня поздравляют тебя, — с теплотой в голосе проговорила Прасковья Ивановна, возникшая рядом с Сергеем непонятно откуда. — Это я вчера вечером всем сказала, что у тебя праздник, и все пташки вот как поют тебе поздравления... А со временем ты научишься читать мысли людей и разбираться в людях. Ты — молодец, ты многое постиг за это время. Постиг, потому что очень хотел постигнуть. Возьми на память в подарок от меня этот оберег и храни его. Он намоленный и очень сильный. — Старушка протянула ему деревянный крестик с выточенным каким-то особым изысканно тонким орнаментом, каких Сергей не видел никогда в жизни. — В этом орнаменте скрыта тайна человеческого бытия. Видишь — протянутая рука. Это значит — спеши отдавать, что можешь, окружающему миру. Он ведь ждет от тебя помощи и помогает тебе выжить на этой земле. Не допускай, чтобы на тебя обиделись миры цветов, деревьев, животных, воды, ветров, огня... Ты видишь, какое здесь множество символов? Их триста шестьдесят пять. Многие — это и есть невидимый мир, который нас окружает. Каждый день старайся открывать для себя загадку одного символа. Таким образом, после каждого открытия этот мир будет оберегать тебя все больше и больше. Но не забывай благодарить каждого твоего нового покровителя. Все вокруг: солнце, вода, животные, растения — понимают человеческую речь и общаются с тобой через слова, если они искренни, и через твое дыхание доброты, которое ты посылаешь в мир вместе со словами. Доброе дыхание слов обогревает мир и тебя

самого. Тогда и душа твоя будет улыбаться и наполняться новым счастьем. Ведь не секрет ни для кого, что каждый человек с первого и до последнего дня пребывания на земле ищет только любовь. Все остальное — ничемные смыслы, прячущие несчастную, нелюбящую душу от сознания бессмысленности существования. Любовь дается каждому человеку, каждой душе, но для этого она должна быть чистой...

Оберег будет хранить тебя, если ты будешь постоянно размышлять и общаться с миром, который тебя окружает. Например, смотри на этот символ в виде монеты. Это богатство. Твоя ошибка, как и многих тебе подобных, заключается в том, что вы возомнили, будто это вы его заработали. Зарабатывается заработная плата, а богатство дается избранным Богом, чтобы они, как Его посланники, помогали человечеству бороться со злом. Но мало кто это осознает. Поэтому богачи очень пачкают свою душу наживой, высокомерием, жадностью и всегда глубоко несчастны. Они начинают отождествлять богатство, данное Богом, с собой и погибают, убивая свою душу грязью пороков.

— Все погибают? — удивился Сергей.

— Да, все. Все богатые люди, не исполнившие свой долг, быстро погибают. Погибают в том смысле, что Бог лишает их радости жизни, обрекая их близких на болезни и страдания. Богачи часто не понимают этих откровений Господа и продолжают искать удовольствия от жизни, покупая мнимые радости. Радость от денег и покупных благ быстро рождает разочарование. От этого они становятся все несчастней и несчастней и перестают жить. Несчастливые люди! Им не дано познать настоящую любовь, а это значит, что они мертвы. Ну, хватит о грустном. Ты — везучий богач, за какие-то твои заслуги Бог послал тебе Веру. Кстати, она готовила тебе подарок четыре дня, подбирая в лесу только самые добрые и веселые цветы и травы. Здесь, в Полесье, растут удивительные травы, способные лечить и тело, и душу.

— Я это почувствовал, — улыбнулся Сергей и, посмотрев на Прасковью Ивановну, добавил: — А вы говорите так, как будто все время поете...

— Кто поет, тот разговаривает с Богом.

Сергей вдруг вспомнил, где уже слышал эти слова. Их произносил доктор Клаус, когда приглашал его петь в хоре... Он собрался рассказать Прасковье Ивановне о докторе Клаусе, оглянулся, но ее уже не было рядом.

— С днем рождения, Белый лебедь!

В дверях стояла Вера, одетая в ярко-красное платье. Рассвет освещал ее одеяние особым матовым светом восходящего солнца. Глаза девушки горели таким огнем радости и доброты, что Сергей снова стал восторженно, по-детски улыбаться, трепеща от счастья и наслаждаясь ее красотой.

Вера медленно подошла к замершему от счастья Сергею и впервые поцеловала его в щеку. Он не смог справиться с волнением и инстинктивно прижал ее к себе. Она не сопротивлялась, а, напротив, нежно прильнула к нему всем телом и прошептала: «С днем рождения!»

Этот день рождения был лучшим в жизни Сергея. Он встречал его с людьми, которые его любили не за деньги, а просто так, без всяких причин. Свой праздник он встречал радостно со всем земным миром, который любил его всего лишь за то, что он, Сергей, тоже любил этот мир и являлся его частью. Это бескорыстие рождало особое ощущение свободы и радости, которых он никогда в своей жизни не испытывал.

Потом все вместе готовили праздничный обед. Застолье получилось особенно праздничным из-за украшения стола, который был сервирован нарядной скатертью, вышитой разноцветным бисером. На ней кроме посуды были расставлены причудливые фигурки из камней, засохших корней деревьев, шишек, высушенных ягод. Они пили хмельную медовуху из меда диких пчел, вкуснее которой, как казалось Сергею, не было ничего на свете. И не было конца разговорам, шуткам, тостам. После обеда они снова гуляли, разгадывая по дороге природные ребусы, составленные Прасковьей Ивановной, а к вечеру устроили фантастический ужин с факелами. Вера после трапезы преподнесла имениннику сюрприз — торт с ягодами.

«Когда она его успела приготовить?» — восхищенно подумал Сергей.

Такого количества подарков, сделанных собственными руками, он не получал в свой день рождения даже в детском саду. Это были и искусно сплетенная из бересты кружка с его инициалами, и его портрет, выполненный из разнотравья, и веселая летняя экзотическая панамка из коры каких-то деревьев.

Заснул он неожиданно рано, совершенно не думая о завтрашнем дне. Заснул сном ребенка и всю ночь летал во сне, и рядом с ним летали Любовь и Вера.

ГЛАВА 9

Счастье длилось бы вечно, если бы неожиданно не исчез Степан. Это произошло на двадцатый день их нахождения в новом мире. Сергей замечал, что Степа последнее время постоянно болел, очень нервничал и явно страдал, находясь здесь. Он не мог понять этой жизни и жить ею. Вся окружающая обстановка доброты как будто разрушала его. Объяснений и оправданий его бегства было много, но Сергей воспринял этот уход как предательство.

— Он, наверное, заблудился, — с тревогой сказал Сергей, когда Степа не вернулся к обеду из леса.

— Он ушел навсегда, — произнесла, как бы между прочим, Прасковья Ивановна и пошла к печке кипятить воду.

— Я знала, что он не справится с собой, и больше всего этого боялась, — задумчиво произнесла Вера.

— О чем вы говорите? Я не понимаю. Вы что-то знаете и скрываете от меня? Степа — мой телохранитель, он по контракту обязан быть со мной.

— Он давно предал тебя, — спокойно заметила девушка. — Его подкупила твоя жена, чтобы убить тебя.

Сергей, пораженно глядя на Веру, прошептал:

— Тамара хотела меня убить?

Он понимал, что между ними давно нет прежних чувств, но убить... Это было настоящим потрясением.

Но и еще одна вещь поразила Сергея, поразила в самом себе. Он не почувствовал к жене ни ненависти, ни даже малейшей злобы. Это были скорее удивление и грусть о том, что наделала Тамара, губя в первую очередь не его, а себя и свою душу...

— Это Степа сообщил Лене о нашем свидании у моря, — внимательно посмотрев на него, продолжала Вера. — Это он подсыпал в бутылку яд и случайно чуть не убил Ольгу. Это он сообщил полиции о твоих перемещениях — хорошо, что ты догадался выкинуть телефоны. Даже в твой день рождения он подсыпал яд тебе в воду.

— Этого не может быть... — растерянно проговорил Сергей и вдруг вспомнил, как решительно Прасковья Ивановна выплеснула воду из его кружки утром того дня.

— Может! Потому что так и есть на самом деле. Помнишь, в первый день я увела его утром погулять по лесу? Там я заставила его во всем сознаться, и он дал клятву, что исправится, и не будет предавать тебя, но, к сожалению, не смог. Злоба, корысть и зависть победили ростки добра его души. Я обещала, что не расскажу тебе ничего, если он исполнит свое обещание. У каждого должен быть шанс к спасению. Увы, он ушел от нас, чтобы рассказать полиции, где мы находимся. Вчера, к счастью, полицейский, которого ты ударил в тюрьме, вышел из комы и дает показания. Мы с тобой в республиканском розыске. Зло будет преследовать нас еще долго. Оно не хочет отдавать тебя мне. Нам действительно угрожает опасность.

— Как же так? Я платил ему большие деньги!

— Всегда есть кто-то, кто заплатит больше. И потом, деньги не делают людей лучше. Люди часто мстят за добрые дела. Мстят, потому что помощь воспринимают как личное унижение и начинают ненавидеть того, кто им помог. Так устроен человек. Предателями не становятся. Предателями рождаются. Это состояние души — предавать. Жаль, что ты не увидел этого при первом же вашем знакомстве...

«Ну да. Это было после чемпионата мира по дзюдо в двухтысячном году, — подумал Сергей. — А перед этим чемпионатом был большой скандал, когда Степа без объяснения причин прямо перед соревнованиями неожиданно сменил своего старого наставника на тренера сборной. Да, да, об этом предательстве шумела пресса, а я тогда не обратил внимания и сейчас имею то, что имею...»

— Что делать? — растерянно спросил он. — Ведь сюда скоро может прийти полиция!

— Будем обедать, — спокойно произнесла Прасковья Ивановна и стала разливать по тарелкам душистый грибной суп.

— Тебе не надо волноваться. Мы уйдем раньше, чем они явятся сюда.

— А как же Прасковья Ивановна? Ведь она скрывала нас. Это же статья! — с тревогой произнес Сергей.

— За бабушку не надо волноваться. Ее никто не сможет найти здесь, кроме меня, — весело рассмеялась Вера, и от этого смеха тревога у Сергея мгновенно улетучилась. — Мы выходим завтра в пять утра, — добавила она и черпнула ложкой ароматный суп...

Степа шел строго на север, ориентируясь по звездам.

«Жаль, шефа убить так и не смог. Он — Кощей Бессмертный. Я ему столько яда ливанул, что хватило бы на десятерых, а он выпил — и ничего. Это все ведьмы виноваты!»

Находиться в этом доме Степан уже не мог. Он чувствовал, что скоро сойдет с ума. Каждую ночь перед ним возникали колдовские светящиеся глаза Веры, и какой-то страшный голос произносил одну и ту же фразу: «Не убий! Живьем гореть будешь!» До встречи с Верой и старухой Степан не верил во всякие потусторонние миры, но за эти дни ему незаметно было предъявлено столько доказательств, что он всерьез испугался за свою жизнь. Боялся, что Вера расскажет шефу о его сделке с Тамарой, и тот ночью свернет ему шею, как легко сворачивал в Афганистане десяткам головорезов во время военной кампании.

Степан не чувствовал себя предателем. Сам шеф все время повторял, что на рынке все продается и покупается, даже смерть. А Тамара обещала выложить крупную сумму за голову шефа. Все, может быть, и получилось бы, если б не эта дурочка Оля. Вина ей захотелось... Потом как будто улыбнулась удача: папаша-генерал воспользовался этой историей, чтобы упрятать Сергея в тюрьму. Тамара нашла связи, попытались грохнуть его там — и опять неудача. Степа старался изо всех сил, но после того, как лишился телефона и оказался в этой дыре, опустил руки. Последнюю попытку отравить Сергея он предпринял в день рождения, и неудача выбила его из колеи. Он понял, что ему никогда не одолеть

живучего и удачливого шефа... Но Тамара все равно обязана будет раскошелиться!

В лесу было страшно. Постоянные тревожные звуки леса как будто специально подгоняли Степу идти быстрее. Иногда в его сознании появлялся противный смех старухи, и ему становилось еще страшнее.

Неожиданно из кустов раздался какой-то треск, и перед ним, преградив дорогу, встал как вкопанный огромный волк. Они посмотрели друг на друга глаза в глаза, и Степе показалось, что через несколько мгновений его жизнь оборвется...

Тамара горько рыдала у гроба. Дети тоже были растерянны и всем видом показывали, что очень переживают потерю отца. Мать объяснила им, что смерть отца сделала их богатыми. От этой мысли у наследников становилось приятно на душе, и будущее рисовалось в самых ярких красках. Тамару смущало только поведение наемного менеджера компании, который запросил завещание на экспертизу, и поверенного адвоката Сергея, который, узнав о случившемся, срочно покинул страну. «Ничего-ничего, — думала вдова, — все проблемки мыотрегулируем. Недаром я обладаю такими связями и деньгами».

За гробом, прихрамывая, сиротливо шел Степан. На него было неприятно смотреть. Волк вырвал ему с мясом полноги и обезобразил все его лицо глубокими шрамами. Степа рассказывал, что пристрелил волка в последний момент, когда тот пытался сомкнуть свою страшную пасть на шее телохранителя. Из последних сил волк вцепился в Степино лицо и изуродовал его на всю жизнь.

«Я говорила Степе, что надо было выполнить задание точно — убить Сергея, и все было бы хорошо, а теперь пусть идет и хнычет. Денег я ему за работу все равно не дам. Не за что. Сергея со шлюхой так и не схватили. Агенты говорят, как сквозь землю провалились. Там ему и место. Сейчас мы его муляж в землю и спрячем».

Тамара устроила роскошные поминки, чтобы все знали, что у нее в семье все в порядке. Она хотела сначала пригласить на проводы и золотокудрого красавчика, но он отказался. «Он у меня такой тонкий и впечатлительный. слава богу, все кончено. Прощай, ад рабской замужней жизни! Здравствуй, праздник любви и свободы!»

Шел уже шестой день, как Сергей и Вера отправились в путь по проселочным дорогам. Целью их путешествия была Европа. В России находиться стало опасно. Нужно было выждать время и только потом, когда уладятся все неприятности, вернуться на родину. Россия была всегда родиной для Веры, потому что, несмотря на политическую принадлежность к Украине, Крым оставался де-факто русским полуостровом, с русскими традициями и русской ментальностью.

В целях безопасности они старались проходить через малонаселенные места. Вера уверенно вела Сергея вперед, как будто всю жизнь ходила по этому потаенному маршруту.

Она говорила ему простые вещи, и Сергей понимал, что в этой простоте и кроется правда и загадка счастья.

— Ты удивляешься, что каждый день со мной проходит так, как будто ты проживаешь маленькую жизнь, — как-то, смеясь, сказала она.

— Да. И я не понимаю, почему, — искренне удивился Сергей.

— Цивилизация стремится увеличить срок жизни человека, а на деле постоянно сокращает его.

— Не понимаю, — качая головой, повторил он.

— Люди считают по обычному календарю формальные годы жизни, а не ее реальную продолжительность.

— Это как?

— Годы жизни — это срок тления тела, период его разрушения, а продолжительность жизни — это время счастья горения души в гармонии с природой. С каждым годом человек живет все меньше и меньше, его душа проживает короткую жизнь, а вместе с ней и тело тлеет в ускоренном темпе...

— И изменить ничего нельзя?

— Можно. Но для этого Вера должна встретиться с Надеждой, — пошутила Вера и звонко рассмеялась. — Секрет простой. Человек перестает стареть, когда он счастлив. В этом и открытие секрета долголетия первых людей на земле, живших тысячи лет.

Так они шли и шли, размышляя о простых вещах, открывая в них самые сокровенные секреты человеческого бытия на земле.

На частый вопрос Сергея, куда они идут, она с улыбкой отвечала:

— Пока не знаю, но точно к спасению.

Они вышли на дорогу.

— Сегодня мы можем взять попутную машину, и за десять часов будем на границе с Беларусью, — неожиданно сказала Вера.

Уже через минуту «КамАЗ» с добродушным толстяком-водителем подобрал их на трассе, и десять часов беглецы неслись в кабине грузовика в объятиях друг друга по направлению к спасению.

Границу перешли спокойно, по тропе, указанной местным жителем. Пограничников здесь не было. Ощущение другой жизни переполняло влюбленных. Они позабыли обо всем на свете и упивались лишь друг другом. Чувство свободы, как хмель, вскружило им головы. Как дети, взявшись за руки, Сергей и Вера бегали по поляне и безудержно, как сумасшедшие, смеялись от счастья.

Но тут, буквально через десять минут после перехода границы, они неожиданно услышали окрик на русском языке:

— Стоять! Руки вверх!

Сергей от неожиданности не смог даже сообразить, что делать. Перед ними стоял белорусский пограничник.

— Предъявите документы! — приказал совсем еще молодой блондинистый сержант.

Он долго рассматривал паспорта, затем спокойно положил их в нагрудный карман и по-военному коротко и четко произнес:

— Следуйте за мной!

Беглецов отвели в маленький дом, приспособленный под пограничную заставу. Из окна дома было видно богатое белорусское село.

Задержанных допрашивал капитан. Он был несколько удивлен их причудливым видом. За время скитаний Сергей отрастил большую русую бороду и походил на былинного русского богатыря. Вера в своем старорусском наряде и вовсе выглядела сказочной лесной нимфой.

— Капитан Тельнов, — представился молодой статный офицер.

Неизвестно, как долго длился бы допрос, и чем бы он закончился, если бы Сергей сразу не спросил капитана:

— А ваш отец случайно не Тельнов Дмитрий Павлович? Генерал Тельнов?

Глаза капитана расширились от удивления.

— Да. Тельнов Дмитрий Павлович. Вы его знаете?

— Да, мы с Димкой вместе прошли Афган и были очень дружны. Потом жизнь разбросала нас в разные стороны.

— Да, вас действительно разбросала. По вашему виду, вы с Афгана до сих пор бредете, — беззлобно пошутил офицер.

— Соедини меня с отцом! — возбужденно произнес Сергей.

Капитан неуверенно набрал номер на мобильном и через минуту, улыбаясь, передал трубку Сергею...

Их поселили в какой-то загородной резиденции генерала Тельнова под Минском. Беларусь Северов любил искренне. Здесь жили его лучшие друзья по Афганистану. Сам он быстро завершил карьеру разведчика по контракту и по корыстным соображениям ушел в бизнес, а его однокашников по школе ГРУ разбросало по всем странам мира. Сергей хотел стать генералом, но система, по его глубокому убеждению, никогда бы не позволила реализовать этот жизненный план. Он видел, как несправедливо быстро получали звезды отпрыски генералов ГРУ, и в знак протеста решил не терять времени на глупые иллюзорные ожидания, а купить «улыбку судьбы» заработанными в бизнесе деньгами.

Поначалу Сергей старался поддерживать связь с друзьями, но потом бизнес разлучил их, казалось, навсегда. И вот здесь, в Беларуси, снова повеяло молодостью, задором, несбывшимися мечтами...

Генерал Тельнов хотя и был немного удивлен, но очень рад задержанию на границе друга в сопровождении очаровательной девушки. Сергей успел сбрить бороду и выглядел не по возрасту подтянутым и моложавым.

Тельнов ярко помнил первую встречу с Сергеем в Афганистане, когда душманы взяли их в кольцо, и только смекалка Сергея подарила его группе жизнь. Тогда Северов пошел на переговоры с главарем и своим бесстрашием сумел как-то расположить бандита к себе. Пока он вел переговоры об условиях сдачи оружия, подлетели наши вертолеты, и душманы, так и не решившись на атаку, скрылись в горах. Этот разговор все потом называли «двадцать пять минут ценою в жизнь». Сергей чудом остался жив. Был ранен в живот, но пуля, не задев жизненно важных органов, ушла навывлет...

Друзья засиделись за воспоминаниями далеко за полночь, и только генеральские заботы не дали продлиться этой встрече до утра.

Через неделю беглецы получили новые загранпаспорта. Для них обоих начиналась новая жизнь, полная неизвестности.

В аэропорту Сергей очень возбужденно и долго разговаривал с кем-то по телефону. Потом, зайдя в кафе, где его ждала Вера, подошел к ней и, улыбаясь, сказал:

— Разговаривал с адвокатом. Ты представляешь, они меня похоронили! Для всех я умер!

— Я тебе в санатории сказала, что ты умрешь, и это произошло.

— Но я же не умер! Я жив!

— Нет, тот Сергей умер. Со мной находится другой человек по имени Надежда.

— Ты шутишь...

— Нет, ты человек с другой душой. Душой, которая внезапно заново родилась.

Вера раскрыла новенькие паспорта и от удивления вскрикнула.

— Я твоя жена? Я уже Северова? И замужем я три года? Нам нельзя менять свои фамилии...

— Так быстро летит время, когда любишь, — пошутил Сергей. — В разведке так бывает часто... Кстати, почему ты протестуешь против фамилии Северов? Даже Прасковья Ивановна говорила, что фамилия великая. А Прасковье Ивановне доверять мы с тобой просто обязаны.

После похорон жизнь Тамары полетела кувырком в страшную пропасть. Сначала последовал арест сына за наркотики. Через три месяца дочь на «порше» ночью сбила студентку. Дело не удалось замять даже с помощью денег: погибшая была генеральской дочкой.

Но самый большой удар нанесла эта неблагодарная златокудрая свинья. За два дня до отъезда на отдых Тамара застала своего возлюбленного в постели со своей лучшей подругой Изабеллой. Сдал их тот же Степашейка, который стал работать на Тамару.

Одеваясь и глядя волосы юного подонка, Изабелла нагло заявила:

— Не смотри на меня так. Я, в отличие от тебя, его услуги щедро оплачивала, оплачиваю и буду оплачивать. Я не девочка, чтобы в любовь играть...

Разразился грандиозный скандал.

Златокудрый поденок впервые орал на Тамару, нарочито цинично расхаживая по комнате обнаженным, смеялся и пересчитывал при ней свое вознаграждение, полученное от Изабеллы.

— Ты обещала подарить яхту, а оказалось, ее отдали за долги киприотской фирме. Ты обещала путешествие по всему миру на нашем самолете, а его нет. Ты нищая! Твой муж наделал долгов и умер. Я красив, молод, я жить хочу, и жить в роскоши, которой достоин. Без обид, Тома. Я перед тобой честен. Не можешь держать свое слово — нечего претендовать на счастье. А я зарабатываю честно тем, чем могу и люблю зарабатывать. И с Изабеллой я тебе не изменял. Это всего лишь мой бизнес, так сказать. Она платит — я предоставляю услуги. Рыночная экономика, Томик.

Да, к несчастью для Тамары, он говорил правду. После смерти Сергея неожиданно все дела в компании расстроились, как по мановению волшебной палочки. Оказалось, что долги так велики, что кредиторы описали все имущество компании за рубежом. В тонкостях бизнеса мужа Тамара, конечно, не разбиралась, поэтому сопротивляться обстоятельствам не могла. Это был смертельный удар в самое сердце. Жизнь потеряла всякий смысл...

Тамара еще раз посмотрела на подругу и изменника и вдруг вспомнила, как познакомилась с Сергеем, как они до утра целовались на берегу реки, как она плакала от счастья при рождении первенца. Поток не связанных друг с другом образов нахлынул на нее: мама, папа, Сергей, дети, Степа, священник, стриптизер, школьная учительница... Тамара вскрикнула не своим голосом: «О, Боже!» — и упала в обморок.

«Скорая помощь» приехала быстро. Тамара сопротивлялась, не желала ехать в больницу, но подруга Изабелла и златовласый демон настояли.

Проведя в больнице несколько дней, она постепенно смирилась. Более того, ей даже становилось лучше по мере того, как отступали страшные видения ее сознания. Она уже сама хотела оставаться здесь как можно дольше, чтобы забыться от ужаса последних лет.

Однажды утром Тамара проснулась от резкого звука. Это был зуммер интернет-сообщения. Она удивилась: ей уже давно никто не писал, казалось, она всеми забыта в этом тихом и скорбном месте. Она открыла свой портативный компьютер и с удивлением обнаружила сразу несколько писем.

Первое было от сына, который писал, что сам поступил в заочную магистратуру и уезжает в экспедицию на Дальний Восток.

Второе письмо было от дочери. В нем она сообщила, что попала под амнистию, познакомилась по переписке с офицером и выходит через три месяца замуж.

Третье сообщение было из банка. На ее счет поступило сто тысяч долларов от неизвестного дарителя.

— Вам нужно больше улыбаться жизни, — сказал ей прямо с порога лечащий врач.

— Я понимаю. Я постараюсь. Я буду улыбаться, доктор. Мне деньги с того света прислал муж. То есть он жив, но находится на том свете.

— Улыбайтесь. Говорите глупости. Вы скоро поправитесь. Вы такая молодая и красивая, проговорил доктор, выходя из палаты.

Тамара с неподдельным интересом посмотрела вслед статному симпатичному врачу и вдруг подумала: «Жизнь прекрасна, и она продолжается!..»

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Стометровая яхта «Вера-Надежда» отплывала от порта Сен-Тропе величаво и торжественно. На корме в креслах сидели двое: русоволосый мужчина и красивая молодая женщина. Они нежно держали друг друга за руки. Множество зевак на берегу с завистью и восхищением наблюдали за ними.

— Представляешь, мне сообщили, что наш храм полностью восстановлен. Какое счастье, что мне удалось помочь появлению такой красоты. Смотри, он просто парит над землей.

Вера посмотрела на фотографию храма, стоящего на горе и сияющего своими золотыми куполами так, что, казалось, они освещают все вокруг: леса, поля, реки — до самого горизонта. Она закрыла ноутбук и тихо произнесла:

— Сияние от храма как на иконе. Ты — счастливый человек, ты создаешь красоту. Я тоже очень счастлива. И правильно, что ты простил жену и помогаешь ей и детям.

— Я счастлив, потому что встретил тебя.

— А я — тебя.

— Сегодня у меня день рождения. Прошло ровно два года, как я вернулся из Швейцарии, а я все еще жив.

— Ты стал Белым лебедем. Ты очистил свою душу от зла.

— Я уже не белый, а русский лебедь, — пошутил Сергей. Он осторожно погладил ее округлый живот и поцеловал в губы.

— Ты родишь спасителя?!

— Конечно. Одного человека этот маленький человечек уже спас, — улыбнулась Вера. — Он превратил тебя из гадкого утенка в белого лебедя с горящими от счастья глазами. Все мы в этом мире спасители, мы несем в мир доброту, — задумчиво добавила она, думая о чем-то загадочном, только ей понятном.

— А как мы назовем нашу красавицу? — нежно спросил Сергей.

— У Веры и Надежды может родиться только...

— Любовь, — опередил Сергей.

— Она и спасет этот заблудившийся мир.

Сергей достал толстую тетрадь и стал под диктовку Веры что-то аккуратно записывать. Это была Великая книга знаний о силе добра и любви, книга, подаренная миру Всевышним. Каждый читатель может прочесть эту книгу, если однажды откроет глаза и увидит жизнь глазами Творца. Для этого надо сделать всего лишь усилие и открыть глаза. Так, страница за страницей, будет писаться удивительная, благодатная книга земного счастья.

Мы уверены, что живем вечно,
Точно зная, что все равно уйдем.

Нет! Мы не уйдем!

Мы останемся жить на этой планете!

Жить в памяти посаженного дерева...

Жить в случайно оброненном в землю и неожиданно взошедшем
к солнцу семечке подсолнуха...

Жить в беззаботном смехе наших потомков,

В звуках музыки,

В строках поэзии,

В пыли наших книг,

В ароматах любви, подаренных Земле...

Подаренных Вселенной.

Земле не принадлежит наша любовь!

Любовь рассыпается невидимыми искрами
добра и благодати,

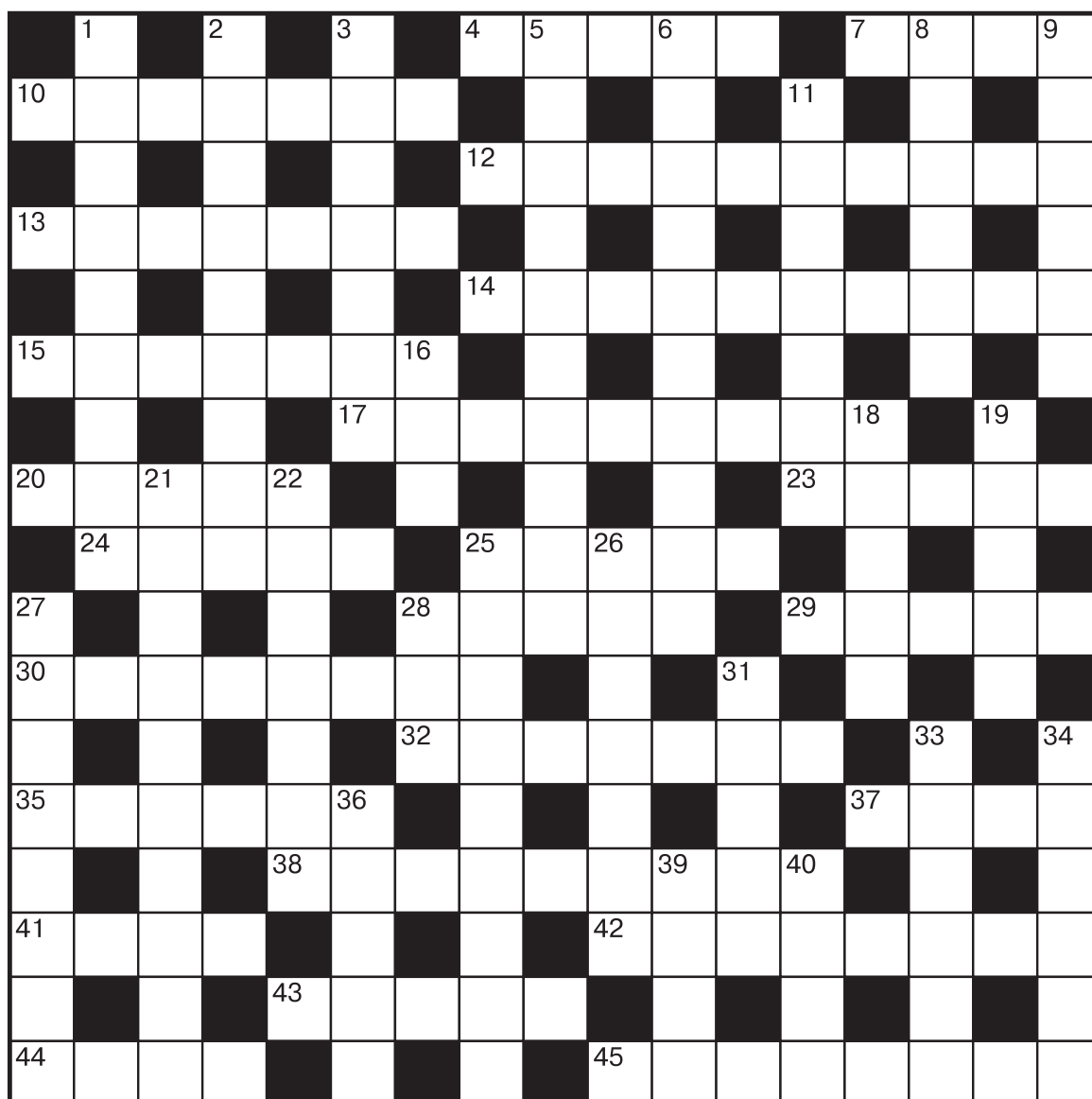
Рассыпается по всей Вселенной.

Да, мы не познали просторы Вселенной,

Но мы познали просторы любви,

А значит, познали просторы бессмертия... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 4. Какой плод имеет практически тезку среди популярных в 70-х годах фасонов брюк? **7.** Что стало причиной переезда Королевской обсерватории из Гринвича в Херстмонсо? **10.** В чем обличает жену Аристарх Вышневецкий из комедии «Доходное место» Александра Островского? **12.** Какие меры принял герой рассказа «Монтер» Михаила Зощенко, чтобы усадить

знакомых девиц на хорошие места? **13.** Где муку в хлеб превращают? **14.** Усиление наоборот. **15.** «Золотая столица» Сибири. **17.** В какой усадьбе Валентин Серов написал свою «Девочку с персиками»? **20.** Кучер, исполняющий жестокий романс из фильма «Формула любви». **23.** Где «из молодых людей выбивают дурные мысли; иногда вместе с мозгами»? **24.** Земельный пай

крестьянина. **25.** Что удерживало от падения «Дамоклов меч»? **28.** Дворянский титул Пьера де Кубертена, ставшего родоначальником современных Олимпийских игр. **29.** Самый богатенький в мире Билл. **30.** Альтернатива копии. **32.** Удобрение, подрабатывающее по совместительству взрывчаткой. **35.** Какой молочный продукт смешивают с медом, чтобы делать компрессы при воспалении легких? **37.** Конспиративная квартира. **38.** Заморский чревоугодник. **41.** Что английский классик Оскар Уайльд парадоксальным образом полагал «телом души»? **42.** Любимый салат звезды нашего кино Людмилы Гурченко. **43.** Какая крупа бывает даже красной? **44.** Радикальное средство против болтологии. **45.** «Человек, который всю жизнь поистине изнемогал от самовлюбленности» (поэт серебряного века).

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Фанат Терпсихоры. **2.** «Кузница самолетов». **3.** Какая девица сердце добру молодцу приморозила? **5.** В каком лондонском театре состоялась премьера

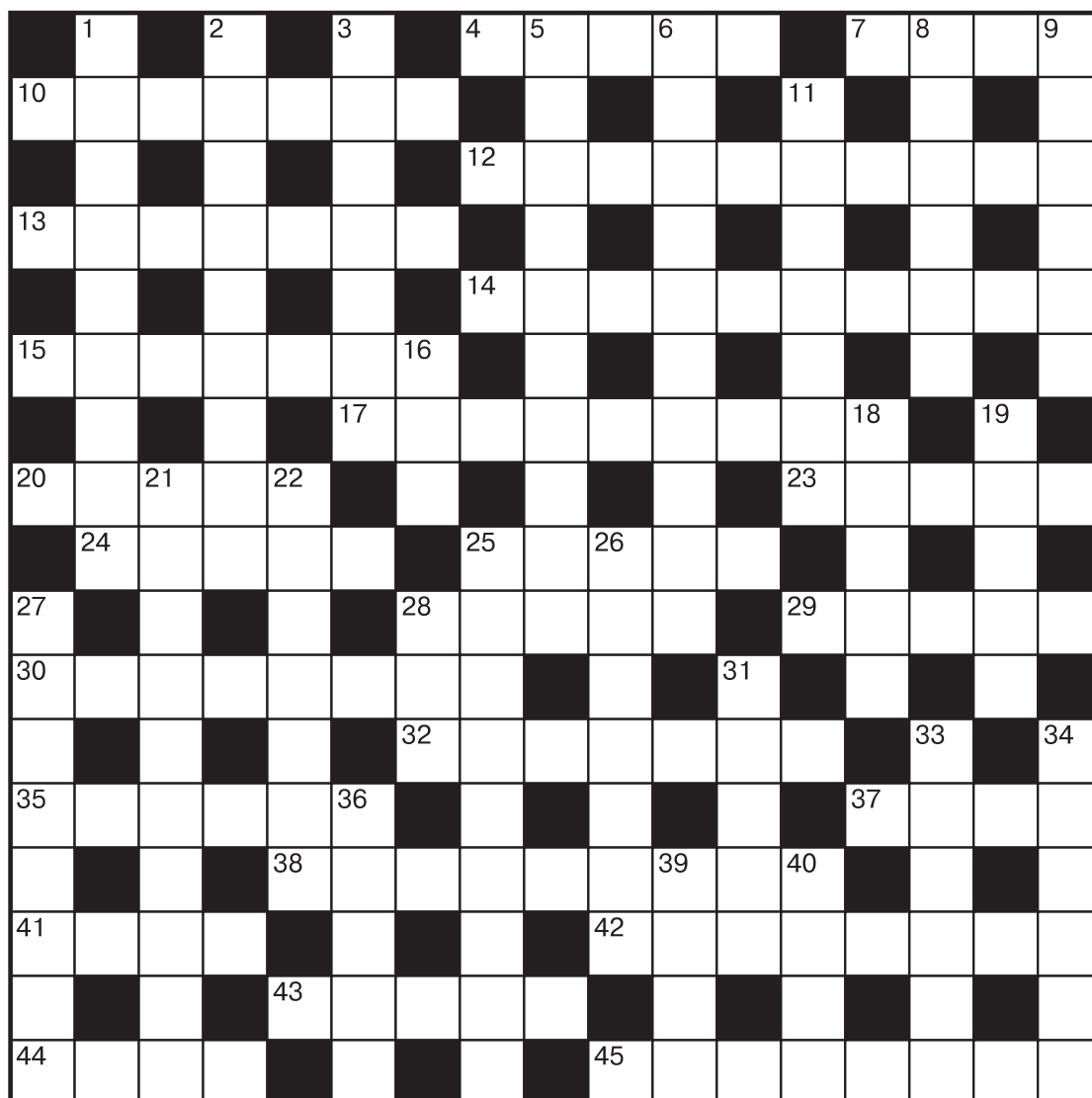
пьесы «Мышеловка» Агаты Кристи? **6.** Центральный номер цирковой программы. **8.** Кавказская простокваша, сливающая «источником долголетия». **9.** Какой лоск пришел к нам из немецкого языка? **11.** Какую из своих избранниц Федор Достоевский почитал «больной эгоисткой»? **16.** У какой русской реки 150 000 притоков? **18.** Почетная награда, за которой не гонится Василий Теркин из поэмы Александра Твардовского. **19.** «Еда строгого режима». **21.** Какой штат Арнольд Шварценеггер возглавлял? **22.** Чеховский «человек в футляре». **25.** «Первый секс-символ немого кино», сыгранный Рудольфом Нуреевым. **26.** Гена Букин по паспорту. **27.** «Всю жизнь мой материальный ... завидовал моему духовному богатству». **28.** Голос Бориса Штоколова. **31.** Преемник озонового щита. **33.** Без чего дрель теряет всякий смысл? **34.** Какое кушанье «сидит в печенках» у зверей и птиц? **36.** Кем была оперная Чио-Чио-сан до свадьбы с лейтенантом Пинкертоном? **39.** Ночная хоккейная ... основана в 2011 году. **40.** «Косметический студень».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Скунс. **9.** Дуболом. **11.** Термы. **12.** Бисмарк. **14.** Ливия. **15.** Вологда. **16.** Битум. **18.** Налог. **20.** Заемщик. **23.** Конус. **25.** Дуга. **28.** Мессинг. **29.** Абсент. **30.** Вера. **32.** Весна. **33.** Барон. **34.** Гангстер. **36.** Архипелаг. **38.** Галочка. **39.** Орфей. **40.** Чистота. **41.** Кулон. **42.** Диета. **43.** Паинька. **44.** Бардо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кулинар. **2.** Ботинок. **3.** Лоб. **5.** Камбуз. **6.** Нерв. **7.** Геноцид. **8.** Имидж. **10.** Минимум. **13.** Коммуна. **17.** Массандра. **19.** Горностай. **21.** Купер. **22.** Банан. **24.** Север. **26.** Тайга. **27.** Осень. **30.** Валентино. **31.** Романтика. **32.** Вексуха. **35.** Мичиган. **36.** Аккорд. **37.** Армия. **38.** Гейтс.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Капеллан герцога Букингемского, посвятивший героическую поэму Оливеру Кромвелю, что не мешало ему в салонных беседах провозглашать себя приверженцем Стюартов. **7.** Кто забил финальный гол на Евро-2012? **10.** Под чью песню исполнили первый танец Дональд и Меланья Трамп на президентском балу? **12.** «Вестибюль» в византийских храмах. **13.** «Обуховский Гораций» для Гаврилы Державина. **14.** «Обыски-

вающее» устройство в аэропорту. **15.** Шляпный мастер. **17.** Русский скульптор, не только создавший атлантов для Эрмитажа, но и придумавший «переводные картинки». **20.** Слово, из-за которого поссорились Иван Никифорович с Иваном Ивановичем в гоголевской повести. **23.** Зауженный пояс для кимоно. **24.** Турецкая золотая монета. **25.** Одетта, ставшая душеприказчицей великого Мориса Шевалье. **28.** Пастух коней у курдов. **29.** Че-

тыре из шести первых американских президентов вступили на этот пост в 57 лет. Кто стал последним из них? **30.** Ловушка для горносталя. **32.** Личный врач Генриха Гиммлера, выдвинутый в 1956 году на Нобелевскую премию мира. **35.** Сельская община у якутов. **37.** Мелкий плавучий лед из словаря Даля. **38.** Первая туманность, у которой удалось выявить спиральную структуру. **41.** Аметистовая чаша из сказки «Юный король» англичанина Оскара Уайльда. **42.** Физик, давший название парашюту. **43.** Какая актриса, как считает Джек Николсон, «настолько идеальна, что способна превратиться в священную корову»? **44.** Царь из «Махабхараты». **45.** Опытный в аюрведе врач.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Кому ныне принадлежит Мосkitный Берег? **2.** Октябрь на народный лад у немцев. **3.** Постамент для холодных закусок на банкете. **5.** Какую фамилию «обвел» «король лжецов» барон Мюнхгаузен в первом русском переводе своих приключений? **6.** Монастырь

близ места рождения «самого мудрого и влиятельного ума Европы». **8.** Травяной ликер с Сицилии. **9.** Дух облаков у индусов. **11.** Немецкая вершина с «Чертовой кафедрой». **16.** Печь для стекла. **18.** Сестра, случайно застреленная в детстве Феликсом Дзержинским. **19.** Турецкие пончики. **21.** Экстремальная акробатика на Белой Олимпиаде. **22.** В какого русского генерала шведский король запретил стрелять своим солдатам? **25.** «Фруктовый винегрет» у французов. **26.** Официальный язык Норвегии. **27.** Первый представитель элейской философии. **28.** Фанат компьютерных технологий. **31.** Какой директивой Адольф Гитлер приказал в случае своей смерти уничтожить на территории Рейха все стратегические объекты, продуктовые склады и культурные ценности? **33.** Корона византийского императора. **34.** Задача керамзита в цветочных горшках. **36.** «Босс боссов» американской мафии, чья хвастливость стоила самых больших потерь преступному синдикату. **39.** Центральная линия в китайских шахматах. **40.** Кукушка среди азиатских ящериц.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Ааргх. **9.** Копитес. **11.** Будин. **12.** Вестрис. **14.** Вильд. **15.** Пиньоли. **16.** Губач. **18.** Хафиз. **20.** Лаконик. **23.** Кохаб. **25.** Кото. **28.** Лиллиан. **29.** Ресебо. **30.** Баха. **32.** Люнги. **33.** Йакан. **34.** Потрясок. **36.** «Будильник». **38.** Симонов. **39.** «Чинук». **40.** Откосок. **41.** Ицзин. **42.** Челли. **43.** Фолишон. **44.** Тяною.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Бодибар. **2.** Шильдик. **3.** Лев. **5.** Астрал. **6.** Грип. **7.** Бульник. **8.** Силла. **10.** Сетубал. **13.** Сикофан. **17.** Чайлдгрув. **19.** Зомбоящик. **21.** Конак. **22.** Бошан. **24.** Бирюк. **26.** Крепп. **27.** Осетр. **30.** Бальвония. **31.** Харитонов. **32.** Лодоицея. **35.** Синтроп. **36.** Бодило. **37.** Мишер. **38.** Сулла.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 110 рублей 00 копеек	За 1 номер — 132 рубля 00 копеек
За 6 номеров — 660 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 792 рубля 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 апреля открыта подписка на 2-е полугодие 2017 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

Как вы все хорошо знаете, «смех продлевает жизнь». Действительно, в круговороте забот и проблем нас нередко спасает чувство юмора и легкой иронии. Мы надеемся, что оно присуще и вам, поэтому в 2017 году решили объявить среди подписчиков **новый литературный конкурс «Посмеемся вместе» — на лучший юмористический рассказ.**

Рассказы принимаются объемом 5–15 страниц (до 27 000 знаков), в электронном виде на адрес:
tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2017 года.

Вместе с рассказами присылайте по возможности и копию подписной квитанции или доставочной карточки. Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце 2017 года. Лучшие рассказы мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка

на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

Ждем от вас смешных интересных историй. Удачи, друзья!

